

КОРНИ ТРАВЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ
МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

Общество "Мемориал"
Фонд имени Генриха Бёлля

КОРНИ ТРАВЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ
МОЛОДЫХ ИСТОРИКОВ

Москва "Звенья" 1996

ББК 63.3(2)7

К 67

Совет программы «Поддержка молодых исследователей — 1995»:
Кристина Бах, Лариса Богораз, Татьяна Великанова,
Елена Жемкова, Татьяна Касаткина, Марина Павлова-Сильванская,
Екатерина Шукшина, Ирина Щербакова

Под редакцией А.С.Ереминой и Е.Б.Жемковой

*Издание сборника осуществлено при поддержке
Фонда им. Генриха Белля совместно с «Stiftungsverband Regenbogen e.V.»*

ISBN 5-7870-0001-3

©НИПЦ «Мемориал», составление, 1996 г.

©М.Коренева, оформление, 1996 г.

От редакторов

Сборник, который мы предлагаем читателю, не совсем обычный. В нем представлены статьи молодых историков, чьи исследования проводились не в стенах традиционных академических учреждений, а в рамках программы «Поддержка молодых исследователей», осуществляемой двумя гуманитарными общественными организациями — обществом «Мемориал» (Москва) и Фондом имени Генриха Бёлля (Кёльн). Большинство наших авторов работают вдали от столичных научных центров, и это — принципиально важное обстоятельство.

Всех без исключения авторов этого сборника можно назвать начинающими: средний их возраст около двадцати пяти лет, а самым молодым едва исполнилось двадцать. Таким образом, книга позволяет увидеть панораму интересов и проблем нового поколения исследователей, разрабатывающих традиционную «мемориальскую» тематику — изучение истории политических репрессий. Впрочем, сегодня эта тематика понимается более широко, чем несколько лет назад, и предметом исследования становятся не только политические репрессии в узком смысле слова, но и самые разные аспекты системы отношений между тоталитарной властью и обществом. Особенно хотелось бы отметить растущий интерес к истории общественного сопротивления тоталитарному диктату. При этом сопротивление в наши дни рассматривается уже не только как интеллектуально-нравственный феномен, имеющий узко биографическое значение, — гуманитарная мысль постепенно осознает системность этого явления и, соответственно, пытается его осмыслить.

Все мы помним волну колоссального общественного интереса к новейшей отечественной истории, поднявшуюся в эпоху перестройки, в 1987–1991 гг. Сейчас эта волна очевидным образом схлынула. Не будем много рассуждать о том, хорошо это или плохо: это так. В сущности, уже в те годы было ясно, что массовый ажиотажный спрос на историю возник лишь как производное от интересов иного рода, прежде всего — от политических страстей. В этом не было ничего дурного, и те, для кого история — не абстрактное знание о прошлом, а нечто, постоянно присутствующее в нашей сегодняшней жизни независимо от внешних обстоятельств, могут лишь радоваться, что однажды их чувства разделил весь народ, и что, в конечном счете, именно пробудившееся историческое сознание масс определило в решающий момент наше будущее.

В наши дни политикой занимаются политики, остальных общественные проблемы, кажется, не очень интересуют. Прошлое, однако, продолжает быть предметом спекуляций. Всем памятно, что совсем недавно лидер крупнейшей партии, претендовавший даже на верховную власть, публично заявлял: никаких массовых репрессий на самом деле не было. Разумеется, за рубежом тоже иногда слышатся голоса, заявляющие, что нацистские лагеря смерти — миф, созданный пропагандой союзников. Но там подобные заявления — удел политических маргиналов, и дискуссионной остается лишь одна проблема: подлежат ли авторы этих утверждений уголовному преследованию, и если да, то какому именно. Означает ли упомянутое выше утверждение об отсутствии массовых политических репрессий в СССР, что его автор становится политическим маргиналом в нашей стране? К сожалению, этот вывод кажется преждевременным.

Поэтому чрезвычайно важной представляется работа историков, занимающихся массовыми репрессиями в СССР, пусть даже их исследования уже не вызывают того общественного возбуждения, как шесть-семь лет назад. Вдвойне важно, что в эти исследования активно включается молодежь — как на профессиональном, так и на любительском уровне. И втрое важно, что это происходит не только в столицах, но и в провинции. Все это вместе взятое означает: в общественном сознании начались глубокие и, главное, необратимые перемены.

Как известно, почва для роста гражданского общества создается прежде всего локальными и децентрализованными гражданскими инициативами — тем, что в англоязычном обществоведении принято называть «*корнями травы*» (roots of grass). То же можно сказать и о гражданском сознании и, в частности, о его важнейшей компоненте — историческом сознании. Большинство представленных в сборнике материалов тесно связаны с историей регионов, и это, на наш взгляд, свидетельствует не только о постепенном возрождении исторического краеведения в России, но и о том, что семена, посеянные «Мемориалом» и другими историко-просветительскими общественными организациями, начинают давать всходы.

Пестрота исследовательских методик, жанров публикаций и даже обстоятельство, которое в иной ситуации можно было бы отнести к недостаткам сборника, — очевидная неоднородность научного уровня выполненных исследований, — в этом контексте оборачиваются едва ли не достоинствами. Это — естественные особенности роста, и составители не сочли возможным ни производить селекцию работ по обычным публикационным критериям, ни нивелировать их посредством чересчур усердного научного и литературного редактирования. Что у нас получилось — судить читателю.

Vorwort der Redaktion

Wir legen dem Leser einen nicht ganz gewöhnlichen Sammelband vor. Er enthält Artikel junger Historiker, deren Forschungsarbeiten nicht in traditionellen akademischen Einrichtungen, sondern im Rahmen des Programms «Förderung junger Forscher», getragen von der Gesellschaft «Memorial» (Moskau) und der Heinrich-Böll-Stiftung (Köln), entstanden. Die meisten unserer Autoren arbeiten weit entfernt von den wissenschaftlichen Zentren der Hauptstadt, und dies hat grundsätzliche Bedeutung.

Alle Autoren können ausnahmslos als Anfänger bezeichnet werden. Ihr Durchschnittsalter ist 25 Jahre, die jüngsten aber sind kaum zwanzig Jahre alt. Der Sammelband ermöglicht also den Blick auf das Spektrum der Interessen und Probleme einer neuen Generation von Forschern zum traditionellen «Memorial»-Thema der Geschichte der politischen Repressionen. Diese Thematik wird heute weiter gefaßt als noch vor einigen Jahren, erforscht werden nicht nur politische Repressionen im engen Wortsinn, sondern auch verschiedenste Aspekte des Beziehungsgefüges von totalitärer Macht und Gesellschaft. Besonders hinweisen möchten wir auf das wachsende Interesse für die Geschichte des gesellschaftlichen Widerstandes gegen die totalitäre Diktatur. Widerstand wird in unserer Zeit nicht mehr nur als intellektuelles und sittliches Phänomen von rein biographischer Bedeutung betrachtet. Das geisteswissenschaftliche Denken kommt immer mehr zur Erkenntnis seines Systemcharakters und versucht, ihn dementsprechend darzustellen. Spuren dessen sind auch in einigen Artikeln des vorliegenden Bandes zu finden.

Wir alle erinnern uns an die Welle des kolossalen öffentlichen Interesses für die neuste Geschichte unseres Landes in der Zeit der Perestroika zwischen 1987 und 1991. Sie ist heute eindeutig abgeebbt, wir konstatieren dies, ohne lange zu überlegen, ob es gut oder schlecht ist. Schon damals war im Grunde klar, daß das aufgeregte Interesse für die Geschichte überwiegend für ganz anders gartete Interessen, vor allem für politische Leidenschaften stand. Daran war nichts schlechtes. Und diejenigen, für die Geschichte kein abstraktes Wissen über die Vergangenheit darstellt, sondern in unserem heutigen Leben unabhängig von äußeren Umständen ständig präsent ist, können sich darüber nur freuen, daß das ganze Volk damals dieses Gefühl teilte und daß letztlich sein erwachtes Geschichtsbewußtsein im entscheidenden Augenblick die Weichen für unsere Zukunft stellte.

Heute beschäftigen sich mit der Politik nur die Politiker, die übrigen scheinen sich nicht allzu sehr für gesellschaftliche Probleme zu interessieren. Die Vergangenheit ist nach wie vor Gegenstand von Spekulationen. Alle erinnern sich daran, wie erst vor kurzem der Führer der größten Partei, die vorhatte, die Regierungsmacht zu erringen, öffentlich erklärte, daß es, genau genommen, gar keine massenhaften Repressionen gegeben hatte. Zwar kann man auch im Ausland ab und zu Behauptungen hören, daß die nazistischen Todeslager ein von der alliierten Propaganda erfundener Mythos sei. Derartige Erklärungen gehören aber zum Sprachgebrauch politischer Randgruppen und lösen höchstens Diskussionen darüber aus, ob nach welchen Paragraphen ihre Autoren strafrechtlich zu verfolgen sind. Bedeutet die erwähnte Behauptung, daß es in der UdSSR keine Massenrepressionen gab, daß ihr Autor zur politischen Randfigur wird? Diese Schlußfolgerung scheint leider verfrüht.

Die Arbeit der Historiker über massenhafte Repressionen in der UdSSR bleibt deshalb äußerst wichtig, auch wenn sie keine derartige Aufregung der Gemüter wie noch vor sechs Jahren mehr auslöst. Doppelt wichtig ist, daß sich an diesen Forschungen die Jugend beteiligt, professionell ebenso wie als Amateure, und, noch wichtiger, daß dies nicht nur in der Hauptstadt, sondern auch in der Provinz geschieht. Alles zusammen weist auf tiefgreifende und vor allem unumkehrbare Veränderungen im gesellschaftlichen Bewußtsein hin. Der Boden für das Wachstum der Zivilgesellschaft wird bekanntlich vor allem durch lokale und dezentrale Bürgerinitiativen bereitet — was in den anglo-amerikanischen Gesellschaftswissenschaften «grass roots» genannt wird. Analoges gilt für das Bürgerbewußtsein und besonders für das Geschichtsbewußtsein als für sein zentrales Element. Die hier vorgestellten Materialien sind mehrheitlich eng mit der Geschichte der Regionen verbunden. Dies zeugt nicht nur von einem allmählichen Wiedererstehen der historischen Regionsforschung, sondern auch davon, daß die Saat, die «Memorial» und andere, mit Geschichtsaufklärung befaßte Organisationen ausgebracht haben, aufzugehen beginnt.

Die Palette der Forschungsmethoden und Textgattungen und sowie die augenfällige Uneinheitlichkeit des wissenschaftlichen Niveaus der Beiträge - in einer anderen Situation eher als Nachteil zu werten — erweisen sich in diesem Zusammenhang durchaus als Vorteile. Sie sind natürliche Besonderheiten eines Wachstumsprozesses. Deshalb haben sich die Herausgeber weder zu einer Auslese der Arbeiten nach üblichen Publikationskriterien entschließen können noch dazu, die Unterschiede durch eine allzu strikte redaktionelle Bearbeitung nach wissenschaftlichen und literarischen Gesichtspunkten zu nivellieren.

Das Urteil über unsere Absichten und ihre Ergebnisse überlassen wir dem Leser.

**Архивные исследования.
Публикации**

*Марина Саламатова
(Новосибирск)*

ЛИШЕННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В НОВОСИБИРСКЕ в 1927–1936 гг.

Лишенные избирательных прав («лишенцы») — одна из наиболее массовых групп, подвергавшихся репрессиям в 1920–1930-е гг. Эта дискриминируемая группа, до последнего времени крайне мало изученная, представляет, однако, несомненный исследовательский интерес, поскольку включает представителей самых разных слоев и сословий до- и послереволюционного общества: «кулаков», «нэпманов», административно-ссыльных, а также всевозможных «бывших» — дворян, белых офицеров, полицейских, священников.

Множественностью причин лишения избирательных прав объясняется и разнородный демографический состав, образовательный уровень, социальное положение и другие статусные характеристики «лишенцев». Действительно, бывшего белого офицера и, скажем, зажиточного крестьянина объединяло, в сущности, одно: и тот и другой были поражены в избирательных правах (то есть не могли выбирать и быть избранными в органы государственной власти), лишены активного и пассивного избирательного права в профессиональных и других общественных организациях, а также не могли занимать ответственные должности¹.

Изучение личных дел лишенных избирательных прав в Новосибирске за 1927–1936 гг. позволяет составить представление о социальном облике городских «лишенцев». В 20–30-е гг. Новосибирск — город с быстрорастущим населением (в 1921 г. — 67 000 человек, в 1929 г. — 153 000²), в 1921 г. он становится административным центром Сибири, а в 1930-м — Западной Сибири. Естественно, что характерное для всей страны увеличение численности и изменение состава «лишенцев» в полной мере проявилось и здесь. Общее число лишенных избирательных прав выросло с 1000 человек в 1926 г. до 3300 в 1927 г., до 5300 в 1929 г. и далее — с 1930 до 1936 г. — оставалось практически неизменным: 6200³.

Для воссоздания социального портрета «лишенцев» Новосибирска нами был подвергнут машинной обработке массив из 800 личных дел — примерно треть от всех дел, заведенных на лиц, ходатайствовавших о восстановлении в избирательных правах⁴. Это позволило нам составить представление о демографическом составе «лишенцев», их образовательном уровне, сословной принадлежности до 1917 г., национальном составе,

партийности, участия в общественной жизни, изменении социального положения. Кроме того, по сохранившимся в архивах отзывам, жалобам, заявлениям мы можем судить об отношении к ним сослуживцев, соседей, родственников. Источники, обладая большими информативными возможностями, позволяют реконструировать облик как в целом всей группы «лишенцев», так и ее отдельных категорий.

Среди лишенных избирательных прав и в 1920-е и в 1930-е г. почти 3/4 составляли мужчины. Женщин, как правило, лишали прав только за торговлю и предпринимательство, как членов семей «лишенцев» и — в редких случаях — как административно-ссылных. Женщины-«лишенки» были менее образованны, чем мужчины: преобладали получившие начальное образование, а то и вовсе неграмотные. Лишь 1/5 часть женщин получили среднее, средне-специальное или высшее образование. В отличие от мужчин, они почти не принимали участия в общественной жизни, не состояли в профсоюзах. Почти 60% из них были домашними хозяйками, остальные — работали в советских учреждениях или по найму.

Говоря о возрастном составе «лишенцев», следует отметить, что 60% из них в 1920-е г. и 72% в 1930-е было от 30 до 50 лет. Значительная часть молодежи в 1930-е гг. смогла восстановиться в правах благодаря Постановлению ЦИК, принятому в 1930 г. Доля людей от 50 лет и старше никогда не превышала 15%.

Уровень грамотности городских «лишенцев», составлявший в 1927 г. 90%, в 1930-е гг. снизился. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, в 1927 г., согласно принятой «Инструкции о перевыборах в Советы», в массовом порядке лишили избирательных прав всех бывших белых офицеров, чей уровень образования оказался высок даже для городского населения. И, во-вторых, в 1930-е гг. в городе в значительном количестве стали оседать бежавшие из деревень крестьяне, а среди этой категории 20% были неграмотными. В 1930-е гг. в Новосибирске среднее, средне-специальное и высшее образование имели 43% «лишенцев». Большинство из них до лишения прав работали в советских учреждениях.

По утверждению большевиков, лишенные избирательных прав являлись «классовыми врагами пролетарского государства». Таковыми, в первую очередь, считались представители привилегированных до революции сословий. В связи с этим можно было предположить, что в общем числе «лишенцев» окажется весьма высоким удельный вес выходцев из дворянства, купечества, духовенства (хотя необходимо иметь в виду, что сословное деление к 1917 г. уже не отражало адекватно реальную социальную структуру российского общества). Однако в Новосибирске в 1920-е и 1930-е гг. 95% «лишенцев» не относились к этим социальным группам: около трети городских «лишенцев» происходили из мещан, а 65% — из крестьян. При этом следует учитывать, что в центральных районах страны процент привилегированных сословий среди «лишенцев» был выше, так

как Сибирь в этом смысле регион специфический, до революции здесь практически не было дворянства.

Нельзя не затронуть и вопрос о национальном составе «лишенцев», так как в литературе высказывались предположения, что при лишении прав дискриминировались национальные меньшинства. На этот факт указывает, в частности, Эл.Кимерлинг, анализируя национальный состав «лишенцев» Украины⁷. А.И.Добкин также отмечает, что в Ленинграде и Свердловске «доли евреев, немцев, китайцев, греков среди лишенцев в несколько раз превышают доли соответствующих этнических групп в населении тех же местностей»⁶. Однако, по данным, относящимся к Новосибирску, эти предположения не подтверждаются. В 1927–1930 гг. в изучаемой группе «лишенцев» этнический состав выглядел следующим образом: русских — 88%, украинцев — 4%, белорусов — 2%, евреев — 2%, татар — 1,5%, немцев — 0,5%, поляков — 0,5%, всех остальных (армян, молдаван, венгров и других) — чуть более 1%. Сравнивая эти цифры с национальным составом населения Новосибирска на 1928 г., можно утверждать, что они вполне сопоставимы (за исключением чуть более высокой доли русских — в пределах 2%) и, следовательно, дискриминации «лишенцев» по национальному признаку в эти годы в Новосибирске не было. В 1930-е гг. среди городских «лишенцев» до 7% увеличилась доля евреев, что связано с ростом числа административно-ссылных, 1/4 которых составляли евреи. Таким образом, за исключением нетипичной ситуации с административно-ссылными, среди которых практически не было уроженцев Сибири, национальный состав «лишенцев» почти не претерпел изменений в 1930-е гг. Поэтому у нас нет оснований говорить, что в Сибири при лишении избирательных прав сознательно дискриминировались национальные меньшинства.

Мы привели только самые общие демографические характеристики «лишенцев». Однако каждая из названных категорий имела значительные отличия по составу, происхождению, месту рождения, занятиям и т.д. Попытаемся рассмотреть более подробно каждую из этих групп.

Согласно статье 65 Конституции РСФСР 1918 г., определялись семь категорий граждан, не имевших права избирать и быть избранными в Советы всех уровней. Прежде всего сюда были отнесены «лица, прибегавшие к наемному труду, с целью извлечения прибыли»⁷. В городе данная группа была чрезвычайно разнородной: к ней относились «бывшие эксплуататоры» — помещики и предприниматели, бывшие «кулаки», кустари и ремесленники, пользовавшиеся наемным трудом, разного рода мелкие хозяева. В этой группе преобладали люди старше 40 лет, хотя среди кустарей и ремесленников нередко встречались и молодые. 70% этой группы составляли ремесленники и бывшие «кулаки», среди которых крайне мало уроженцев Сибири. Многие «кулаки» были удачливыми крестьянами-переселенцами с Украины и Белоруссии, а также из губерний Центральной России. Среди кустарей, напротив, много сибирских уро-

женцев — и выходцев из деревни, и коренных горожан. Тех, кого можно было бы назвать крупной буржуазией, кто подлежал лишению прав по пункту «а», в изучаемой группе единицы, и почти все они приезжие, оказавшиеся по разным причинам в Сибири (некоторые из них в 1930-е гг. спасались от угрозы лишения прав, переезжая из города в город).

Образовательный уровень «эксплуататоров наемного труда» также оказался весьма разнородным. Среди бывших «кулаков» грамотных было 80%, что для сельской местности было высоким показателем (для сравнения: по Сибирскому краю, согласно Переписи 1926 г., грамотными были лишь 27%)⁸. «Кулаки» и кустари имели в основном начальное или домашнее образование, а помещики и предприниматели — среднее или высшее.

По роду занятий и степени участия в общественной жизни «кулаки» и кустари также значительно различались. «Кулаки» до раскулачивания были достаточно уважаемыми в деревнях людьми (60% из них до 1926 г. занимали там различные выборные должности), и опасения большевиков, что они могут оказать существенное влияние на мнения и настроения односельчан, несомненно имели основания. Занятия этой части «эксплуататоров» до раскулачивания были стабильны: и до революции, и в годы гражданской войны, и при советской власти они занимались хлеборобством, за исключением участвовавших в войнах по мобилизации — как в составе Белой, так и Красной армий. Репрессиям со стороны Советской власти до конца 1920-х гг. «кулаки» не подвергались и лишь после ликвидации их хозяйств оказались в городе, где осваивали рабочие специальности либо занимались кустарным трудом. Власти с большой неохотой восстанавливали их в правах, почти 90% из них оставались в списках «лишенцев» до ликвидации самого института «лишенчества» в 1936 г.

Ситуация с кустарями несколько сложнее. «Эксплуаторами» их стали считать только с 1926 г., а до этого работа с двумя учениками или одним взрослым наемным рабочим не рассматривалась как эксплуатация. Очевидно, кустарей и единоличников большевики лишали избирательных прав, чтобы уничтожить негосударственный экономический сектор и частную собственность. Став в 1927 г. «лишенцами», они очень настойчиво добивались восстановления в правах, тем более, что половина из них состояла в профсоюзах, различных общественных организациях, был даже один член ВКП(б). Занятия их также относительно стабильны: ученичество, собственная практика, затем — работа на заводах, железных дорогах и т.п. Более 60% подававших апелляции кустарей были восстановлены в избирательных правах, так как имели пятилетний стаж работы и членства в профсоюзах. Многие кустари возмущались фактом лишения их избирательных прав, считая себя «самыми что ни на есть пролетариями» — и по происхождению, и по характеру труда. Во избежание тягот «лишенчества» многие кустари закрывали свое дело и старались по возможности устроиться на государственных предприятиях.

К следующей группе «лишенцев» Конституция 1918 г. относил «живущих на нетрудовые доходы», но фактически сюда причисляли и торговцев. По численности это самая значительная категория — как в целом по стране, так и в Новосибирске, где в разные годы она составляла от 30 до 44% от всех «лишенцев»⁹. Необходимо отметить, что социальный состав этой категории, в отличие от «эксплуататоров», в меньшей степени претерпел изменения. В 1918 г. «лишенцами» стали все торговцы независимо от размаха их предприятия. Исключение составляли лишь торговцы в разнос. Однако в 1926 г. и их причислили к «живущим на нетрудовые доходы», не беря во внимание, что многих вынудила заняться торговлей безработица. Единственным за все годы значительным расширением круга этой категории стало причисление в 1924 г. к «буржуазии» всех, кто когда-либо торговал, в том числе и до революции¹⁰.

По составу эта группа «лишенцев» достаточно разнородна: сюда причислили как бывших профессиональных предпринимателей, управляющих, приказчиков в купеческих лавках (хотя последних, если следовать букве закона, не должны были лишать прав, так как они являлись наемными работниками), так и когда-либо торговавших — независимо от размеров торговли и времени, в течение которого они этим занимались. Поражает в отдельных случаях несущественность причин лишения прав: «продавала молоко от своей коровы», «продавала масло своим соседям».

Основную массу данной группы в 1927–1936 гг. составляли мелкие торговцы, относительно крупных же предпринимателей было мало. Более половины «лишенцев» этой группы — люди от 35 до 50 лет, пожилых и молодых было приблизительно равное количество (около 20–25% в разные годы). Причины, заставлявшие молодежь заниматься торговлей, различны. Кто-то пытался получить дополнительные доходы к основному заработку, для кого-то в условиях безработицы это был единственный способ обеспечить себе существование. Некоторые продолжали традиции своих родителей — например, дети «кулаков», продававшие выращенное зерно или другие продукты на рынке. Они-то и дали высокий процент молодежи в этой группе. Интересно отметить, что дети бывших предпринимателей-горожан, напротив, всеми возможными способами «открещивались» от занятий и доходов своих родителей и старались устроиться на работу в советские учреждения и на предприятия.

Образовательный уровень этой группы не очень высок: 12% — неграмотные (среди них преобладают женщины-торговки), более половины — с начальным и домашним образованием. Судя по нашим данным, торговля редко для кого являлась постоянным занятием. Крестьяне до лишения прав торговали произведенными в своем хозяйстве продуктами. Некоторые, включая и женщин, выбирали торговые патенты за отсутствием иной работы и необходимого для службы образования. Часто меняли в условиях безработицы свои занятия мужчины: работали по найму, старались

устроиться на предприятия, занимались единоличным трудом и, кроме того, торговали.

Примечательна судьба бывших приказчиков, управляющих и части предпринимателей. В начале 1920-х гг. многие из них смогли устроиться в государственные учреждения, как правило, сохраняя профиль работы, — в магазины, на склады различных организаций, — и состояли в профсоюзе Совторгслужащих.

Насколько были удачны апелляции торговцев и предпринимателей на восстановление в правах? В 1927–1929 гг. восстановили лишь треть, а в 1930-е гг. — уже более половины. Это объясняется не гуманностью власти, а тем, что, во-первых, к данной категории в 1930-е гг. многие были отнесены ошибочно, а во-вторых, большая часть бывших торговцев уже имела 5-летний торговый стаж, что и обусловило высокий процент восстановленных в правах «лишенцев» этой категории.

Следующая группа (лишенные избирательных прав по пункту «г» статьи 65 Конституции 1918 г. — монахи, священнослужители и т.п.) составляла 5–7% от всех «лишенцев» в разные годы. Численность этой категории увеличивалась во многом искусственно. По инструкции о выборах 1926 г., прав лишались не только священники, но и все те, кто когда-либо служил при церквях, вспомогательный и технический персонал (псаломщики, хористы, пономари и т.п.)¹¹.

По возрастному и образовательному уровню группа «священнослужителей» неоднородна. Несмотря на преобладание старших возрастов (как правило, сюда относятся священники и церковные старосты), встречались и относительно молодые люди — 1891–1895 гг. рождения. Последние, как правило, служили в церквях псаломщиками, хористами от 1 месяца до 2 лет. Вот один из интересных примеров: в 1923 г. Зырянов А.К. служил вольнонаемным в Енисейском пограничном отряде войск ГПУ, затем, потеряв работу, пошел в псаломщики, за что и был лишен избирательных прав¹².

Только священники, как правило, имели духовное образование, у остальных оно было начальным. Отдельно необходимо сказать о тех, кто, согласно инструкциям, не мог быть причислен к «лишенцам», — это верующие, которые не отказались от своих взглядов (чаще всего старообрядцы, тихоновцы, баптисты), выполняли определенные обязанности в общинах, но священнослужителями не являлись, да и не могли быть таковыми, так как многие из них не имели соответствующего образования.

По происхождению только священники принадлежали к духовенству, все остальные были из мещан или из крестьян. По национальному составу: преобладали русские, хотя встречались украинцы и евреи.

Могли ли надеяться люди, лишенные избирательных прав по религиозным мотивам, на восстановление в правах? Кроме тех, кто непродолжительное время работал в церкви, ссылаясь на безработицу, и ошибочно внесенных в список священнослужителей, в 1920-е гг. почти никто восста-

новления не добился. В 1930-е гг. в связи «с участвовавшими случаями отречения от сана в значительном количестве»¹³ перед местными властями встал вопрос — что делать с священнослужителями, отрекшимися от сана? Так, в частности, Томский Окрамотдел считал «не лишним восстановить в избирательных правах некоторых служителей культа (предварительно тщательно проверив кандидатуры, а также по согласованию с ОГПУ). Подобное мероприятие будет способствовать массовому отказу служителей культа от сана»¹⁴. Сибкрайадмуправление, однако, вскоре разъяснило, что отречение от сана автоматически не дает права на восстановление в правах и в каждом подобном случае необходимо ходатайствовать перед ВЦИК¹⁵.

Участь отрекшихся от сана священнослужителей была незавидной. Поскольку на биржах труда их, как «лишенцев», не регистрировали, на работу в учреждения не брали, пожилым людям приходилось наниматься чернорабочими, браться за тяжелую физическую работу, так как только это давало надежду стать со временем полноправными гражданами.

Лишенные избирательных прав по пункту «д» Конституции 1918 г. вызывали особое внимание властей. Поначалу к этой категории отнесли только служащих и агентов царской полиции, особого корпуса жандармов и членов царствующего дома. В 1920-е гг. сюда постепенно стали включать крупных чиновников царской России, военачальников, а с 1926 г. — всех бывших белых офицеров и военных чиновников. Таким образом, к 1927 г. численность этой категории значительно возросла. Так, в Новосибирске лишенные прав по пункту «д» составляли 29% от всех «лишенцев», тогда как и до 1927 г., и в 1930-е гг. их доля не превышала 8%¹⁶.

Среди полицейских в исследуемой нами новосибирской группе нет высших чинов полиции и жандармерии. В основном это мелкие служащие или технический персонал карательных органов: городовые, стражники, урядники, надзиратели, учетчики, шоферы, писари и т.п. По большей части это были люди по 45–55 лет, лиц моложе 40 лет среди них нет. Старшие по возрасту служили в карательных органах до 1914 г., более молодые — в годы первой мировой войны (служба в полиции освобождала от призыва на фронт, и молодые люди пользовались этой возможностью, что и подчеркивали в своих анкетах и заявлениях, пытаясь добиться восстановления в правах).

Уроженцы Сибири составляли менее половины данной группы. Это связано с тем, что многие из них — переселенцы, не сумевшие устроить свою жизнь в других регионах. Как правило, перепробовав все возможные занятия в городе — работу по найму, извоз, мелкую торговлю и т.п., они нанимались в полицию, жандармерию, преимущественно — на низшие должности. Образовательный уровень представителей рассматриваемой группы невысок: почти у 80% начальное и домашнее образование, 12% вовсе неграмотны (технический персонал) и лишь у 8% среднее образова-

ние. Несмотря на невысокий уровень образования, 45% из них уже в годы гражданской войны работали в советских учреждениях, на складах, почтах, заводах и в мастерских на низших или технических должностях, например писарями, кладовщиками, сторожами, шоферами. Только очень немногие бывшие полицейские работали в советской пенитенциарной системе по своей специальности — надзирателями. В 1921 г. ВЦИК принял постановление, в котором предписывалось соблюдать осторожность при предоставлении этим людям более или менее ответственной работы, так как «каждая ошибка в этом отношении будет дискредитировать советскую власть в глазах широких трудящихся масс»¹⁷. Однако и по выходе этого постановления бывшие полицейские в изучаемой группе продолжали работать в советском аппарате.

Не попавшие в государственный аппарат бывшие служащие карательных органов занимались хлебопашеством, работали по найму. Горожане состояли в профсоюзах, а 40% из членов профсоюза занимали выборные должности. И не меньше половины бывших полицейских вполне адаптировались в послереволюционном обществе. Этому способствовало и то, что 1/5 этих людей отслужила в Красной Армии, а некоторые принимали участие в партизанском движении. В Белой армии и в карательных органах белых никто из них не служил. Убеждая власти в своей лояльности им с первых дней большевистской революции, они отмечали, что попали в полицию или жандармерию случайно и не только не участвовали в подавлении революционного движения, но поддерживали его в силу своего «пролетарского» происхождения. И действительно, по происхождению они не принадлежали к привилегированным сословиям (95% — из крестьян, 5% — из мещан), что отчасти облегчило их интеграцию в новое общество.

Местные власти учитывали, что большинство этих людей работали в карательных органах царской России на низших должностях, имели пятилетний трудовой стаж при советской власти, участвовали в общественной жизни, состояли в профсоюзах, служили в Красной Армии. Именно потому 50% из них после возбуждения ходатайства были восстановлены в избирательных правах.

Многих бывших белых офицеров, военных чиновников, а также служивших в милиции у Колчака (исключение составляли те, кто работал в милиции Временного правительства) впервые лишили избирательных прав в 1927 г. И именно на перевыборную кампанию этого года приходится пик обращений «лишенцев» этой категории в избирательные комиссии с ходатайствами о восстановлении в правах. В 1930-е гг. число апелляций бывших белых офицеров снизилось, большинство из них обращались по поводу повторного лишения прав местными властями.

Основную массу бывших белых офицеров в исследуемой группе составляли люди в возрасте от 30 до 45 лет (40% — 35-, 40-летние). Это были ещё активные граждане, представители интеллигенции, подавляющее

большинство которых не являлись профессиональными военными. Многие из них впервые оказались на фронте в годы первой мировой войны по мобилизации. В 1915–1916 гг., в связи с нехваткой на фронте младшего командного состава, выпускников гражданских учебных заведений отправляли в школы прапорщиков, где они и становились офицерами военного времени. После октября 1917 г. их демобилизовали, они возвратились домой, но были вновь мобилизованы — теперь уже в Белую армию.

Люди старшего поколения среди бывших белых офицеров до первой мировой войны работали учителями, агрономами, землемерами и т.д. В 1914–1915 гг. они служили в царской армии, а с началом гражданской войны были мобилизованы в Белую армию или вступили туда добровольцами. Кадровых офицеров среди этой группы очень мало (3%), и все они принадлежат к старшим возрастным группам.

Почти половина бывших белых офицеров впервые оказались в Сибири в годы гражданской войны. Многие из них — уроженцы центральных районов России, но еще больше с Урала и из Поволжья. Этим объясняется однородный национальный состав этой группы «лишенцев» — преимущественно русские и только 6% — украинцы, поляки и немцы.

Образовательный уровень этой группы был самым высоким по сравнению с «лишенцами» других категорий: несколько человек с начальным образованием (служившие в милиции у Колчака) и незаконченным средним, 40% — со средним, 45% — со средним специальным и 10% — с высшим.

В отличие от лишенных прав по пункту «д» Конституции 1918 г. — группы, где почти все были выходцами из крестьян, здесь социальный состав не так однороден: 45% указали, что принадлежали к низшему городскому сословию — мещанству, 3% — к дворянству, 3% — к духовенству, 2% — к почетным гражданам. Однако оказалось немало белых офицеров и крестьянского происхождения. Чтобы обосновать свою «нечуждость» советской власти, последние писали, что происхождение у них «пролетарское»: даже в годы учебы им приходилось работать по найму (родители не могли их содержать). И все же для большевиков бывшие белые офицеры представляли идеальный образ классового врага.

После мобилизации в Белую армию, некоторые, не желая участвовать в гражданской войне, дезертировали, 55% в изучаемой группе после пленения (или добровольно) перешли на сторону Красной Армии. В принципе, белые офицеры, служившие затем в Красной Армии, не должны были лишаться избирательных прав, но в «Инструкции о выборах» 1926 г. не уточнялось, что подразумевается под «активным участием в защите советской республики»¹⁸, и местные власти произвольно трактовали смысл этого пункта.

Несмотря на то, что 40% бывших белых офицеров были репрессированы советской властью и отбывали наказание, к 1921 г. почти все приступили к трудовой деятельности (за исключением эмигрировавших в Китай). К моменту лишения их прав это были образованные, опытные

специалисты, работавшие в советских учреждениях бухгалтерами, счетоводами, учителями, врачами, агрономами, ветеринарами и т.д. Один из них служил краевым специалистом по коневодству, другой — краевым инженером Западной Сибири, несколько человек занимались научной работой. Многие участвовали в общественной жизни (90% состояли в профсоюзах и почти 80% занимали различные выборные должности).

Относительно молодые представители этой группы помимо основной профессиональной деятельности с энтузиазмом организовывали драматические кружки, хоровые коллективы, участвовали в антирелигиозной кампании и т.п. Таким образом, можно сделать вывод, что многие бывшие белые офицеры к 1927 г. вполне адаптировались в постреволюционном советском обществе. Но, разумеется, не все. Судя по нашим данным, сложнее пришлось людям старшего поколения: они хотя и работали в советском аппарате, но не участвовали в общественной жизни столь активно, как молодежь. Особенно тяжело приходилось тем, кто вернулся из эмиграции: к ним относились с еще большим недоверием, и они чаще других попадали в разряд безработных.

Хотя многие бывшие белые офицеры и работали в советских учреждениях, не следует идеализировать их отношения с советской властью. По отношению к ним постоянно сохранялось настороженное отношение коллег, партийных и советских работников, которые в случае недовольства писали жалобы, доносы.

В то же время власти относились к бывшим белым офицерам сугубо прагматически: их знания и опыт были необходимы, особенно в Сибири, проблема привлечения в советский аппарат квалифицированных специалистов была крайне остра. Еще до массового лишения прав белых офицеров, в 1925 г. Сибкрайисполком поднимал перед ВЦИКом вопрос о восстановлении в избирательных правах ответственных советских работников, которые ранее были министрами в правительстве Колчака. Речь, в частности, шла о Н.В.Дмитриеве — начальнике Валютного отдела Управления УполНКФ в Сибири (при Колчаке он был товарищем министра продовольствия), и Г.А.Краснове — заместителе Уполномоченного НКФ по Сибири, о ряде других лиц. Председатель Сибкрайисполкома Р.И.Эйхе, добиваясь положительного решения этого вопроса перед ВЦИКом, писал, что «они являются по степени своей квалификации и дарованиям исключительными работниками»¹⁹. ВЦИК разъяснил: прав должны лишиться все министры и другие ответственные чиновники Белой армии. Однако Сибкрайисполком вторично ходатайствовал о восстановлении в правах отдельных работников и отправил в Москву на них блестящие отзывы-характеристики²⁰.

В 1926–1927 гг. вновь обсуждается вопрос о бывших белых офицерах. Принимая в 1926 г. решение о лишении их избирательных прав, ВЦИК поставил Сибкрайисполком в затруднительное положение: с одной стороны, согласно инструкции, советские органы должны были лишить прав

всех белых офицеров, не служивших в Красной Армии, а таковых в Сибири насчитывалось 1608 человек (по Новосибирску — 1042), а с другой стороны — «многие из подлежавших лишению состоят агрономами, учителями и другими активными работниками советского аппарата». Сибкрайисполком ходатайствовал перед ВЦИКом о предоставлении в отдельных случаях избирательных прав офицерам Белой армии, не служившим в Красной Армии. Однако 6 января 1927 г. ВЦИК отклонил ходатайство «в связи с большими политическими затруднениями». Однако Сибкрайисполком настаивает и опять обращается в Москву, теперь уже в ЦК ВКП(б), считая, что «огульное лишение избирательных прав бывших белых офицеров и военных чиновников нарушает нормальную работу аппарата края»²¹. В результате было получено разрешение восстановить в правах особо ценных работников. В исследуемой группе в 1927–1928 гг. было восстановлено в правах 70% — те, кто имел пятилетний трудовой стаж либо был ошибочно внесен в список «лишенцев», ибо ранее служил в Красной Армии.

В конце 1920-х гг. одной из самых многочисленных была категория членов семей «лишенцев». По Конституции 1918 г. они не лишались избирательных прав. Впервые на общероссийском уровне эта категория была введена в 1925 г. и первоначально охватывала только детей «бывших»²², а в 1926–1927 гг. стала одной из самых массовых (по СССР в 1927 г. — 38%)²³. В 1930-е гг. численность этой категории резко уменьшилась в связи с принятым ЦИКом СССР 22 марта 1930 г. постановлением «Об устранении нарушений законодательства СССР»²⁴. Этот документ, возникший в результате обсуждения проблемы «лишенцев» в Политбюро²⁵, предусматривал восстановление в избирательных правах достигших в 1925 г. совершеннолетия и не зависящих от родителей детей «лишенцев». Казалось бы, гуманная по тем временам мера преследовала, однако, сугубо прагматическую цель — внести раскол между поколениями. Большевики, считая, что старшее поколение перевоспитать уже не удастся, давали шанс молодежи. В результате многие дети «лишенцев» в Новосибирске постарались разорвать все отношения и связи с родителями.

В категорию членов семей «лишенцев» входили не только дети, жены, тещи, матери, но были даже случаи, когда работающие мужчины оказывались «иждивенцами жен-торговок». В возрастном отношении в этой группе преобладала молодежь: 70% в конце 1920-х гг. и 60% — в 1930-е. Жены и матери лишенных избирательных прав, как правило, занимались домашним хозяйством, в профсоюзах не состояли, поэтому и не восстанавливались в правах, если не могли доказать свою независимость от главы семьи. Следует отметить, что некоторые женщины, очень настойчиво добиваясь своего восстановления, даже разводились с мужьями.

Судьбы детей «лишенцев» после окончания учебы складывались по-разному, но примерно трети из них удалось устроиться в советские

учреждения или на предприятия. Остальные либо работали по найму, занимались кустарным промыслом, либо оказывались безработными. В 1930-е гг. 80% членов семей в изучаемой группе были восстановлены в избирательных правах.

И последняя категория лишенных избирательных прав по Конституции РСФСР 1918 г. — осужденные. С 1922 г. появилась новая группа «лишенцев» — административно-ссылные, которых местные власти учитывали вместе с пораженными в правах по суду. Численность административно-ссылных существенно увеличилась в конце 1920-х гг. и в 1930-е гг. оставалась стабильной, составляя 13% от всех «лишенцев» Новосибирска²⁶. В этой группе преобладали уроженцы Центрального, Северо-Западного, Донецко-Приднепровского, Южного районов, Белоруссии. 70% из них имели среднее, средне-специальное и высшее образование. 90% ранее состояли в профсоюзах и 40% занимали различные выборные должности. 65% административно-ссылных в изучаемой группе были высланы за взятки должностным лицам, валютные операции, контрабанду и т.д. Большинство из них не служили в Белой армии и ранее не были репрессированы. Вопреки нашим предположениям, лишь незначительное число административно-ссылных состояли в оппозиционных большевикам партиях (эсеров и меньшевиков), а 1/3 из них служили в Красной Армии. Большинство до ссылки работали в советских учреждениях, на предприятиях или занимались частной практикой, индивидуальной трудовой деятельностью. В Новосибирске местные власти привлекали их к работе в советском аппарате, и некоторые по окончании срока ссылки остались в этом городе. Так, в частности, Н.Я.Брянцев — горный инженер, проходивший по «шахтинскому делу», в Новосибирске работал при Сибкрайисполкоме консультантом, Н.И.Белоусов — бывший главный инженер Мартайгинского комбината, работал инженером в Новосибирске, А.М.Валькенштейн — в прошлом редактор «РОСТА» и сотрудник «Известий ЦИК», работал при Сибкрайисполкоме²⁷.

По национальному составу эта группа в 1930-е гг. отличалась от других: в ней было 26% евреев. Однозначно определить причину этого невозможно, но мы полагаем, что, во-первых, административно-ссылные прибывали из районов, где евреи составляли значительный процент населения (Одесса, Белоруссия, Украина и др.), а во-вторых, среди этих людей в Новосибирске было много представителей интеллигенции — социальной группы, в которой доля евреев традиционно высока.

С окончанием срока административной ссылки (как правило, 3–5 лет) истекал и срок поражения в избирательных правах. Если не протестовало ОГПУ, ссыльного восстанавливали в правах. В исследуемой группе 95% административно-ссылных в 1930-е гг. вновь стали полноправными гражданами.

Лишение избирательных прав было важной частью социальной политики большевиков. В обществе, где статус гражданина определялся не степенью образования, не экономическим положением, а наличием политических и гражданских прав, принадлежность к «полноправным» или «лишенцам» играла решающую роль. Как только человек оказывался в списках «лишенцев», его увольняли с работы, исключали из профсоюза, могли выслать его семью, повышали налоги, а в 1930-е гг. лишали продуктовых карточек, автоматически поражали в правах членов его семьи, исключали детей из школ и вузов. Одним словом, «лишенцы» находились в маргинальном положении, становясь изгоями общества. Так, если судить по новосибирским «лишенцам», за исключением части бывших полицейских, священников и социально опасных элементов, под удар попали наиболее социально и хозяйственно деятельные слои населения. Среди лишенных прав преобладали люди активных возрастов (60% от 30 до 50 лет), с высоким уровнем грамотности (90%) и образования. К 1927–1928 гг. многим из числа «бывших» удалось до известной степени адаптироваться в советском обществе. Они работали в государственных учреждениях, на предприятиях, состояли в профсоюзах, участвовали в общественной жизни. Нашли свою нишу в обществе зажиточные крестьяне и кустари, и большевики не зря опасались их влияния на выборах, так как к моменту лишения прав они проявили высокую активность в общественной жизни и профессиональной деятельности.

Вместе с тем большинство «лишенцев» ни по происхождению, ни по социальному положению не принадлежали к «эксплуататорским классам». В принципе, они не были и политическими противниками большевиков (лишь незначительная часть принадлежала к оппозиционным партиям), и, следовательно, в огромном большинстве не могли считаться «врагами» советской власти.

«Лишенчество» несло в себе множество тяжелых последствий: помимо очевидного — разрушения воссоздавшейся в годы нэпа социально-культурной и экономической инфраструктуры, можно выделить главное — происходила маргинализация социально-активных слоев населения. Часть этих людей оказывалась за рамками правового общества, другая часть, вопреки обстоятельствам пытавшаяся адаптироваться к новым условиям, порывала связи с прошлым, с родственниками, меняла занятия, место жительства и в результате оказывалась в социальном и психологическом вакууме. Особенно пагубно «лишенчество» сказалось на молодежи и институте семьи в целом. Члены семей «лишенцев» оказывались перед выбором: либо сохранять семью, оставаясь без средств к существованию и перспектив на будущее, либо порвать отношения с родителями, супругами и этим обеспечить себе видимость некоторых перспектив. Многие городские семьи решали эту дилемму в пользу второго варианта, тем самым разрушая устойчивые семейные отношения.

Предпринятое нами исследование социального портрета «лишенцев» в Новосибирске конца 1920-х — начала 1930-х гг. во многом носит предварительный характер. Мы только в общих чертах представили здесь демографический, этнический и социальный состав изучаемой группы в целом и отдельных ее категорий. Вместе с тем целый ряд вопросов, касающихся структуры и состава «лишенцев», социальной политики большевиков по отношению к этой категории населения, нуждается в дополнительной разработке.

Примечания:

- ¹ СУ РСФСР 1918 г. №51 (Основной Закон); СУ РСФСР 1922 г. №125, ст.153.
- ² Новосибирск, 100 лет: События: Люди. Новосибирск, 1993. С.121,145.
- ³ ГАНО. Ф.1347. Оп.1. Д.2429. Л.15–19.
- ⁴ Там же. Д.1–620; там же. Оп.2. Д.320.
- ⁵ Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Russia, 1918–1936 // Russian Review. Vol.41. 1982. January. № 1.
- ⁶ Добкин А.И. Лишенцы, 1918–1936 гг.// Звенья: Исторический альманах. М.; Спб., 1992. С.606.
- ⁷ СУ РСФСР 1918 г. №51.
- ⁸ Сибирский край: Статистический справочник. Новосибирск, 1930. С.15–19.
- ⁹ Гос. Архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.1347. Оп.1. Д.2429. Л.15–19.
- ¹⁰ СУ РСФСР 1924 г. №71. Ст.695; СУ РСФСР 1926 г. №75. Ст.577.
- ¹¹ СУ РСФСР 1926 г. №75. Ст.577.
- ¹² ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.531. Л.128.
- ¹³ Там же. Оп.5. Д.99. Л.123–124.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л.121–122.
- ¹⁶ Там же. Ф.1347. Оп.1. Д.2429. Л.15–19.
- ¹⁷ СУ РСФСР 1921 г. №62. Ст.440.
- ¹⁸ СУ РСФСР 1926 г. №75. Ст.577. П.15к, примечание.
- ¹⁹ ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.233. Л.73.
- ²⁰ Там же. Л.90, 90об.
- ²¹ ГАНО. Ф.2–П. Оп.2. Д.122. Л.2.
- ²² СУ РСФСР 1925 г. №79. Ст.603.
- ²³ ЦГАОР. Ф.3316. Оп.2. Д.918. Л.61–63.
- ²⁴ СЗ СССР 1930 г. №19. Ст.212.
- ²⁵ ЦГАОР. Ф.3316. Оп.2. Д.912. Л.4.
- ²⁶ ГАНО. Ф.1347. Оп.1. Д.287. Л.15–19.
- ²⁷ Там же. Д.289. Л.186; Там же. Оп.2. Д.214.

*Надежда Игнатова
(Сыктывкар)*

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ в 1930–1940 гг.: ЗАСЕЛЕНИЕ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ

Массовое заселение в Коми спецпереселенцев можно разделить на три основных этапа:

I этап — 1930–1931 гг.: раскулаченные крестьяне из районов сплошной коллективизации;

II этап — 1940–1941 гг.: немцы — граждане СССР, представители депортированных народов; выселенные с аннексированных территорий;

III этап — 1944–1946 гг.: военнопленные (граждане СССР, побывавшие в плену), «власовцы», «оуновцы» и другие.

Надо сказать, что уже в 1929 г. в лесозаготовляющие районы Коми были заселены небольшие партии административно-ссылных. В 1930-е гг. лесозаготовки здесь вели тресты «Комилес», «Волтлес», «Севлес», «Вятлес», но спецпереселенцев в основном направляли на предприятия «Комилеса», имевшего 87 лесопунктов в семи районах. Наиболее активно заселялся Усть-Куломский район.

В Центральном государственном архиве Республики Коми (ЦГА КР) и в Республиканском государственном архиве общественно-политических движений и формирований (РГА ОПДФ) хранятся протоколы заседаний отдела спецпереселения при тресте «Комилес», облисполкома Усть-Куломского РИКа; постановления областных, краевых и общесоюзных государственных учреждений; делопроизводственная документация, включающая статистическую информацию, отчетную документацию по результатам обследования спецпоселков и работы районных организаций; переписка между инстанциями всех уровней; информационные сообщения ОГПУ. Эти документы, а также интервью, взятые автором у бывших спецпереселенцев и местных жителей — очевидцев событий тех лет, и стали источниковой базой нашей работы.

1930-е годы

Спецпереселенцев в 1930-е гг. привозили семьями, с некоторым личным имуществом. Секретное августовское постановление 1930 г. СНК СССР предписывало ВСНХ наметить конкретные меры по максимальному использованию спецпереселенцев-кулаков на лесозаготовительных работах¹. 26 января 1930 г. в трест «Комилес» поступила инструкция, в

которой указывалось, что «в Высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни, преимущественно в северных частях Союза, с возможностью для этого элемента заниматься общепольным трудом»².

Руководство Коми в ответной телеграмме заверило Москву в своей поддержке и упомянуло, что одним из важнейших мероприятий на следующий год считает освоение новых крупнейших лесных массивов и что более 50% лесных запасов Северного края находятся на территории Коми области — самой малозаселенной в крае³.

Таким образом, требования центра совпали с интересами самой области, экономическое обоснование заселения было найдено бесспорное. Действительно, проблема нехватки рабочих рук в лесозаготавливающей промышленности в 1928–1929 гг. стояла особенно остро⁴.

26 февраля 1930 г. между Коми областным отделом ОГПУ и Государственным лесопромышленным трестом «Комилес» был заключен договор, по которому «Комилес» принимал 5000 кулацких семей с целью расселения их в пределах лесных дач. Передача и приемка переселенных семей производилась партиями от 50 до 250 человек на станциях Мураши, Пинюг, Котлас Пермской ж.д. Спецпереселенцы находились под юрисдикцией ОГПУ, а «Комилес», чтобы использовать их как рабочую силу, должен был с каждой колонной заключать особые соглашения, утверждаемые ОО ОГПУ⁵.

Всего в Северный край в этот период было отправлено 9000 человек, включая и переданных «Комилесу»⁶.

Отчеты и статистика о численности спецпереселенцев в первый год очень разнородны. Установить точно число заселенных практически невозможно, особенно если учесть высокую смертность и побег. При подсчете мы основывались на сопоставлении цифр и данных, отрывочно приводимых в отчетной документации отдела спецпоселения при тресте «Комилес» и в отчетных сводках, направляемых в Коми ОО ОГПУ. Точный учет спецпереселенцев и составление списков начали вести с июня 1930 г.⁷

Из планируемых 5000 семей в 1930 г. было заселено 4682 (16 808 человек)⁸. Заселение проходило в основном в южные и юго-восточные районы — Прилузский, Визингский, Сыктывкарский, Усть-Вымский, Сторожевский, Усть-Куломский. В Усть-Куломский район было заселено 163 семьи (3786 человек). Переданных от ОГПУ раскулаченных, с этого момента числившихся спецпереселенцами, с железнодорожной станции этапом или на подводах направляли в Сыктывкар, а оттуда на баржах развозили по рекам в места предварительного проживания или из Сыктывкара — этапом. Есть сведения о партии в 1707 человек, которые на барже добирались до Усть-Куломского района по реке Вычегде восемь суток⁹.

По воспоминаниям Полины Егоровны Лямбрехт, высланной из Саратовской области и ныне проживающей в поселке Югыдъяг Усть-Куломского района, партию переселенцев из Котласа на телегах везли до села Выльгорт, которое находится недалеко от Сыктывкара, а затем на баржах и этапом доставили до села Помоздино Усть-Куломского района¹⁰.

Основными населенными пунктами временного расквартирования в районе были села Усть-Нем, Керчемье, Мыелдино, Пожег, Помоздино. Позже возле этих сел были построены спецпоселки, которые и стали местами постоянного проживания спецпереселенцев. Судя по воспоминаниям П.Е.Лямбрехт и рабочим сводкам, поступавшим в ОО ОГПУ, высланные категорически отказывались идти в лес строить дома. Работники ОГПУ прибегали к чрезвычайным мерам — угрозе оружием, снижению пайка, арестам¹¹.

В первое время многие спецпереселенцы пытались бежать и устроиться где-то в других местах. На 31 июля 1930 г. сбежавшими числились 344 человека¹². Большое число побегов отмечалось и в дальнейшем.

К строительству поселков приступили в августе. Сроки строительства затягивались, поэтому вместо предполагавшихся типовых домов решено было ставить бараки. Повсеместно ощущался острый недостаток стройматериалов, продовольствия, медикаментов. Никакой согласованности между организациями, ответственными за снабжение, не существовало¹³.

К ноябрю 1930 г. было построено по области 268 жилых домов, тогда как требовалось 700¹⁴. Люди жили во временных землянках. Продукты завозились с опозданием до 12 дней. В основном люди питались сухарями — по 200–500 г в день. У многих не было пригодной обуви и одежды. Медобслуживание практически отсутствовало.

Естественно, что нечеловеческие условия жизни привели к высокой смертности. В поселках начали распространяться инфекционные заболевания (скарлатина, дифтерия, сыпной тиф).

На строительстве работали все — от 16 до 60 лет. Крепкие и сильные мужчины в основном занимались доставкой продовольствия, так как снабжение велось по рекам на маленьких лодках, что было делом опасным и трудным¹⁵.

В 1931 г. было заселено еще большее число раскулаченных.

Прежде чем говорить о заселении в 1931 г., хотелось бы привести пример безответственного отношения властей к спецпереселенцам. В апреле 1931 г. был заключен договор между Коми областным филиалом по организации территорий и подготовке земельных фондов (Госземтрест) и Лесопромышленным трестом «Комилес», по которому первый обязался провести детальное обследование мест, предназначенных к заселению. Изыскания проводились на территории в 5000 га по поймам рек, но 4800 га из этой площади уже были заселены в 1930 г. К тому же, хотя договор был заключен в апреле, обследование проводилось зимой и, как указывал

один из работников Госземтреста Ипполитов, неточности в отчетах (актах обследования) достигали 40%. Да и при проведении работ Госземтрест ориентировался на «производственные требования» к будущим поселкам, а не на условия жизни спецпереселенцев¹⁶.

На 1931 г. пришлось самое массовое переселение в Коми АССР раскулаченных крестьян. 10 июля 1931 г. было заключено соглашение между Главным управлением ИТЛ ОГПУ и Всесоюзным объединением лесной промышленности и лесного хозяйства ВСНХ СССР (Союзлеспром), по которому в распоряжение леспромхозов для использования на лесозаготовительных, сплавных и других лесных работах передавалось 125 000 семейств спецпереселенцев. «Переданные» спецпереселенцы закреплялись в лесной промышленности как постоянные кадровые рабочие. Распределили так:

Урал —	79 272 семейства	(333 475 человек)
Дальний Восток —	1 900 семейств	(9 500 человек)
Нижегородский край —	1 485 семейств	(5 121 человек)
Северный край —	504 семейства	(1 371 человек)
Западная Сибирь —	8 015 семейств	(34 748 человек)
Восточная Сибирь —	9 413 семейств	(47 067 человек)
Северный край в распоряжение «Северолеса» —	14 803 семейства	(60 738 человек)
Северный край в распоряжение «Комилеса» —	8 090 семейств	(32 305 человек)
ВСЕГО:	123 482 семейства	(524 325 человек)¹⁷.

Следует отметить, что по договорам, заключенным между полномочным представителем ОГПУ по Северному краю и «Комилесом» в декабре 1931 г., последнему передавалось 9158 семейств (37 496 человек)¹⁸, то есть значительно больше запланированного ранее.

Всего же численность спецпереселенцев в 1931 г. составляла 8858 семей (35 940 человек), а число организованных спецпоселков в 1931 г. дошло до 46¹⁹.

После 1931 г. новые спецпоселки не организовывались. Они либо переносились, либо объединялись, либо подвергались какой-либо другой реорганизации. Были случаи, когда под юрисдикцию лесопромышленных трестов переходили лагерные пункты, получая статус спецпоселков, но общая тенденция заключалась в том, что с этого года число спецпоселков не увеличивалось.

В 1932 г. численность спецпереселенцев достигла максимального уровня за весь период — 38 902. Национальный состав спецпереселенцев, по данным ОГПУ, на 1 мая 1932 г. в Коми был таков: немцев — 2359, чувашей — 265, евреев — 9, татар — 505, мордвинцов — 283, киргизов — 143, поляков — 31, армян — 39, чехов — 83, русских — 35 149²⁰.

На этот момент в области было 9517 административно-ссылных, и доля спецпереселенцев и административно-ссылных в общем числе населения составила 21%. В Усть-Куломском районе на 10 июля 1932 г. проживало самое большое число спецпереселенцев — 8195 (при местном населении в 29 264) и было построено самое большое число спецпоселков по сравнению с остальными районами области — 10²¹.

Уже с 1932 г. численность спецпереселенцев начала резко сокращаться. В 1933 г. в Усть-Куломском районе только в мае-июне умерли 667 человек из зарегистрированных 6981. За год общее число спецпереселенцев в Коми сократилось более чем на 8000²².

Главной причиной смертности были ужасающие условия жизни. Средний дневной заработок спецпереселенца составлял 4 рубля в день, но денег этих они не получали. Так, 31 августа 1936 г. задолженность по зарплате промкадрам по Коми области составила свыше 600 тыс. рублей²³. Зарплату задерживали на полгода и больше.

Продукты спецпереселенцы получали через систему кооперации, однако в организованных в поселках «Комилеса» лавках их было очень мало и все плохого качества.

Хотя спецпереселенцы являлись постоянными кадрами лесной промышленности, продукты они, в отличие от вольнонаемных, выкупали со всеми наценками. Кроме того, спецпереселенцы обязаны были выкупить продукты в течение десяти дней с момента их завоза в ларьки. По истечении этого срока все пускалось в свободную продажу²⁴.

В результате, по свидетельству обследовавших поселки, в пищу шли в основном хлебные суррогаты (в ларьках с/п.Вежа-ю в 1932 г. имелись только хлеб, селедка и махорка)²⁵. Люди голодали, так как купить продукты было негде, нечего и не на что. Отсюда, естественно, заболевания (в том числе эпидемические), попрошайничество и высокая смертность.

О жилищных условиях можно судить по материалам обследований, проводившихся в 30-е гг.: «В комнатах живут по 3–4 семьи, отдельные комнаты (в бараках) занимают до 19 семей. На человека приходится по 1,5–2 метра жилой площади. В бараках антисанитария, вследствие этого вспышки заболеваний, как тиф, цинга и др.»²⁶. В бараках не хватало предметов домашнего обихода (при этом спецпереселенцы должны были вносить квартплату). «В поселках есть бани, но маленькие и недостаточные для проживающих. Всем поселкам требуется устройство дорог, обслуживание почт, телефонной сети. Некоторые поселки целиком окружены болотами»²⁷.

Несмотря на это люди обустроивали свой быт. С 1932 г. в поселках начинают действовать школы (учителями были как спецпереселенцы, так и местные жители), детские сады, ясли, библиотеки, налаживается почтовое обслуживание. Во всех поселках были организованы различные кус-

тарные артели (кузнечные, дегтекурные, сапожные, портняжные, бондарные, гончарные). В с/п Лопью Сторожевского района существовала даже артель, делавшая балалайки.

Так как из-за высокой смертности и побегов многие дети остались без родителей, уже в 1933 г. повсеместно были открыты детдома. Только в Усть-Куломском районе действовало четыре детдома — Ручевский, Керчемский, Деревянский, Усть-Куломский. Дети жили на одной картошке и хлебе, «одежда рваная, зимней и сменной одежды нет»²⁸. Со временем маленькие детдома были реорганизованы и объединены в более крупные.

Обобщая сказанное, следует отметить:

1. Ликвидацией кулачества как класса советская власть пыталась решить сразу две задачи: обеспечить лесную промышленность рабочими кадрами и освободиться в деревне от врагов колхозного строя.

2. Люди, высланные с нажитых мест в дикую тайгу, перенесли переселение очень тяжело. Безответственность властей привела к высокой смертности спецпереселенцев. Голодные, деморализованные люди не могли эффективно работать. В результате переселение огромных масс трудящихся в Коми обернулось не расцветом лесной промышленности, на что рассчитывало правительство, а просто разбазариванием людских и трудовых ресурсов, уничтожением значительной доли трудового потенциала страны.

1940-е годы

В 1940–1941 гг. в Республику Коми были вселены семьями немцы — граждане СССР, а также депортированные из западных областей Украины, из Белоруссии, Бессарабии, Финляндии и с других территорий. В состав спецпереселенцев третьего этапа входили и побывавшие в плену советские граждане. Спецпереселенцы этой категории поступали без семей, так как направлялись непосредственно из фильтрационно-проверочных пунктов и лагерей.

В феврале 1940 г. был заключен договор, по которому ГУЛАГ НКВД передавал Наркомлесу 21 000 спецпереселенцев. Из них «как минимум 1 тыс. семей, с коэффициентом 4–5» направлялась в систему «Комилеса»²⁹. В основном это были раскулаченные крестьяне — поляки по национальности. Они прибывали как семьями, так и поодиночке. К 1941 г. число поляков в Коми (не считая тех, что содержались в лагерях НКВД) составило 5247 человек, в основном они проживали в Сыктывкаре и его пригородах³⁰.

Указом Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. польские граждане, как военнопленные, так и находящиеся в лагерях, спецпоселках и проживающие в советских городах, были амнистированы, им предоставлялось право свободного проживания на территории СССР, не находящейся

ся на военном положении, как иностранцам. Однако судьбой их никто не занимался, и вследствие этого в Сыктывкаре и пригородах множество польских граждан, ушедших с лесозаготовок, оказались без работы и жилья³¹.

В 1944 г., когда число проживающих в Коми АССР поляков составило более 8000, Совнарком СССР постановлением от 5 апреля разрешил переселить эвакуированных из западных областей Украины, Белоруссии. СНК Коми АССР совместно с представителями Союза польских патриотов было предложено подготовить бывших польских граждан к переселению в южные районы страны.

Был составлен график перевозки 7553 человек в Ростовскую область, Ставропольский и Краснодарский край³². Однако руководство Коми настоятельно рекомендовало местным органам власти «провести большую разъяснительную работу по закреплению бывших польских граждан на предприятиях, особенно спецпереселенцев». Вследствие этого, например, из спецпоселка Усть-Нем Усть-Куломского района, обозначенного в графике перевозки, не был выселен ни один поляк. Кстати сказать, в 1940 г. был расформирован специализированный лесопромышленный лагерь Локчимлаг, лагпункты которого находились на территории четырех районов республики. В 1941 г. эти лагпункты преобразовали в спецпоселки и передали «Комилесу»³³. Спецпоселок Усть-Нем как раз и возник на территории бывшего лагпункта. Среди спецпереселенцев поселка Усть-Нем были и немцы, дважды пережившие раскулачивание. По воспоминаниям Леонарда Емельяновича Ау, его семья в начале 30-х гг. была раскулачена на Украине и отправлена в Карелию, а в 1941 г. раскулачена во второй раз и выселена в Коми АССР³⁴.

По постановлению Государственного комитета обороны в 1942 г. повсеместно была проведена мобилизация немцев в возрасте от 17 до 50 лет. В инструкции указывалось: «Мужское немецкое население будет сконцентрировано в специальные лесозаготовительные участки и укомплектовано в отряды по взводам, в составе 34–40 человек, под руководством НКВД. Размещение будет казарменное, немцы должны жить отдельно от семей. Для каждого необходимо установить жесткие дневные нормы»³⁵.

В Усть-Немском (Усть-Куломский р-н), Локчимском (Сторожевский р-н), Сысольском и Койгородском (Сысольский р-н) леспрохозах было организовано 29 взводов на семи участках. Эти отряды направляли на самые тяжелые участки лесозаготовок. Для мобилизованных немцев устанавливался 10-часовой рабочий день без дополнительной оплаты, режим для них был установлен особенно строгий. Медкомиссию, например, обследовавшую спецпоселки Усть-Куломского района, за освобождение немца от работы по болезни обвиняли в потворстве саботажу. Категорически запрещалось выдавать немцам отпуска по болезни³⁶.

Несмотря на то, что спецпоселки существовали уже десять лет, дороги все так же не были проложены, снабжение не налажилось, жилищная проблема стояла так же остро. Все это к тому же усугублялось проблемами военного времени.

В бараках спецпоселков стояли 3-ярусные нары. Не было порой элементарного: тумбочек, табуреток, тазов, столов, ковшей, чайников, стекол. Строения за десять лет пришли в негодность, так как сколачивались на скорую руку. Антисанитарные условия приводили к развитию туберкулеза, таких эпидемических заболеваний, как сыпной тиф. Медицинское обслуживание практически отсутствовало. Люди по-прежнему жили на воде, хлебе и капусте. В результате спецпереселенцы страдали авитаминозом, куриной слепотой. Мало кто имел теплую одежду, обувь. Дети были обеспечены ими лишь на 20%. Спецпереселенцы не знали, сколько зарабатывали, так как им не сообщали о нормах и расценках выработки. По-прежнему задерживалась выплата зарплаты, регулярно выдавали лишь авансы — 3 рубля на семью³⁷.

В конце 1944 г. начался третий этап заселения. Государственный комитет обороны 29 октября 1944 г. принял постановление, обязывающее НКВД СССР в целях увеличения объема лесозаготовок в 1945 г. завезти для работы в леспромхозах 50 000 военнопленных в Архангельскую, Молотовскую, Кировскую, Вологодскую, Ярославскую, Калининскую, Горьковскую области, Карело-Финскую ССР, Удмуртскую и Коми АССР³⁸. В Коми АССР направлялись в распоряжение «Комилеса» 6000 человек, в распоряжение «Печорлеса» — 4000³⁹.

В 1946 г. в Коми были заселены спецпереселенцы — «власовцы», а также «оуновцы»⁴⁰. Условия жизни переселенцев и после войны легче не стали. В 1945 г. отмечалось, что спецпереселенцы в Сысольском районе размещаются в бараках, совершенно не пригодных для жилья: без крыш, дверей и окон, во время дождя всё заливают водой, везде клопы и тараканы; в бараках нет хозинвентаря; рабочие размещены скученно; из-за нехватки постельных принадлежностей спят на голых нарах; с приходом зимы выработки спецпереселенцев снижаются на 30% из-за отсутствия теплой одежды⁴¹. Не редкими в зимнее время были случаи обморожения. Отоваривались спецпереселенцы по карточкам, зарплату получали с большим опозданием. Многие, особенно дети, страдали дистрофией. Медицинское обслуживание по-прежнему практически отсутствовало. Не улучшились и санитарные условия, даже мыло не выдавалось. В поселках сохранялся высокий процент смертности. Число побегов, естественно, не уменьшалось⁴².

В 1949 г. на предприятиях «Комилеса» работало 18 450 спецпереселенцев, в том числе в Усть-Куломском районе — 3600⁴³. Если вспомнить, что в начале 1930-х гг. численность спецпереселенцев составляла около 40 тысяч и впоследствии до 1949 г. прошло еще два этапа заселения, можно представить себе, сколь огромны были людские потери.

Начало процесса восстановления в правах

По окончании срока высылки спецпереселенцам должны были вернуть некоторые права, в том числе избирательные. Однако восстановление в избирательных правах шло со многими оговорками и сильно тормозилось местными властями. Так, Президиум Северного крайисполкома 12 сентября 1934 г. постановил: «В связи с приближающимся окончанием срока высылки кулаков и восстановления в избирательных правах на основе постановления от 27 мая с.г., учитывая чрезвычайную важность закрепления восстанавливаемых в Северном крае, так как их выезд еще больше осложнит вопрос о рабочей силе на основном хозяйственном участке — лесозаготовках, — восстанавливать трудпереселенцев в избирательных правах не в массовом порядке, а в порядке повседневного и тщательного подбора лучших ударников на производстве и в сельском хозяйстве, проявивших себя активно в общественных работах и порвавших со своим прошлым»⁴⁴.

Для возбуждения ходатайства о восстановлении в правах гражданства необходимо было представить характеристику, подписанную представителями администрации, партийной и профсоюзной организаций и комендантом РОУ НКВД. Затем вопрос рассматривался Президиумом РИКа. И только при положительном решении соответствующие документы направлялись на оформление. Мало кто преодолевал такую цепь инстанций. И все-таки лед тронулся: уже с 1935 г. можно говорить о начале процесса восстановления в правах.

Что касается остальных прав, то власти отмечали: на спецпереселенцев «на основании договоров между хоз. органами и НКВД, распространяется трудовое законодательство, в том числе соц. страхование, независимо от восстановления в избирательных правах». Молодежь могли направить на учебу в средние технические школы, но посылались «исключительно проявившие себя как ударники на производстве, состоящие членами сельхозартелей, прочно осевшие на местах поселения, восстановленные в избирательных правах»⁴⁵.

Единовременные же пособия, кредиты на индивидуальное строительство и на приобретение рогатого скота, обещанные спецпереселенцам в середине 1930-х гг., еще в 1940 г. выдавать запрещалось.

С 1941 г. правовой статус спецпереселенцев был определен следующим образом: «Трудпоселенцы не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест поселения, наблюдение за которыми возложено на органы НКВД»⁴⁶. Постановление Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» объявляло: «За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта

спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района, обслуживаемого данной комендатурой. Отлучку рассматривать как побег, влечет за собой уголовную ответственность»⁴⁷.

В 1947 г. Министерством лесной промышленности был разослан приказ, в соответствии с которым надлежало «репатриированных граждан всех национальностей, являющихся постоянными жителями Латвийской, Эстонской, Грузинской, Литовской, Армянской и Азербайджанской республик, работающих на предприятиях лесной промышленности, за исключением немцев и лиц, служивших в немецкой армии, легионеров, «власовцев» и полицейских, освободить от работы в 1947 г. для возвращения на родину»⁴⁸. Однако «Комилес» во исполнение этого приказа освободил ничтожно малое число людей — 62 человека⁴⁹.

И только 8 апреля 1948 г. Совет Министров Коми АССР постановил: «Трудоустроить спецпереселенцев в соответствии с профессией и квалификацией, обеспечить спецпереселенцев жильем, перестроить помещения барачного типа на комнатную систему, организовать предприятия по бытовому обслуживанию населения по месту жительства»⁵⁰. Однако и в этом документе отмечалась необходимость «наладить учет и установить обязательную явку спецпереселенцев на регистрацию к комендантам — литовцев и немцев не реже одного раза в месяц, членов семей «оуновцев» и «власовцев» не реже двух раз в месяц». А за семьями «беженцев из Зап. Украины» должен был устанавливаться строжайший контроль, «так как вся масса беженцев воспитывалась и работала в условиях фашистской диктатуры, среди них могут оказаться и враждебные советской власти элементы, как члены бывшей ППС, агенты иностранной разведки, фашисты и т.п.»⁵¹.

Спецпереселенцам, служившим в Красной Армии во время войны, было обещано выдать паспорта и разрешение на свободный уход из спецпоселков. (К сожалению, нам не удалось выяснить, было ли выполнено это обещание.)

Высланных во время войны в Коми чеченцев, карачаевцев, ингушей, башкир, калмыков, крымских татар, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., оставляли в отдаленных районах СССР навечно, без права возврата к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) определялась мера наказания — 20 лет каторжных работ⁵².

Постановление Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г. предписывало принять меры для закрепления лиц, освобожденных от спецпоселения, на предприятиях лесной промышленности. Министр т. Орлов 13 ноября 1951 г. отдал приказ: организовать разъяснительную работу, заключать индивидуальные договоры со спецпереселенцами, распространить на них все льготы и преимущества, установленные для рабочих и служащих отрасли, выдавать ссуды на строительство домов, приобретение хозяйственного инвентаря, оказывать лицам, освобожденным от спецпоселения и оставшимся на постоянной работе, необходимое содействие в перевозке к ним членов семей⁵³.

Завершая наш рассказ о спецпереселенцах в Республику Коми, отметим еще один аспект этой трагедии. К 1940 г. административно-ссылные и спецпереселенцы, например, в Усть-Куломском районе составили около половины населения, однако эти люди не смогли воспринять традиции коми народа. Переселенцы стали как бы инородными элементами. В наши дни их потомки, оставшиеся жить в местах прежних принудительных заселений, — это далеко уже не донские казаки или крепкие хозяева со Смоленщины, не смогли они стать и коми крестьянами.

Трудно решается проблема возрождения коми культуры, так как коренное население, в результате массовых переселений, не составляет большинства, а в самых северных городах оно почти отсутствует.

Следует сказать, что коми население всегда относилось доброжелательно к переселенцам, многие из которых обзавелись семьями в нашем крае. Часто это помогало людям выжить в те трудные и горькие времена.

Заслугой спецпереселенцев, кроме того, что они смогли выжить в неимоверно тяжелых условиях, является то, что именно их руками развивалась лесная промышленность в нашей республике.

Примечания:

- ¹ Центральный государственный архив Коми Республики (ЦГА КР). Ф.144. Оп.1. Е.х.3125. Л.4.
- ² Там же. Л.46.
- ³ Там же. Ф.701. Оп.1. Е.х.36. Л.13.
- ⁴ РГАОПДФ. Ф.1. Оп.1. Е.х.805. Л.11.
- ⁵ ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.3125. Л.54.
- ⁶ Там же. Л.3.
- ⁷ РГАОПДФ. Ф.1. Оп.2. Е.х.808. Л.28.
- ⁸ ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.1592. Л.24.
- ⁹ РГАОПДФ. Ф.1. Оп.2. Е.х.914. Л.22.
- ¹⁰ Воспоминания. Личный архив автора.
- ¹¹ РГАОПДФ. Ф.1. Оп.2. Е.х.808. Л.38–42, 71.
- ¹² Там же. Л.27.
- ¹³ Там же. Л.43.
- ¹⁴ Там же. Л.114.
- ¹⁵ Там же. Л.83–84.
- ¹⁶ ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.1576, 1579, 1586, 1589, 1592, 1593, 1611, 1612, 1619, 1628.
- ¹⁷ Там же. Е.х.1572. Л.841.
- ¹⁸ Там же. Е.х.3138. Л.50.
- ¹⁹ Там же. Е.х.1662. Л.101.
- ²⁰ РГАОПДФ. Ф.1. Оп.1. Е.х.914. Л.3–5.
- ²¹ Там же. Л.51.

- 22 Там же. Оп.2. Е.х.970. Л.128. Е.х.972. Л.29, 40.
- 23 ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.3212. Л.20.
- 24 Там же. Ф.144. Оп.1. Е.х.3138. Л.5.
- 25 РГАОПДФ. Ф.1. Оп.2. Е.х.909. Л.28.
- 26 ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.3138. Л.236.
- 27 РГАОПДФ. Ф.1. Оп.2. Е.х.909. Л.28.
- 28 Там же. Е.х.970. Л.138, 145.
- 29 ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.3237. Л.20, 32.
- 30 Там же. Ф.605. Оп.4. Е.х.77. Л.93.
- 31 Там же. Е.х.68. Л.211.
- 32 Там же. Е.х.160. Л.9–11.
- 33 Там же. Е.х.108. Л.38; Ф.144. Оп.1. Е.х.3244. Л.8.
- 34 Воспоминания. Личный архив автора.
- 35 ЦГА КР. Ф.144. Оп.1. Е.х.3250. Л.1, 10.
- 36 Там же. Л.2; Е.х.3258. Л.9; Е.х.3262. Л.33.
- 37 Там же. Е.х.3244. Л.24–68.
- 38 Там же. Е.х.3262. Л.59.
- 39 Там же. Л.66.
- 40 Там же. Е.х.3268. Л.59.
- 41 Там же. Е.х.3282. Л.19.
- 42 Там же. Е.х.3287. Л.19; Ф.605. Оп.4. Е.х.186. Л.68.
- 43 Там же. Ф.144. Оп.1. Е.х.3287. Л.8.
- 44 Там же. Е.х.3166. Л.50.
- 45 Там же. Е.х.3213. Л.22.
- 46 Там же. Ф.605. Оп.4. Е.х.68. Л.97.
- 47 Там же. Е.х.183. Л.10.
- 48 Там же. Ф.144. Оп.1. Е.х.3282. Л.6.
- 49 Там же. Л.11.
- 50 Там же. Ф.605. Оп.4. Е.х.186. Л.67.
- 51 Там же. Ф.144. Оп.1. Е.х.3237. Л.7.
- 52 Там же. Ф.605. Оп.4. Е.х.189. Л.109.
- 53 Там же. Ф.144. Оп.1. Е.х.3317. Л.21.

*Оксана Репухова
(Петрозаводск)*

ДЕЛО О КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАГОВОРЕ В КАРЕЛИИ в 1932–1933 гг.

(«Заговор финского генштаба»)

Дело, обозначенное властями как «Заговор финского генштаба», до последнего времени оставалось одним из многих таинственных звеньев в цепи преступлений сталинского режима. Первые сведения об этой акции, проведенной ГПУ Ленинградского военного округа (ЛВО) в 1932–1933 гг., были обнаружены в 1993 г. И.Р. Такала в Государственном архиве общественно-политических движений и формирований Карелии¹ и И.И. Чухиним в архиве ФСК РК². Исследователям была доступна лишь небольшая часть документов дела, и поэтому пока не найдены окончательные ответы на многие вопросы: сколько же было «раскрыто» в Карелии контрреволюционных ячеек, составляющих «заговор», представители каких национальностей и социальных слоев стали жертвами «дела», сколько человек было по нему репрессировано и т.д.

В архивных фондах ФСК Республики Карелия сохранились материалы по 11 ячейкам, ликвидированным ГПУ ЛВО на территории КаССР, тогда как сводное обвинительное заключение по «делу о заговоре» называет 9 ячеек³, а в одном из предварительных отчетов следователей ГПУ ЛВО речь идет о 15 ячейках⁴. Соответственно называется разное число проходивших по данному делу лиц. Если в предварительном отчете следователей утверждается, что по 15 ячейкам Карелии выявлено 1048 заговорщиков⁵, то сводное обвинительное заключение по республике называет 866 репрессированных⁶.

Нам удалось изучить 23 тома дела «Заговор финского генштаба». Этот сложный комплекс разнообразных документов 1930-х и 1950–1960-х гг. позволил ответить на некоторые из поставленных вопросов.

В Карелии, как и по всей стране, к началу 1930-х сложилась напряженная ситуация в связи с экономически неоправданными высокими темпами развития промышленности. Трудности, возникающие на пути строительства «нового мира», неизменно приписывались проискам «врагов народа». Специфические карельские особенности, обусловленные близостью Финляндии, притоком финского населения в республику на рубеже 1920–1930-х гг., усилением финизации, стали благоприятной ос-

новой для нагнетания атмосферы шпиономании. В республике назревал новый виток репрессий.

«Заговор финского генштаба» относился к категории операций, проводимых ОГПУ в рамках борьбы с контрреволюционным буржуазным национализмом, который якобы грозил распаду СССР⁷. Осужденным по делу, в большинстве своем карелам, вменялась в вину подготовка вооруженного восстания против советской власти с целью «присоединения Советской Карелии к Великой Финляндии»⁸.

Кропотливая работа по созданию «дела» проводилась ГПУ с октября 1932 по май 1933 г. Главными его исполнителями были начальник карельского ГПУ Шершевский, заместитель полномочного представителя ОГПУ в ЛВО Запорожец, заместитель начальника особого отдела ЛВО Янишевский.

Громкое название следователями обосновывалось утверждением, что непосредственное руководство всей контрреволюционной разведывательной работой против СССР осуществляет II отдел Финского генштаба, возглавляемый Мальмбергом, и «финно-карельская белогвардейская эмиграция», сплотившаяся вокруг Карельского академического общества, Восточно-карельского комитета, Ингерманландского союза и Центрального комитета племенных организаций — то есть вокруг националистических организаций, активизировавшихся в Финляндии в начале 1930-х гг.

Если верить создателям «дела», разветвленная сеть агентуры Фингенштаба охватила всю территорию Карелии и ингерманландские районы Ленинградской области. Перед агентами Фингенштаба стояла непростая задача создать здесь контрреволюционные группы — «ячейки», которые, в свою очередь, следует объединить в крупную контрреволюционную организацию. Контрреволюционные ячейки якобы получили от Фингенштаба следующие установки: «1) Охватить своим влиянием все контрреволюционные элементы на территории Карелии и Ингерманландии; 2) Систематически проводить национал-шовинистическую агитацию и пропаганду под лозунгом борьбы за «Великую Финляндию»; 3) Всемерно создавать условия, обеспечивающие максимальное повышение контрреволюционных настроений; 4) Осуществлять во всех областях сельского и лесного хозяйства организованное вредительство; 5) Настойчиво распространять слухи о близкой войне с СССР, его неизбежном поражении и присоединении Карелии и Ингерманландских районов к Финляндии; 6) Широко вести разведку в пользу Финляндии; 7) Организовать низовой террор против советского партийного и общественного актива; 8) Вербовать и воспитывать контрреволюционные кадры <...> 9) Накоплять в местных условиях оружие; 10) Проникать в ряды ВКП(б) <...>». В результате «деятельность врагов» оказалась очень разнообразной, затрагивала важнейшие сферы жизни и помогала объяснить рост антикоммунистичес-

ких настроений, нерентабельность работы колхозов, провалы лесозаготовительных планов и многое другое.

Судя по имеющимся документам, аресты начались осенью 1932 г. в Пудожском районе: 4 октября был взят под стражу Ермоленко Тимофей Семенович — первый обвиняемый по «делу о заговоре». Число арестованных росло с каждым месяцем. Пик арестов пришелся на март 1933 г. «Следствие по всем ячейкам данного отдела <...> ведется форсированно»¹⁰, — рапортовали в апреле 1933 г. его авторы и исполнители.

По 11 изученным нами контрреволюционным ячейкам к маю 1933 г. было арестовано 866 человек. Но в ходе расследования часть из них из-под стражи освободили, и до заседания «троек» дошли 727 человек.

Следствием были охвачены почти все приграничные районы республики, на 80–90% заселенные карелами. В то время карельское население Ухтинского района составляло 81%, Сегозерского — 83,4%, Петровского — 85,5%, Тунгудского — 85,7%, Ругозерского — 86%, Олонецкого — 92,6%, Пряжинского — 95,1%¹¹.

Среди арестованных и осужденных по этим районам большинство были карелами. В других районах республики пострадало в основном русское население.

В целом национальный состав лиц, осужденных по делу «Заговор финского генштаба», выглядел следующим образом*:

Контрреволюционная ячейка	Общая численность ячейки	В том числе			
		карелы	финны	русские	другие
Ухтинская	60	58	2	—	—
Кемская	47	6	—	33	8
Тунгудская	83	81	—	2	—
Ругозерская	34	34	—	—	—
Сегозерская	51	49	—	2	—
Петровская	68	65	1	2	—
Кондопожская	59	51	—	7	1
Пряжинская	76	74	1	1	—
Олонецкая	146	141	4	1	—
Пудожская	81	1	—	77	3
Лесная промышленность	22	1	—	21	—
ИТОГО:	727	561	8	146	12

* Все таблицы составлены нами по материалам архива ФСБ РК.

В национал-уклонизме следователи ОГПУ обвиняли именно карел. Утверждалось, что все «карельские» районы, оторванные от центра, тяготели к Финляндии. Подтверждения тому создатели «дела» находили в событиях времен интервенции и гражданской войны. Но особенно веские «доказательства» неблагонадежности «карельских» районов республики следователи черпали из событий, связанных с так называемой карельской авантюрой начала 20-х гг., когда в Финляндии усилились интервенционистские настроения, вылившиеся в новые вторжения на территорию Карелии. После разгрома этих операций в 1923 г. постановлением ВЦИК РСФСР всем лицам, бежавшим в связи с «каравантюрой» на территорию Финляндии, была объявлена амнистия и даровано право вернуться на Родину¹². Так возникли понятия бывший «карбеженец», «каравантюрист», ставшие для следователей 1930-х гг. синонимами неблагонадежности. В следственных документах утверждалось, что «проходящие по делу бедняки, середняки, рабочие и служащие в своем подавляющем большинстве являются бывшими активными участниками каравантюры»¹³. Именно тогда, считали разработчики, эти люди «заразились» контрреволюционными настроениями. Среди арестованных ОГПУ — 508 человек — «бывшие каравантюристы»¹⁴.

Судя по обвинительным заключениям, такие факторы, как сосредоточение карел в приграничных районах, «засоренность» их «бывшими каравантюристами», систематическое отставание в выполнении различных народно-хозяйственных планов, были для ОГПУ неоспоримым доказательством наличия здесь контрреволюционных организаций.

В районах, где карельское население было в меньшинстве (Пудожский, Кемский), ОГПУ обосновывало аресты утверждениями типа: «<...> в связи с оторванностью от административных центров района в нем имелась возможность оседать контрреволюционным элементам»¹⁵. Подозрительным было и то, что в некоторых школах в 1931 г. обнаружили иконы, а учителя — выходцы из духовенства крестили детей¹⁶. Говорить о карельском национализме в «некарельских» районах было трудно, но здесь исторические и социальные корни контрреволюционных групп искали в первых годах существования советской власти. Так, например, в обвинительном заключении по Кондопожскому району подробно освещается местное восстание, поднятое «кулацкими элементами» в 1919 г. и охватившее целиком территории Тивдийского и Сопохского сельсоветов¹⁷. Очевидно, на этом основании в 1932–1933 гг. в Кондопожском районе аресты производились в первую очередь в Тивдии и Сопохе.

Главным доказательством функционирования контрреволюционных групп во всех районах, охваченных следствием, ОГПУ считало тот факт, что колхозы Карелии оставались нерентабельными, а планы лесозаготовок не выполнялись.

Ревниво заботясь о развитии основы республиканской экономики — лесной промышленности, следователи ОГПУ обнаружили контрреволюционную ячейку в аппарате управления отраслью. Оказывается, «когда белые банды на территории Карелии были уничтожены и окончательно утвердилась Советская власть, бывшие активные участники бело-бандитских налетов по заданию своих бывших хозяев заняли ответственные и руководящие посты в лесной промышленности Карелии»¹⁸. Среди них: П.К.Неклюдов — ответственный исполнитель по лесоэкспорту «Кареллеса», Н.С.Навагин — заведующий производственным сектором показательного леспромхоза «Кареллеса» и другие. Всего 22 человека. В обвинении утверждалось, что в результате их вредительской деятельности были сорваны производственные планы лесной промышленности КаССР¹⁹.

Социальный состав, или, по выражению «писателей» из ОГПУ, «физиономия» подвергшихся репрессиям, убеждает, что основной удар был нанесен по карельскому крестьянству. Из 727 осужденных по 11 районам республики 485 были из крестьян. Более всего подозрения следователей вызывали «крепкие мужики», которые уже были раскулачены, но в колхозы не вступали. Таких крестьян-единоличников среди осужденных было 287. По «делу о заговоре» преследовались также представители интеллигенции, лица духовного звания, различного рода служащие. Особенно велика доля представителей интеллигенции (педагогов, врачей) среди репрессированных в Пудожском районе: 48 человек из 81. Арестовывались бывшие участники Белого движения, бывшие полицейские, торговцы. Впрочем, для обвинения в участии в «заговоре» достаточно было наличия родственников в Финляндии.

В погоне за шпионами ОГПУ не щадило квалифицированных специалистов, крайне необходимых республике: 13 из 22 арестованных в аппарате управления лесной промышленностью имели среднее или высшее образование. Надо сказать, что среди осужденных по 11 районам республики довольно высока была доля грамотных — 83%.

Назвав одной из установок, данных Фингенштабом контрреволюционным ячейкам, проникновение в ряды ВКП(б), следователи ОГПУ выявили 42 «финских шпиона», являвшихся членами или кандидатами в члены партии. Больше всего членов партии арестовали в Пряжинском районе — 13 человек.

Репрессии коснулись и людей, занимавших руководящие должности. Чаще всего это были председатели нерентабельных колхозов, председатели РИКов. Из 727 репрессированных 66 были ответственными работниками. Но все же следует отметить, что по делу «Заговор финского генштаба» прежде всего преследовались люди, не являвшиеся членами партии и не занимавшие каких-либо ответственных постов. В большинстве своем это были мужчины; женщин по этому делу проходило только 30.

Особое внимание разработчики «дела» уделили структуре якобы действовавшей в Карелии контрреволюционной организации. По их версии, самые ранние контрреволюционные группы возникли еще в 1924–1925 гг., пик же их образования пришелся на 1930–1931 гг. Причем, оказывается, существенно повлияла на организационное сплочение контрреволюционеров коллективизация, так как «если до коллективизации с/х враждебные советской власти элементы вели контрреволюционную деятельность разрозненно, то при организации колхозов классовая борьба переключилась на таковые, где условия благоприятствовали для группового к-р вредительства»²⁰.

Следователи ОГПУ полагали, что существовали две категории повстанческих, контрреволюционных групп. К первой относились объединения по территориальному принципу — районные ячейки. Эти небольшие контрреволюционные группы формировались в важнейших центрах политико-экономической жизни — в школах, больницах, леспромхозах, колхозах. Вторая категория контрреволюционных ячеек, по мысли творцов «дела», была построена по принципу «создания диверсионно-повстанческих групп вокруг бывших курсантов»²¹. К таким ячейкам следователи отнесли Олонецкую и Ругозерскую. В «деле» утверждалось, что в первой половине 1920-х гг. были организованы военные школы для подготовки курсантов-боевиков (например Сердобольская), военные школы Карельского академического общества (в Лиекса и Кухмопиemi) и спецкурсы для подготовки разведчиков (в Салми, Кителя, Суомиосалми, Пейдеварок, Лапуа и Тужила). Контингент учащихся отбирался из состава «эмигрировавших в Финляндию участников авантюры»²². Записывали в школы и на курсы «молодых карел, наиболее развитых, здоровых и не связанных с семьей»²³. Далее следователи ОГПУ выдвигают свой основополагающий тезис о том, что «объявленная Совправительством амнистия дала возможность в числе прочих каравантюристов просочиться <...> в Карелию и большей части финкурсантов»²⁴.

В 1950–1960-е гг. в ходе дополнительной проверки было установлено, что в названных населенных пунктах никогда не существовало военных школ.

Фантазией фальсификаторов «дела» на территории Карелии была создана сеть контрреволюционных ячеек, тесно связанных между собой и даже установивших контакты с заключенными лагерей, расположенных вдоль Беломорско-Балтийского канала. С помощью заключенных якобы приобреталось оружие. В апреле 1933 г. следователи рапортовали: по Карелии изъято 1313 единиц оружия. Их нисколько не смущало, что большей частью это были охотничьи ружья. В ОГПУ считали, что и это вооружение вполне пригодно для совершения диверсионно-террористических актов.

На арестованных списали всю вину за неудачи колхозного строительства, за провалы лесозаготовительных планов и за голод начала 1930-х гг.,

когда во многих районах республики люди вынуждены были питаться древесной корой.

К маю 1933 г., как уже говорилось, следствие было закончено и дело передано на «тройку» при Полномочном представительстве ОГПУ ЛВО в Ленинграде. Слушание проходило так же форсированно, как и следствие. 5 мая 1933 г. «тройка» вынесла решение по Пряжинской и Ухтинской ячейкам, 7 мая — по Олонецкой № 2, Пудожской, Ругозерской, Кемской, Кондопожской, Сегозерской, Петровской, Тунгудской ячейкам и Группе лесной промышленности, 13 мая — по Олонецкой ячейке № 1.

В Олонецком районе возникли две группы осужденных опять-таки по экономическим причинам. Так как район был объявлен находящимся в «глубоком прорыве» и за это занесен на «черную доску», следователи ОГПУ после ареста лиц, непосредственно обвиняемых в контрреволюционных действиях, посчитали за благо произвести «изъятие элемента, составляющего окружение осужденных членов ячейки»²⁵.

Решения «тройки» выносились одновременно большой группе людей, в протоколах заседания фиксировалось общее обвинение для всех, включенных в одну контрреволюционную ячейку.

"Контрреволюционная ячейка"	Численность	Статьи УК РСФСР
Ухтинская	60	ст.58 п.6, 10, 11
Кемская	47	ст.58 п.6, 10, 11
Тунгудская	83	ст.58 п.4, 6, 7, 10, 11, 12
Сегозерская	51	ст.58 п.7, 10, 11
Петровская	68	ст.58 п.6, 7, 8, 11, 14
Кондопожская	59	ст.58 п.6, 7, 8, 10, 11, 13
Пряжинская	76	ст.58 п.6, 10, 11
Олонецкая-1	57	ст.58 п.10, 11, ст.182
Олонецкая-2	89	ст.58 п.6, 7, 8, 10, 11, ст.19
Лесная промышленность	22	ст.58 п.6, 7, 10, 14
Пудожская	81	ст.58 п.7, 8, 9, 10, 11

Как видим, практически всем было предъявлено обвинение в шпионаже (ст.58 п.6), антисоветской агитации (ст.58 п.10), организованной контрреволюционной деятельности (ст.58 п.11). Исключение составила Ругозерская ячейка: каждому из 34 ее членов было предъявлено отдельное обвинение.

Дела, по которым не было собрано достаточных доказательств, после рассмотрения на заседании «тройки» ОГПУ ЛВО поступили на утверждение специальных «троек» ЛВО. Всего из 727 дел в специальные «тройки» было передано 49.

Окончательные приговоры по делу «Заговор финского генштаба» были вынесены в мае 1933 г. Признанные виновными подверглись следующим видам наказания:

«Контрреволюционная ячейка»	Число осужденных	Виды приговоров						Приговор не указан	Освобождены из-под стражи
		ВМН	10 лет к/л	5 лет к/л	3 года к/л	высылка	лишение прав проживания в определенных местностях		
Ухтинская	60	2	12	6	5	27	4	2	2
Кемская	47	8	10	15	4	10	—	—	—
Тунгудская	83	5	29	27	2	16	—	—	4
Ругозерская	34	1	14	4	1	10	3	—	1
Сегозерская	51	—	5	3	5	26	12	—	—
Петровская	68	16	21	12	6	6	6	—	1
Кондопожская	59	2	1	4	18	14	11	—	9
Пряжинская	76	17	37	7	1	9	5	—	—
Олонецкая	146	12	60	2	36	23	5	4	4
Пудожская	81	12	14	15	15	24	1	—	—
Лесная промышленность	22	1	10	8	—	3	—	—	—
ВСЕГО	727	76	213	103	93	168	47	6	21

Приговоренные к высшей мере социальной защиты были расстреляны в мае 1933 г. Точные даты расстрела по изученным документам установить сложно. Приговоренные к высылке на различные сроки, как правило, отправлялись в Западно-Сибирский край. Лишенным прав проживания в определенных районах запрещалось селиться в приграничных районах Карелии, въезжать в Москву и Ленинград. Для 6 человек из 727 осужденных в документах не указана форма наказания.

Причины, по которым 21 человек освобождены из-под стражи, в документах не указаны. Известно, что один из них, П.И.Осипов, не был осужден по делу в связи со смертью в процессе следствия 17 апреля 1933 г. В отношении 139 арестованных дело было прекращено.

Результатом ликвидации «заговора» в Карелии стали сотни искалеченных судеб невинных людей. Нам удалось обнаружить информацию о дальнейшей судьбе 86 человек, обвиненных в причастности к «заговору». Чаще всего сведения ограничиваются сообщением о месте пребывания осужденного — Норильлаг, Дальлаг, Ураллаг, Кареллаг, Ухтижимлаг... В 1960-х гг. в Карелии проживало только четверо из числа репресс-

сированных — А.И.Туттчиев, А.Н.Прокопьев, Н.И.Прокопьев, П.Г.Гаппоев. Остальные либо погибли в лагерях, либо по окончании срока наказания не вернулись на родину.

Более двадцати лет эти люди считались преступниками. Процесс реабилитации по делу о «Заговоре финского генштаба» начался в 1956 г. и продолжался до 1962 г. В ходе дополнительной проверки, осуществленной Военным трибуналом Северного военного округа, было полностью доказано, что «дело» это со всех точек зрения является фальсификацией, не подтверждено никакими объективными данными, и в отношении большинства репрессированных по нему справедливость была восстановлена.

В материалах дополнительной проверки нам не удалось обнаружить документов о реабилитации 35 осужденных. Вопрос о них остается открытым.

Реабилитация по «делу о заговоре» в 1950–1960-х гг. проходила негласно и носила сугубо юридический характер. С осужденных были сняты уголовные обвинения, о пересмотре дела проинформировали их родственников.

Время публичной реабилитации всех пострадавших от репрессий наступило только после выхода 23 июня 1992 г. Указа Президента РФ о снятии ограничительных грифов с документов, относящихся к массовому террору в СССР.

Составленная автором работы картотека пострадавших по делу «Заговор финского генштаба» будет включена в книгу-мемориал, которую карельское общество «Мемориал» планирует издать в ближайшее время. Так мы отдадим долг памяти еще сотням жертв политического террора в СССР.

Примечания:

- ¹ Такала И.Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1933. С.111–128.
- ² Чухин И.И. Заговор финского генштаба. Петрозаводск, 1994. 18 с. (Рукопись).
- ³ Архив ФСБ РК. Д. Ф/П–177. Т.1. Л.20–26.
- ⁴ Там же. Д. П–18456. Т.17. Л.163.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. Д. Ф/П–177. Т.1. Л.463–568.
- ⁷ См.: Такала И.Р. Указ.соч. С.114; Чухин И.И. Указ.соч. С.1–2.
- ⁸ Архив ФСБ РК. Д. Ф/П–10042. Т.2. Л.32.
- ⁹ Там же. Д. П–18456. Т.17. Л.164.
- ¹⁰ Там же. Л.170.
- ¹¹ Ежегодник 1932–1933 гг. Петрозаводск, 1934. С.11–13.

- ¹² Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925 гг. Петрозаводск, 1979. С.57–587.
- ¹³ Архив ФСБ РК. Д. П–18456. Т.17. Л.163.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л.7.
- ¹⁶ Там же. Л.9.
- ¹⁷ Там же. Д. Ф/П–10042. Т.2. Л.5.
- ¹⁸ Там же. Д. Ф/П–13606. Т.3. Л.361.
- ¹⁹ Там же. Л.373.
- ²⁰ Там же. Д. П–18546. Т.2. Л.17.
- ²¹ Там же. Д. Ф/П–10277. Л.19.
- ²² Там же. Д. П–18546. Т.2. Л.6.
- ²³ Там же. Д. П–18545. Т.2. Л.8.
- ²⁴ Там же. Л.9.
- ²⁵ Там же. Д. Ф/П–10480. Т.2. Л.1.
- ²⁶ См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С.62–63.

*Ольга Колобенина
(Ярославль)*

«КОНТРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАВО-ТРОЦКИСТСКАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» В ЯРОСЛАВСКОМ КОМСОМОЛЕ

По материалам архива Управления ФСБ по Ярославской области

Весь 37-й год, особенно его вторая половина, прошел в Ярославской области под лозунгом беспощадной борьбы с врагами народа. Курс был взят на полное истребление «троцкистских последышей». Незамедлительно это сказалось и на ярославском комсомоле. В утрате большевистской бдительности были обвинены крупнейшие горкомы — в Рыбинске и Ярославле. «Троцкистские элементы» были выявлены в первичных организациях ярославского пединститута, авиатехникума и завода имени Павлова. Вина же за «притупление бдительности» легла на руководителей ярославского комсомола. Особенно резкой критике на V городской конференции комсомола (март 1937 г.) и в областной газете «Сталинская смена» подвергся секретарь Ярославского горкома ВЛКСМ Михаил Ерофейкин. Он был снят с должности, а первый секретарь обкома ВЛКСМ Б.И.Павлов выступил с призывом до конца разгромить «банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц».

Учитывая недопустимую «засоренность комсомольских кадров троцкистскими элементами», в начале июня решено было провести отчетно-выборную кампанию в комсомольских организациях. В июне же открылась II областная конференция ВКП(б), на которой был разгромлен весь состав обкома партии. Б.И.Павлов в результате этого стал вторым секретарем горкома партии, уйдя с должности первого секретаря ОК ВЛКСМ, а ОК ВКП(б) возглавил Н.М.Зимин. Новые назначенцы с энтузиазмом вступили в борьбу с «троцкистами» в комсомоле. Началась кампания повальных разоблачений: почти всех секретарей райкомов и горкомов подвергли ожесточенной критике, обвинили в связях с «вражеским» бывшим руководством городской партийной организации, в каждом райкоме ВЛКСМ нашли «врагов народа», везде выявлялись «шайки вредителей». Критика областного комитета комсомола и нижестоящих комитетов стала обязательной на всех районных и городских конференциях. Второго секретаря обкома комсомола А.В.Смирнову 25 августа 1937 г. сняли с должности, а 9 сентября она была арестована УНКВД.

К концу сентября 1937 г. стало известно о существовании в обкоме и горкоме комсомола «контрреволюционной право-троцкистской банды», которую возглавляли второй секретарь ОК ВЛКСМ А.Смирнова и бывший секретарь ГК ВЛКСМ г. Ярославля П.Полетаев. В результате этого разоблачения за связь с врагами народа сняли с работы Б.И.Павлова. 29 сентября 1937 г. он также был арестован УНКВД.

Многие участники «контрреволюционной организации» были уже арестованы, но новый первый секретарь обкома ВЛКСМ т.Брусникин с большевистским рвением продолжал разоблачать врагов народа. Колесо репрессий набирало обороты. VI городская конференция подвергла острейшей критике уже и Брусникина, обвинив его в том, что он «проявлял недопустимую медлительность в ликвидации последствий вредительства <...> в областной и городской организациях, не смог разоблачить враждебной работы банды заклятых врагов народа, орудовавших в бюро ярославского обкома». «Сталинская смена» пишет, что «т.Брусникин не спешит ликвидировать ошибок, допущенных прежним руководством». При этом «прежнее руководство» характеризуется не иначе как «вражеское».

К моменту открытия II областной конференции ВЛКСМ (16 октября 1937 г.) право-троцкистская молодежная организация пополнилась новыми именами. Было объявлено, что возглавляли ее секретари обкома Б.Павлов и А.Смирнова, активное участие в ней принимали П.Полетаев, С.Раухман, А.Скворцов, И.Прошин, Е.Полтавцева, М.Ерофейкин и А.Овсянников. Основная задача этой «организации» — победа над рабочими и крестьянами, восстановление в стране власти помещиков и капиталистов. Девять членов обкома были разоблачены органами НКВД и репрессированы как враги народа. Сообщалось, что Ярославский горком, Сталинский, Кировский, Резинокомбинатский райкомы находились в руках врагов народа П.Полетаева, М.Ерофейкина, К.Полтавцева, К.Чикалева, А.Рыбина, Н.Березина.

Казалось бы, все враждебные элементы разоблачены и обезврежены. Но цель II областной конференции ВЛКСМ оставалась прежней: разоблачить оставшихся в комсомоле врагов народа (а в том, что они еще оставались, никто не сомневался), избрать в руководство обкома комсомола новых людей, способных противостоять натиску враждебных элементов и беспощадно их искоренять.

Органами НКВД к тому времени были раскрыты «контрреволюционные молодежные организации троцкистов» почти во всех районах и городах Ярославской области: Рыбинске, Ростове, Переславле, Галиче и др. В целом с июня по октябрь 1937 г. органы НКВД разоблачили в области около сорока вредительских организаций, возглавляемых лидерами ярославских коммунистов. «Младший брат» партии — комсомол — стал обширным полем для поиска контрреволюционных групп. На II

областной конференции ВЛКСМ 45 райкомов из 46 признали свою работу неудовлетворительной, и это послужило поводом к разоблачению и истреблению в них врагов народа.

Решающим в работе II областной конференции стало выступление первого секретаря ОК ВКП(б) Зимина, содержащее массу любопытных фактов. В частности, он сказал: «Как мы разоблачали Павлова? Первое сомнение в отношении Павлова у меня зародилось в августе <...> в связи с большими расхождениями между словами и делами. Мы стали присматриваться, зацепились за его 3 хвоста: Бриль, Смирнова, Раухман <...> Решили, хотя прямых показаний не было, арестовать Бриль, Жукова, Раухмана. Они быстро сознались в целом ряде соучастников <...> Овсянникове, Прошине и др., но ни один в своих показаниях о Павлове ничего не показывал и о Смирновой. Ее арестовали по другим материалам, что когда она была секретарем в Костроме, то связывалась с Михалевым по контрреволюционной работе. В начале сентября мы вывели Павлова из состава обкома и сняли с поста секретаря горкома <...> Потом выяснилась картина полного окружения его врагами народа, и тогда его исключили из партии. Нажали на Раухмана, он и Сафьянов дали показания об участии его в контрреволюционной организации. Павлов <...> молчит на допросах следователя <...> но у нас есть возможность, не такие, как Павлов, заговаривали, и Павлов скажет, но, конечно, не сразу».

«Политические дела» начинались порой на комсомольских собраниях, конференциях. В этом же выступлении Зимин высказался о Брусникине как о человеке, который «заслуживает политического недоверия», и это решило судьбу первого секретаря ОК ВЛКСМ. Брусникин был исключен из состава ЦК ВЛКСМ «за сокрытие своей связи с враждебными элементами и за попытку скрыть от ЦК факты засоренности вражескими элементами Ярославской областной организации». В январе 1938 г. Брусникина арестовали.

Следствие по делу «право-троцкистской контрреволюционной молодежной организации» проводилось с применением всего арсенала жестоких пыток, принятых в тогдашнем НКВД, — от шантажа и угроз до многосуточного «конвейера» и избиений. Зная это, можем ли мы обвинять «сознавшихся» в предательстве, в том, что они загубили жизни невинных людей? Я думаю, нет.

К тому же, признав свою вину во время следствия, некоторые отказывались признать ее на суде, мотивируя это тем, что давали показания под давлением или были слишком потрясены фактом ареста. Так поступили Б.Павлов, К.Полтавцев, А.Смирнов. Трудно даже представить, через какой ад прошли те, кто так и не признал своей вины. Это С.Семенюк, М.Бриль, В.Мочалов, И.Прошин, А.Рыбин. Изучая следственные дела, можно заметить, что непризнание вины, как правило, сохраняло жизнь, признание же почти всегда было чревато расстрелом.

Из материалов «дела» Бориса Павлова видно, что он сознался в участии в контрреволюционной группировке, работающей в Ярославском комсомоле. Вредительская деятельность этой группы, согласно его показаниям, заключалась в следующем: сохранение в руководстве своих людей, несмотря на допущенные ими провалы в работе, срыв выполнения решений ЦК о развертывании пропагандистской работы в комсомоле, развал первичных организаций на селе, запутывание системы учета в комсомольских организациях.

Показания Павлова дали достаточные основания для его обвинения, но ярославские чекисты пошли дальше — стали выявлять связи «банды» с московским руководством, дабы придать делу общесоюзный размах. А.Смирнова и А.Брусникин свидетельствовали, что Павлов связан в Москве с Салтановым и Черным, чего не отрицал и сам Павлов. К тому же А.Брусникин показал, что ярославская организация выполняла указания московских руководителей. Однако Салтанов и Черный, арестованные в Москве, показаний на Павлова не дали, и масштаб этого дела пришлось ограничить Ярославской областью.

Оснований для осуждения врагов народа, орудовавших в Ярославском комсомоле, за время следствия набралось предостаточно. Большею частью это были показания самих обвиняемых, данные друг на друга; учитывались и донесения о фактах вредительства, к которым в новых условиях относилось все — от неудачно сказанного слова до бракованной детали на производстве. Полностью признавшие свою вину С.Жуков, П.Сафьянов, М.Ерофейкин, С.Раухман были расстреляны еще в декабре 1937 г. Суд над большинством остальных был назначен на 3 октября 1938 г. Приговоренных к высшей мере наказания Бориса Павлова, Анну Смирнову, Александра Брусникина, Владимира Щербакова, Александра Смирнова, Георгия Никонова (которому было всего двадцать лет) расстреляли в день вынесения приговора. (Совсем недавно их останки были идентифицированы при вскрытии расстрельных ям у деревни Селифонтово Ярославского района.) Многих других ждал сталинский ГУЛАГ. «Контрреволюционная право-троцкистская молодежная вредительско-террористическая организация» в городе Ярославле и области была уничтожена. Однако оставались еще люди, ждавшие решения своей судьбы в застенках НКВД.

Массовые аресты, ссылки, расстрелы 1937–1938 гг. значительно сократили численность рядов ВЛКСМ и ВКП(б). В обком комсомола постоянно звонили с мест, сообщая примерно следующее: «У нас в районе осталось всего три комсомольца. Что делать?» Не считаться с этим руководство уже не могло. Фактов ареста, осуждения, расстрела комсомольцев становилось все меньше, многие следственные дела были прекращены.

Список осужденных по «делу контрреволюционной право-троцкистской молодежной организации» в Ярославле

Фамилия, имя, отчество	Год рожд.	Должность на момент ареста	Дата ареста	Дата вынесения приговора	Мера наказания по приговору
Полетаев П.А.	1909	бывший секретарь Ярославского горкома ВЛКСМ, к моменту ареста секретарь горкома ВЛКСМ Ростова-на-Дону	05.07.37	умер 29.07.39	—
Зверев Г.А.	1910	зав.отделом политучебы Галичского райкома ВЛКСМ	09.07.37	31.12.37	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Павлов А.Н.	1913	секретарь комитета ВЛКСМ Галичского педучилища	09.07.37	31.12.37	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Семенов С.А.	1907	бывший секретарь Сталинского райкома ВЛКСМ, к моменту ареста помощник директора резино-асбестового комбината	11.07.37	14.08.38	8 лет ИТЛ
Раухман С.С.	1910	зав.отделом руководящих органов Ярославского обкома ВЛКСМ	10.08.37	29.12.37	расстрел
Бриль М.З.	1908	зав.сектором кадров отдела руководящих органов Ярославского обкома ВЛКСМ	09.09.37	14.08.38	расстрел
Овсянников А.И.	1906	редактор областной газеты "Сталинская смена" и член бюро обкома ВЛКСМ	09.09.37	14.08.38	8 лет ИТЛ
Полтавцев К.И.	1910	секретарь Сталинского райкома ВЛКСМ	09.09.37	06.10.38	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Смирнова А.В.	1907	второй секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ	09.09.37	03.10.38	расстрел
Жуков С.А.	1909	бывший секретарь Ростовского райкома ВЛКСМ, к моменту ареста председатель областного совета ОСОАВИАХИМа	10.09.37	29.12.37	расстрел
Смирнов А.П.	1906	инспектор при начальнике Волгостроя	11.09.37	03.10.38	расстрел
Мочалов В.Ф.	1912	начальник парашютной станции Ярославского аэроклуба	13.09.37	14.08.38	5 лет ИТЛ
Ширшов И.С.	1910	бывший секретарь Переславского райкома ВЛКСМ	13.09.37	14.08.38	5 лет ИТЛ

Фамилия, имя, отчество	Год рожд.	Должность на момент ареста	Дата ареста	Дата вынесения приговора	Мера наказания по приговору
Прошин И.А.	1910	член бюро Ярославского обкома ВЛКСМ, зав.отделом крестьянской молодежи	13.09.37	29.12.37	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Сафьянов П.А.	1913	бывший заместитель зав.отделом горкомов и райкомов Ярославского обкома ВЛКСМ, к моменту ареста инспектор Ярославского областного совета ОСОАВИАХИМа	14.09.37	29.12.37	расстрел
Ерофейкин М.В.	1904	бывший секретарь Ярославского горкома и член бюро обкома ВЛКСМ, к моменту ареста секретарь Ярославского сельского райкома ВКП(б)	15.09.37	29.12.37	расстрел
Полтавцева Е.И.	1908	член Ярославского обкома ВЛКСМ, заведующая отделом пионеров	15.09.37	14.08.38	5 лет ИТЛ
Скворцов А.П.	1907	зав.отделом учащейся и студенческой молодежи обкома ВЛКСМ	15.09.37	06.10.38	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Щербakov В.В.	1910	зам.председателя Ярославского областного комитета физкультуры	16.09.37	03.10.38	расстрел
Рыбин А.А.	1910	секретарь Резинкомбинатского райкома ВЛКСМ	19.09.37	14.08.38	5 лет ИТЛ
Смолянский И.М.	1912	освобожденный секретарь комитета ВЛКСМ на заводе № 26 в г.Рыбинске	26.09.37	06.10.38	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Павлов Б.И.	1906	бывший первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, к моменту ареста первый секретарь Ярославского горкома ВЛКСМ	29.09.37	03.10.38	расстрел
Карпов Г.К.	1910	председатель совета физкультуры г.Костромы	29.09.37	дело прекращено 06.12.38	—
Мельников М.Г.	1908	пропагандист Рыбинского горкома ВЛКСМ	30.09.37	06.10.38	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Громов С.А.	1914	преподаватель средней школы № 12 г.Данилова	09.10.37	дело прекращено 13.03.39	—

Фамилия, имя, отчество	Год рожд.	Должность на момент ареста	Дата ареста	Дата вынесения приговора	Мера наказания по приговору
Коретина Е.И.	1917	преподаватель русского языка в школе № 1 г.Данилова	09.10.37	дело прекращено 15.11.38	—
Чикаев К.Ф.	1912	бывший заместитель зав.отделом рабочей молодежи обкома ВЛКСМ, к моменту ареста секретарь Резинокомбинатского райкома ВЛКСМ	09.10.37	06.10.38	10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет
Косарев А.С.	1916	секретарь районной газеты "Колхозная стройка"	10.10.37	дело прекращено 10.03.39	—
Никонов Г.Н.	1917	слесарь паровозного депо ст.Данилов	10.10.37	03.10.38	расстрел
Раздувалова А.В.	1916	чертежница Желдорстроя	10.10.37	дело прекращено 15.11.38	—
Горшков С.А.	1910	учитель школы в Нейском районе	17.10.37	14.08.38	5 лет ИТЛ
Березин Н.А.	1906	бывший секретарь Ярославского горкома ВЛКСМ, к моменту ареста заместитель заведующего Ярославским горкомхозом	22.11.37	29.04.38	расстрел
Брусникин А.М.	1910	бывший секретарь Костромского и первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, к моменту ареста заместитель заведующего отделом Ярославского обкома ВЛКСМ	08.01.38	03.10.38	расстрел
Голосов В.А.	1907	инструктор Дома культуры г.Данилова	30.04.38	23.08.38	8 лет ИТЛ
Шарохин С.Я.	1910	шофер леспромхоза	30.04.38	23.08.38	8 лет ИТЛ
Лифанова С.А.	1909	Инструктор Петрозаводского горкома ВКП(б)	03.08.38	дело прекращено 10.03.39	—
Быстрянец И.А.	1907	инструктор политотдела Ярославской ж.д.	10.08.38	дело прекращено 10.03.39	—
Вихрев С.В.	1903	и.о.начальника продовольственной базы Балтийского флота	19.10.38	дело прекращено 28.03.39	—

II пленум обкома ВЛКСМ (10–11 февраля 1938 г.) отметил, что ранее при исключении из комсомола были допущены серьезные политические ошибки, вину за которые, естественно, свалили на старое руководство обкома и конкретно на Брусникина, который звонил во все райкомы и предупреждал: «Исключайте. Это не собрание, если исключили меньше пяти человек». И исключали. Теперь же была поставлена новая задача: «ликвидировать последствия вредительства в вопросе исключения».

В результате в 1938 г. большинство исключенных из ВЛКСМ были восстановлены комиссиями по приему и исключению при обкоме, горкомах, райкомов. Но уже арестованные «враждебные элементы» под эту реабилитацию не попадали — все-таки основной задачей по-прежнему оставалось «полнейшее истребление замаскированного врага и прекращение его гнусной предательской работы».

Многие комсомольцы в это время были уже далеко за Уралом, и оставшихся на свободе родственников, не отрекшихся от своих близких, естественно, беспокоила их судьба. В ЦК партии, комсомола, органы НКВД и прокуратуры в центре и на местах хлынул поток жалоб и ходатайств как от самих заключенных, так и от их родственников. Так, жена Ивана Прошина в начале 1941 г. ездила ходатайствовать за мужа в Москву. Там ей стало известно, что пересмотр дела о право-троцкистской молодежной организации Ярославской области начался еще в 1940 г., что вынесенные комсомольцам приговоры признаны незаконными, что документы по реабилитации уже готовятся и осужденных скоро освободят. Однако с началом войны дело приостановилось, от заключенных скрыли радостную весть. Повезло лишь немногим. Михаил Мельников, например, еще осенью 1940 г. был отправлен из Норильского лагеря обратно в Рыбинск на переследствие, которое виновности его не подтвердило. 13 апреля 1941 г. Михаил Геннадьевич был освобожден. В справке значилось: «С 30 сентября 1937 г. содержался под стражей в местах заключения и освобожден в связи с прекращением дела на основании ст. 204». Во время войны Михаил Мельников воевал в Закавказье, на Орловском направлении, был награжден двумя орденами Отечественной войны и двумя орденами Красной Звезды...

Вопрос о фальсификации дела Ярославской молодежной «право-троцкистской организации» снова встал лишь в хрущевскую «оттепель». В 1956 г. почти все, подвергшиеся репрессиям по этому делу, были реабилитированы. Но не вернуть уже 11 человек, расстрелянных в 1937–1938 гг., не вернуть скончавшихся в заключении С.Семенюка, А.Скворцова, К.Чикалева, В.Мочалова, И.Ширшова, И.Прошина...

В 1959 г. была посмертно реабилитирована Мария Зусьевна Бриль. В 1938 г., уже после ее расстрела, мужу, пытавшемуся узнать хоть что-то о судьбе жены, сообщили, что Мария Бриль осуждена на десять лет без

права переписки и выслана. Муж Марии в 1942 г. погиб на фронте, так и не узнав о смерти жены. О расстреле и реабилитации М.З. Бриль стало известно только в 1989 г. ее племяннице Г.В.Ферштман.

С 1989 г. ярославская Школа юных журналистов начала активную поисковую и исследовательскую работу с целью выяснения истории «право-троцкистской молодежной диверсионно-вредительской организации». Исследователям удалось найти место захоронения некоторых расстрелянных комсомольцев у деревни Селифонтово Ярославского района, и сейчас там установлен памятник жертвам репрессий. Комсомольские билеты невинно осужденных были переданы на хранение их родственникам. Серьезным вкладом в дело восстановления справедливости стала книга «Не предать забвению», куда вошли несколько очерков о репрессированных комсомольцах. Однако до сих пор не удалось установить места захоронений некоторых из расстрелянных комсомольцев. Поиск продолжается.

*Елена Паповян,
Александр Паповян
(Москва)*

УЧАСТИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР В ВЫРАБОТКЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ

1957–1958 гг.

Проведение аналитических исследований в области истории репрессивной политики стало особенно актуальным в последнее время: во-первых, появился доступ к материалам фондов карательных органов, во-вторых, работа в архивах показала, что такие исследования необходимы для обобщения и структуризации другой, более конкретной информации.

Вторая половина 1950-х гг. заслуживает особого внимания. Это было время выработки новой репрессивной политики, основные принципы которой практически не изменялись вплоть до конца 1980-х (за исключением некоторых аспектов репрессий, например порядка исполнения уголовного наказания).

До сих пор процесс выработки и применения нормативных актов о политических репрессиях виделся исследователям (применительно к постсталинскому периоду) как подковерный поединок и воспринимался несколько упрощенно. Административные и судебные органы рассматривались как послушные проводники партийной линии, не имевшие собственного влияния на принятие решений. Это неверно в отношении рассматриваемого периода хотя бы потому, что в 1956–1958 гг. из-за нестабильности в верхах четкой партийной линии не было: перевес сил оказывался то у сторонников жесткого курса, то у «либералов» в Политбюро — соответственно у подчиненных структур существовал более широкий, чем раньше, выбор линии поведения.

На наш взгляд, только комплексное изучение документов государственных и партийных инстанций позволяет понимать смысл и значение и тех и других. С одной стороны, появление партийного документа с новыми политическими установками или посвященного «отклонениям» и образу «текущего» врага нередко инициировало появление инструктивных материалов соответствующих административных органов (КГБ, прокуратура, суд). С другой стороны, решения ЦК КПСС также не возникали из ничего: в отсутствие независимой информации о состоянии общества они не могли не базироваться на ведомственных источниках.

Наибольший интерес для изучения данной темы представляют фонды центральных партийных, государственных и ведомственных органов. К сожалению, закрыт фонд Отдела административных органов ЦК КПСС, весьма затруднен доступ к архиву КГБ при СМ СССР. В настоящее время сотрудниками программы «История диссидентского движения», осуществляемой Научно-информационным и просветительским центром (НИПЦ) «Мемориал», изучены или просмотрены материалы фондов Президиума Верховного Совета СССР, Верховного суда СССР (авторами составлен его тематический источниковедческий обзор), Прокуратуры СССР, Министерства юстиции СССР, ГУЛАГа/ГУИТУ (Главного управления исправительно-трудовых учреждений) в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ), Секретариата ЦК в Центре хранения современной документации (далее ЦХСА).

В этой статье представлены главные итоги исследований по теме «Формирование репрессивной политики». В качестве основного источника были использованы материалы фонда Верховного суда СССР (далее ВС) в ГАРФ.

Вторая половина 1950-х гг. — важный период в деятельности ВС. Если до 1957 г. одной из главных его функций была надзорная практика (ежегодно ВС рассматривал огромное число уголовных дел в порядке кассации или надзора), то после 1957 г. эта его функция существенно сужается. Согласно ст.9 «Положения о Верховном суде СССР» от 12 февраля 1957 г., на первый план вышла задача координировать деятельность судебной системы в целом. Для этого ВС занимался обобщением судебной практики и рассылал указания судам, добиваясь единообразия в применении законов. Анализ постановлений Пленума ВС позволяет выявить происходящие в этот период изменения в карательной политике.

Наиболее ценными источниками, отражающими участие ВС в разработке и проведении репрессивной политики, являются проекты руководящих разъяснений (указаний) Пленума ВС, материалы обзоров судебной практики и переписка с ЦК КПСС, КГБ, Прокуратурой и Президиумом Верховного Совета СССР (далее — ПВС), материалы совещаний членов ВС, обсуждавших вопросы судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях. Ценность этих документов определяется в первую очередь тем, что они раскрывают не только роль и значение самого ВС в системе карательных органов, но и работу всего репрессивного механизма.

Руководящие разъяснения ВС оформлялись как постановления его Пленума и были направлены на осуществление функций по надзору за всей судебной практикой в СССР. Эти подзаконные правила ВС выпускал в тех случаях, когда в применении того или иного закона на практике допускались ошибки. В юридической литературе вопрос об обязательности этих указаний часто рассматривался как дискуссионный, но это происходило скорее оттого, что в «Положении о ВС» не был четко оговорен

круг органов и лиц, для которых эти разъяснения являются обязательными. Вместе с тем на практике руководящие разъяснения требовались для координации деятельности не только судов, но и органов следствия и прокуратуры, то есть всей системы карательных органов.

Принятие руководящих разъяснений Пленумом ВС в большинстве своем было связано с изучением, обобщением и анализом судебной практики. Таким образом, до составления проекта руководящих разъяснений должна была быть проведена работа по этим направлениям. Итоги этой работы чаще всего зафиксированы в таких видах документов, как обзоры судебной практики по какой-либо категории преступлений или справки по обзорам; анализ судебной практики отражается и непосредственно в руководящих разъяснениях — в качестве примеров неверного или верного толкования судами законов.

Материалы по обзору судебной практики — многоаспектный источник. Здесь мы рассматриваем его как подготовительный материал для проектов руководящих разъяснений, обосновывающий необходимость принятия решения, ибо от акцентирования внимания на тех или иных тенденциях в немалой степени зависела тональность будущих руководящих разъяснений, более того — итоговые документы по обзору в своей резолютивной части уже содержали проекты этих разъяснений.

Подготовленный проект постановления Пленума ВС или сама справка по обзору судебной практики с проектом руководящих разъяснений направлялись на согласование в ЦК КПСС, на отзыв в Верховные суды союзных республик и другие судебные органы, в Прокуратуру СССР, заинтересованным министерствам и ведомствам. Проекты, связанные с делами о контрреволюционных преступлениях, следствие по которым велось органами КГБ, отсылались на отзыв и в это ведомство.

Сравнительный анализ различных редакций проектов, сопоставление их со сведениями, содержащимися в переписке, позволяют в значительной степени проследить процесс выстраивания репрессивной политики государства.

При отсутствии стенограмм пленумов ВС большое значение приобретают протоколы совещаний его членов и представителей заинтересованных ведомств по конкретным вопросам судебной практики, касающимся дел о контрреволюционных преступлениях. В этих документах, как и в материалах переписки, зафиксированы различные точки зрения на формы и методы проведения репрессивной политики, отразилась межведомственная борьба.

При анализе проектов постановлений приходится учитывать и другие ограничения. Например то, что документы ЦК КПСС, направлявшиеся в адрес ВС, отсутствуют в фонде, так как хранились в ведомствах не более пяти дней. А как уже говорилось выше, большинство документов Отдела административных органов ЦК КПСС, который непосредственно курировал всю правоохранительную систему, до сих пор секретны.

Помимо этого, важно представлять себе политическую обстановку в момент подготовки и редакции проектов, поскольку не все фиксировалось в документах, — существовали и «телефонное право», личные контакты.

Авторами были привлечены дополнительные источники из секретных частей фондов ГАРФ (статистические данные из фонда МЮ СССР, документы аппарата ВС и его коллегий из фонда ПВС СССР), а также из других архивов, документы ЦК КПСС из ЦХСД. Эти материалы позволяют дополнить и перепроверить сведения из документов секретной части фонда ВС.

Здесь мы наиболее подробно рассматриваем основные, на наш взгляд, документы ВС, связанные с изменениями репрессивной политики в 1957–1958 гг., стараясь придерживаться схемы: партийный документ — соответствующий (установочный) документ ВС — обобщение судебной практики и анализ выполнения установок. Документ, инициировавший эти изменения и сыгравший большую роль в репрессивной политике послесталинского периода, — письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антиобщественных враждебных элементов» (далее — Письмо ЦК) (ЦХСД. Ф.89. Оп.6. Е.х.1. Л.1–4).

* * *

Большое влияние на внутреннюю жизнь страны оказали венгерские события. Они дали аргументы в руки «консерваторам», расценившим их как результат политики разоблачения культа личности. В сводках КГБ для ЦК факты, связанные с венгерскими событиями, ставились на первое место (ЦХСД. Ф.5. Оп.30. Е.х.141. Л.110).

Как отмечает французский историк Н.Верт, «после венгерского кризиса позиции Хрущева ослабли»¹. Это подтверждается возвращением в правительство В.М.Молотова, который 20 ноября 1956 г. был назначен министром государственного контроля. Эта должность давала ему право проверять деятельность любых гражданских и военных организаций, которые он принялся защищать от «нигилистской критики политически незрелых людей».

Р.А.Медведев пишет, что в январе 1957 г. в Москве стали циркулировать слухи о возможной отставке Хрущева и возвышении Молотова².

Все это показывает, что власти еще не выработали внутривластного курса и он колебался в зависимости от перевеса сил в руководстве страны. Как следствие, отсутствовала четкая трактовка тех или иных высказываний и действий. Поэтому данные о судебных и внесудебных (партийно-комсомольских) репрессиях в тот период не могут дать точного представления о подлинных масштабах проявлений инакомыслия.

Ситуация изменилась после того, как Президиум ЦК КПСС 19 декабря 1956 г. утвердил текст Письма ЦК, представленный Председателем КГБ И.А. Серовым и Генеральным Прокурором СССР Р.А. Руденко. Видимо,

именно они играли главную роль в подготовке этого документа в комиссии, возглавляемой Л.И.Брежневым (остальные — Г.М.Маленков, А.Б.Аристов, Н.И.Беляев). Проект письма под названием «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов» предварительно обсуждался на Президиуме ЦК, где было решено внести в него изменения, затем проект опять представили на рассмотрение Президиума ЦК (13 декабря 1956 г.), и 14 декабря он был обсужден вновь (ЦХСД. Ф.89. Оп.6. Е.х.2). В протоколе заседания членом Президиума ЦК было предложено внести в Секретариат свои поправки и замечания в двухнедельный срок. Однако, как мы знаем, окончательный текст с новой формулировкой был утвержден уже через пять дней³.

Письмо ЦК появилось через полтора месяца после окончания венгерских событий. Можно предположить, что основной побудительной причиной явилось желание руководства страны застраховать себя от возможного их повторения⁴. Насколько велик был вызванный началом десталинизации, событиями в Польше и Венгрии всплеск общественной активности в стране⁵ и насколько обоснованны были опасения руководства — вопрос дискуссионный.

Первоначальный проект письма был более жестким, чем окончательный вариант⁶: в заголовке не было упоминания о работе партийных организаций в массах, в тексте отсутствовали смягчающие мотивы. В окончательном же варианте письмо стало называться «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов».

В Письме ЦК изложена формула новой репрессивной политики. Несмотря на грозный тон письма, после каждого призыва решительно «разоблачать и пресекать» в нем содержится оговорка, напоминающая о том, что «недопустимо сваливать в одну кучу преступную деятельность врагов советского государства и случайные ошибки, допускаемые частью советских людей в силу недостаточной политической зрелости и проистекающей от этого неправильной оценки происходящих событий». Говоря человеческим языком, партия давала санкцию только на ограниченное применение репрессий. В письме специально указывались, по выражению Е. Зубковой, «группы риска»⁷ — творческая интеллигенция и студенчество, что звучало явным отголоском венгерских событий и антиинтеллигентских настроений в партийном руководстве, вызванных тем, что наиболее бурная реакция на разоблачения сталинских преступлений была зафиксирована именно в этой среде, тогда как в рабочей аудитории собрания проходили в целом спокойно, а если и были «клеветнические» высказывания, то опять-таки они исходили от инженерно-технического персонала⁸. Интересно заметить, что в том же декабре 1956 г. на Пленуме ЦК было принято решение снизить нормы выработки — мера, явно направ-

ленная на успокоение рабочих, высказывавших недовольство увеличением норм после XX съезда⁹.

В Письме ЦК предлагалось обращать внимание и на такую категорию граждан, как амнистированные и репрессированные, «особенно из числа бывших троцкистов, правых оппортунистов и буржуазных националистов».

Прямой призыв к коммунистам, работающим в органах прокуратуры, суда и государственной безопасности, «быть бдительными» и «своевременно пресекать» «преступные действия» запускал собственно репрессивный механизм.

После появления Письма ЦК разрабатывается проект Постановления Пленума ВС «Об устранении ошибок в работе судов по рассмотрению дел о контрреволюционных преступлениях» (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.610. Л.5–9). В этом документе, призванном сыграть роль инструкции для судов, перед ними ставились те задачи, которые вытекали из Письма ЦК. Проект, хотя в конечном итоге так и не был принят в качестве Постановления, существенно повлиял на судебную практику — хотя бы потому, что был разослан на места. Во всяком случае, в рамках судебной системы нам неизвестен ни один другой документ такого уровня, переводящий данное партийное решение на язык правоприменительной практики. Так как проект этот никогда не был опубликован, позволим себе привести из него важнейшие цитаты.

Оговорив в преамбуле необходимость реабилитации незаконно осужденных в сталинские годы, ВС далее переходит непосредственно к поводу появления проекта Постановления:

«Пленум Верховного суда отмечает, что <...> отдельные суды, особенно за последнее время, допускают иногда серьезные ошибки <...> свидетельствующие о притуплении бдительности и о недооценке опасности контрреволюционной деятельности враждебных социалистическому строю элементов. <...> Эти ошибки заключаются, главным образом, в неосновательном в ряде случаев прекращении дел и оправдании виновных вследствие неправильной политической и юридической оценки их действий. <...> Наблюдаются случаи прекращения производством уголовных дел на осужденных за антисоветскую агитацию при наличии злобных антисоветских высказываний; при этом прекращение мотивируется тем, что эти высказывания не содержат непосредственного призыва к свержению, подрыву или ослаблению советской власти. Между тем контрреволюционные элементы отлично понимают, что в современных условиях открытый призыв к свержению советской власти не будет иметь успеха и приведет лишь к разоблачению и пресечению их враждебной деятельности. Поэтому, как показывает практика, метод контрреволюционной агитации заключается в настоящее время, главным образом, в клевете и злобных измышлениях на проводимые мероприятия партии и советского правительства и на дискредитацию руководителей партии и правительства

с целью подорвать доверие народа к советскому политическому строю. <...> Отдельные судьи, находясь под впечатлением большого количества грубых ошибок, допущенных в прошлом, особенно по делам, рассмотренным во внесудебном порядке ОСО и тройками, стали проявлять огульное недоверие к материалам предварительного следствия, проводимого органами государственной безопасности, и иногда при наличии лишь одного заявления осужденного о незаконных методах ведения следствия, без проверки таких заявлений органами прокуратуры, допускают прекращение дела. <...> Указанные выше серьезные ошибки в работе судов совершенно недопустимы и не могут быть дальше терпимы. Практика, если она примет распространительный характер, может причинить большой вред нашему государству. Сигналы, поступающие с мест, свидетельствуют о том, что некоторые из реабилитированных после возвращения из мест заключения, особенно из числа бывших троцкистов, правых оппортунистов и буржуазных националистов, группируют вокруг себя антисоветские настроения и политически неустойчивых лиц, пытаются возобновить свою преступную деятельность. Это тем более опасно в настоящее время, когда под воздействием международной реакции остатки антисоветских элементов, враждебно настроенных против социалистического строя, пытаются использовать в своих гнусных целях все еще имеющиеся у нас отдельные трудности и недостатки, возводят злобную клевету на политику коммунистической партии и советского государства, распространяют всякого рода провокационные слухи, пытаются подорвать доверие народа к партии и веру в могущество социалистических государств, нарушить их братскую дружбу. Поэтому действия антисоветских элементов должны решительным образом и со всей строгостью пресекаться. Суды при этом должны помнить, что партия и советское государство против лиц, ведущих враждебную антисоветскую деятельность, всегда вели и впредь будут вести самую решительную борьбу, что диктатура пролетариата по отношению к антисоветским элементам должна быть твердой и беспощадной. <...> Исходя из изложенного, Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. Обратить внимание судов на необходимость всемерного повышения бдительности к проискам лиц, враждебных советскому строю, имея в виду, что задача борьбы с антисоветскими элементами была и есть одна из главных задач советского суда. Из этого и должен исходить суд при рассмотрении каждого конкретного дела о контрреволюционных преступлениях, учитывая необходимость решительной и беспощадной борьбы с такого рода преступлениями.

2. Одновременно с этим Пленум обращает внимание судей, что при решении конкретного дела необходимо тщательно исследовать все обстоятельства дела и личность обвиняемого с тем, чтобы не допустить неосновательного осуждения честных советских людей, которые иногда в силу

недостаточной политической зрелости и неправильной оценки происходящих событий высказывают политически нездоровые суждения, не вызывающиеся, однако, враждебными побуждениями к советской власти и допущенные без всякого контрреволюционного умысла».

23 января 1957 г. проект Постановления Пленума был разослан для согласования в Прокуратуру и КГБ.

2 февраля Председатель КГБ Серов направляет в ВС свои замечания по проекту, из которых важнейшее касается пункта 2 постановляющей части. Органы госбезопасности предложили свою редакцию:

«2. При рассмотрении дел о контрреволюционных преступлениях судам необходимо тщательно рассматривать все обстоятельства дела в их совокупности, всесторонне учитывая при этом данные, характеризующие личность обвиняемого, с тем чтобы не допустить оправдания или вынесения мягкого наказания в отношении действительных врагов советского государства, когда совершенные ими преступления по законам советской власти требуют более строгого наказания» (Там же. Л.18–20).

Предложенная редакция полностью изменяет смысл этого пункта и документа в целом, что замечательно характеризует то, как КГБ предлагал трактовать закрытое письмо ЦК.

Для сравнения отметим, что замечания, внесенные Прокуратурой СССР 5 марта, были гораздо умереннее (Там же. Л.21–23).

* * *

Письмо ЦК КПСС было воспринято судебно-следственными органами как директива, и исполнение ее на местах приняло вид кампании, то есть гремучей смеси сугубо формального исполнения с «административным восторгом». То, что это была именно *кампания*, подтверждается еще и тем, что во всех республиках СССР число санкционированных арестов, произведенных КГБ, в первом полугодии 1957 г. превышает это же число за второе полугодие 1956 г., причем для большинства республик оно увеличивается в два-пять раз (См.: Фонд копийных материалов программы «История диссидентского движения» НИПЦ «Мемориал». Оп.2. Е.х.12. Л.24). Увеличение или уменьшение числа арестов по какому-либо виду преступлений в течение всего лишь полугодия и сразу по всем республикам, при всем их несходстве между собой в остальном, не может не привлечь внимания. Даже если рассматривать такую тенденцию только как отражение всплеска общественной активности, то проведение кампании — естественная реакция административно-командной системы на такой всплеск.

Прямым следствием декабрьского Письма ЦК явилось значительное увеличение в 1957 г. числа дел по контрреволюционным преступлениям. На четверть было превышено число осужденных по сравнению с 1954 г., более чем в два раза — с 1955 г. и почти в четыре раза — с 1956 г. Число осужденных в 1957 г. (2 948 человек), конечно, не сопоставимо с их

числом хотя бы за последний год при Сталине (27 098 — в 1952 г., 13 611 — в 1953) (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.2). Однако эти цифры были острым сигналом для нового руководства страны, которое вовсе не собиралось отказываться от политики жесткого контроля над карательными органами. Реформы, включающие в себя подрыв идеологической основы прежней репрессивной политики (осуждение незаконных методов следствия, разоблачения Сталина), не предусматривали возможность резкого усиления самостоятельности КГБ, даже в определении количественного и качественного состава «врагов». Карательная политика, в новом ее варианте, должна была быть более избирательной¹⁰, и в середине—второй половине 1957 г. встал вопрос о корректировке курса.

Вскоре после июньского (1957 г.) Пленума ЦК, где потерпела поражение так называемая антипартийная группа (которую в историографии принято связывать с консервативным крылом в партии), появляется новый проект Постановления Пленума ВС.

О его более мягком характере свидетельствует даже новое название: «Об улучшении работы судов по рассмотрению дел о контрреволюционных преступлениях». 7 июля 1957 г. проект поступил в секретно-шифровальный отдел (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.610. Л.24—27). Пункт 1 его постановительной части теперь звучит так:

«1. Считая, что в дальнейшем одна из важнейших задач советского правосудия заключается в исправлении ошибок, допущенных в прошлом судами и внесудебными органами, Пленум Верховного суда одновременно обращает внимание судов, что борьба за дальнейшее укрепление социалистической законности и исправление ошибок и извращений должна быть неразрывно связана с повышением бдительности против происков враждебных социалистическому строю элементов. Из этого и должен исходить суд при рассмотрении каждого дела о контрреволюционном преступлении, учитывая необходимость решительной и беспощадной борьбы с такого рода преступлениями» (Там же. Л.26).

Трудно сказать, был ли введен в действие этот проект. В источниках отсутствует информация об этом. Существенно затрудняет исследование недоступность документов ЦК и самого ВС по согласованию этого проекта. Однако работа с другими документами последнего позволяет нам предположить, что в данном случае мог быть применен не прямой механизм введения в действие норм, содержащихся в проекте. Из дальнейшего изложения будет видно, что подобная практика имела место. Проект мог быть только разослан председателям Верховных судов союзных республик, которые из его направленности могли сделать выводы о том, как им следует поступать в спорных случаях. Так, на совещании следственных работников КГБ в июне 1958 г. во время выступления Председателя ВС А.Ф.Горкина был поднят вопрос о необходимости руководящих разъяснений судам по этой категории дел, но определенного ответа Горкин дать не

смог, поставив это в зависимость «от результатов дальнейшей работы» и согласования «с директивными органами», после чего и будет решено, издавать «специальное руководящее разъяснение Пленума <...> или, может быть, будет разослана обзорная справка» (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.635. Л.6).

Сведения о том, что проведение кампании вошло в некоторое противоречие с провозглашенными задачами, стали поступать в ЦК уже в начале 1957 г. Полковник юстиции Н.А.Абрамский в письме «О судебной ответственности избирателей» (31 мая 1957 г.) утверждал, что существующая практика «судебного преследования избирателей, допускающих враждебные надписи на избирательных бюллетенях», противоречит конституционным гарантиям (Там же. Е.х.602. Л.63). По установившейся практике такие избиратели привлекались к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию. Сам факт привлечения избирателя за такого рода преступление, утверждал Абрамский, нарушает тайну голосования и наносит ущерб принципу законности в СССР. К тому же такого рода деяния нельзя назвать агитацией уже потому, что огласка надписей на избирательном бюллетене практически невозможна (Там же. Л.64). Таким образом, Уголовный кодекс входит в противоречие с Конституцией. Далее в письме говорится: «Если, как указывалось выше, едва ли можно признать формой агитации надпись на избирательном бюллетене при тайном голосовании, то бесспорно самой злой и наглядной антисоветской агитацией, агитацией против нашей избирательной практики, против нашей Конституции является суд над избирателем» (Там же. Л.65). После перечисления некоторых примеров Абрамский пишет: «<...> отдельные работники прокуратуры сделали неправильные выводы из декабрьского письма ЦК». И предлагает: «<...> чтобы раз и навсегда покончить с существующей практикой, недостойной социалистического демократизма, необходимо решение ЦК, признающее политически вредным судебное преследование избирателя, связанное с нарушением тайны голосования» (Там же. Л.67).

В июле 1957 г. в ВС была переслана копия этого письма с указанием внести в вопрос ясность. Получив задание ЦК, Председатель ВС А.Ф.Горкин запиской поручает своему заместителю Н.К.Морозову подготовить предложения по письму Абрамского (Там же. Л.60). 21 августа Морозов ставит этот вопрос перед Всесоюзным институтом юридических наук и Институтом права АН СССР (Там же. Л.61, 62). В сентябре 1957 г. Институт права приходит к выводу о «политической нежелательности уголовного преследования за антисоветские надписи на бюллетенях» (Там же. Л.70). Несмотря на то, что в дальнейшем в установочные документы ВС этот сюжет не вошел, принятые по рассмотрению письма решения позволяют предположить, что уже в 1957 г. появились некоторые признаки курса на введение кампании в разумные пределы и почувствовавшие это чиновники, возможно, использовали письмо как пробный камешек.

Явной тенденции к снижению судимости во второй половине 1957 г. еще нет¹¹. Возможно, сказались факторы разного порядка — инерционность самого репрессивного механизма, который легче запустить, чем остановить, и еще сильные позиции явно относящегося к «ястребам» шефа КГБ Серова, поддержавшего Хрущева против «антипартийной группы».

Наиболее информативным документом о судебной практике 1957–1958 гг. по делам о контрреволюционных преступлениях, на наш взгляд, является составленная ВС в первые месяцы 1958 г. «Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях» (далее — «Справка») (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.1–73). Это исследование было проведено на материалах уголовных дел 1956–первой половины 1957 г. и охватывает только начало кампании, но его положения применимы и к более позднему ее периоду.

* * *

В истории создания «Справки» есть некоторые пробелы. Предположительно, информация о масштабах и составе привлеченных к ответственности (см. статью Е.Паповян «Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг.» в настоящем сборнике) вызвала определенную реакцию руководства страны, и, судя по всему, потребовалась более детальная информация. Именно *резкое увеличение* числа осуждений по обвинению в контрреволюционных преступлениях и стимулировало проведение специального анализа, что находит подтверждение в позднейших отчетах ВС: «Необходимость обобщения судебной практики по делам о государственных преступлениях вызывалась некоторым ростом в 1957 году числа осужденных за особо опасные государственные преступления по сравнению с данными 1954–1956 гг. и большим значением деятельности судов по борьбе с этими преступлениями» (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.721. Л.112 — «Справка о работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР за 1957–1961 гг.»). Видимо, с этой целью Отдел обобщения судебной практики ВС во второй половине 1957 г. начал работу над обзором судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях¹². Итогом ее и стала «Справка»¹³. В тексте «Справки» нет ссылки на прямое указание партийного руководства, работа над ней представлена как ответ на «пожелания, высказанные председателями Верховных судов союзных республик». Возможно, подобного указания как такового и не было.

В «Справке» основной причиной появления Письма ЦК названа реакция враждебных советской власти и неустойчивых элементов на внешне- и внутрисполитические события, из которых называются «контрреволюционный мятеж в Венгрии и последствия разоблачения культа личности». Быть может, этим указанием на «конкретный исторический момент» косвенно ограничивалась возможность «глобальной» трактовки Письма ЦК.

Практические последствия осуществления кампании на местах характеризуются в «Справке» следующим образом: «<...> органы государственной безопасности и прокурорского надзора стали возбуждать уголовные дела и в тех случаях, в которых ранее они ограничивались предупреждением виновных о недопустимости тех или иных высказываний. Одновременно произошло уменьшение числа случаев квалификации циничных высказываний лиц, находившихся в нетрезвом состоянии, главным образом, по адресу отдельных государственных и общественных деятелей как проявление злого хулиганства и, наоборот, увеличилось число случаев квалификации таких деяний как антисоветская агитация» (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.9). Увеличение числа осуждений по делам о контрреволюционных преступлениях (по данным «Справки») шло за счет дел об антисоветской агитации, основную массу которых давали дела, связанные с квалификацией критических высказываний как антисоветских преступных деяний. Значительный рост *этого* вида преступлений, а не шпионажа, измены Родине, террористических актов и диверсий, и явился, согласно «Справке», главной причиной необходимости исследовать судебную практику по таким делам.

Примеры, приведенные для обоснования выводов «Справки», в основном демонстрируют ошибки судов в рассмотрении дел о контрреволюционных преступлениях. Такой отбор можно расценить как стремление проиллюстрировать насущную необходимость серьезного пересмотра репрессивной политики. Из текста явствует, что судебная практика на местах вошла в противоречие с провозглашенным принципом избирательности (см. также упомянутую выше статью Е.Паповян в настоящем сборнике).

Хотя в «Справке» и приводятся примеры резких антисоветских проявлений, в целом она написана весьма либерально. Это видно хотя бы из того, что ситуация с контрреволюционной преступностью отнюдь не драматизируется, несмотря на то, что анализу подвергнут период самого большого за всю послесталинскую эпоху всплеска политических репрессий. Об относительно либеральной направленности составителей «Справки» свидетельствует и то, что среди примеров правильной судебной практики на передний план не выдвинуты дела осужденных из интеллигентской среды (против которой главным образом и было направлено Письмо ЦК), хотя известно, что подобных дел было немало¹⁴. Зато бросаются в глаза другие примеры — ошибочные осуждения граждан (рабочих, колхозников), которыми двигали «обывательские настроения». Трудно представить, что подобный либерализм не был санкционирован.

Любопытно, что в письме Абрамского мы находим трактовку Письма ЦК, аналогичную той, которая затем вошла в выводы «Справки». В нем директива ЦК КПСС не подвергается сомнению, признается основой для деятельности судов и в будущем, но примечательно, что наиболее подробно цитируются те места Письма ЦК, которые сужают область применения

репрессивных мер. Такое цитирование основополагающего документа, по сути, демонстрировало партийному руководству возможность пересмотреть карательную политику, не отменяя ранее данные указания и не принимая решений, признающих ошибки. «Справка» же идеологически обосновывает этот путь: советское общество — это уже не «арена классово-войны», а единый здоровый организм; внутренние враги, конечно, есть, но это, в основном, «последыши старого мира, знавшие иную власть, кроме Советской», или просто агенты иностранных разведок. К преступлению на данном этапе могут склониться лишь «отдельные» граждане. Нехарактерность подобных случаев для социалистического строя видна из проекта руководящего разъяснения судам, в котором судебно-следственным органам предлагается выявлять «подстрекателей» (особенно по делам о контрреволюционных преступлениях, совершенных молодежью). К этим поискам призывают и постоянные напоминания в каждом разделе «Справки» о необходимости более тщательно расследовать мотивы всех видов контрреволюционных преступлений¹⁵. Мотивы и обстоятельства, наличие которых может свидетельствовать об отсутствии контрреволюционного умысла, то есть, по сути, состава преступления, предусмотренного ст.58 УК РСФСР, в проекте руководящих разъяснений даже конкретизируются: это — неблагоприятное стечение личных обстоятельств, бюрократическое отношение чиновников к жалобам, неправильные решения местных органов власти. Фактически в проекте руководящих разъяснений, который завершает «Справку», предлагается отделять подлинно контрреволюционные настроения от «обывательских» и квалифицировать действия, совершенные под влиянием последних, более мягко. Например случаи публичного выражения недовольства властями — не как антисоветскую агитацию в устной форме, а как хулиганство, бегство за рубеж — не как измену Родине, а как незаконный переход границы, и т.п.

5 мая 1958 г. «Справка» была направлена в ЦК КПСС, а затем на совещание следственных работников КГБ (которое уже упоминалось выше). Председатель ВС в своем выступлении использовал материалы этой «Справки», однако вопрос о ее дальнейшей судьбе решен еще не был.

Вновь предметом обсуждения «Справка» стала на совещании членов ВС, состоявшемся 28 июня 1958 г. (Характерно, что вопрос о ней не был вынесен на Пленум ВС, завершившийся как раз в тот день.) В ходе дискуссии выявились две точки зрения на «Справку», а точнее, на саму судебную практику по делам о контрреволюционных преступлениях. Одни считали, что судебная практика в целом правильна и руководящие разъяснения не нужны (четче всех это сформулировал шеф КГБ И.А.Серов, его поддержали председатели Верховных судов РСФСР и Азербайджана). Другие говорили о необходимости изменения судебной практики и издания руководящих указаний по этой категории дел (председатели Верховных судов БССР и УССР). В целом спор велся о том, как надо трактовать

Письмо ЦК от 19 декабря 1956 г.: обе стороны ссылались на него. Сам Председатель ВС А.Ф.Горкин, подводя итоги, предпочел ограничиться выражением беспокойства по поводу роста судимости в 1957 г. (Там же. Е.х.635. Л.5). Тем не менее «Справке» и проекту руководящих указаний, изложенных в ней, был дан ход.

10 июля 1958 г. «Справка» была направлена Председателю Президиума Верховного Совета СССР. В сопроводительном письме сообщалось о состоявшемся совещании и о том, что документ разослан председателям Верховных судов союзных республик для обсуждения и внесения ими предложений в связи с подготовкой и предполагаемым изданием руководящих разъяснений Пленума ВС по этой категории дел (ГАРФ. Ф.7523. Оп.89с. Е.х.7494. Л.123).

Ни декабрьское Письмо ЦК, ни директивные указания судам и о начале кампании, и о ее приостановке не были официально изданы. А последние и вовсе приняли вид мало к чему обязывающего «проекта руководящих указаний», даже не выделенного в обособленный документ.

Интересно, что в отчетных документах ВС, относящихся к 1961 г., «нецелесообразность» принятия руководящих разъяснений по делам о контрреволюционных преступлениях мотивировалась следующим образом:

«Пленум Верховного суда СССР, учитывая, что в целом судебная практика по этим делам отвечала требованиям борьбы с этими преступлениями и с учетом подготовки проекта нового Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, нашел нецелесообразным принимать руководящее постановление по этим делам и ограничился рассылкой материалов обобщения Верховным судам союзных республик» (ГАРФ. Ф.9474. Оп.16с. Е.х.721. Л.113 — «Справка о работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР за 1957–1961 гг.»). Хотя при обсуждении «Справки» на совещаниях этот аргумент не использовался.

«Справка», вместе с проектом руководящих разъяснений Пленума ВС, действительно, была разослана председателям Верховных судов и, судя по всему, сыграла свою роль. Министерством юстиции Белоруссии были изучены и обобщены в первом квартале 1958 г. дела о госпреступлениях (Там же. Е.х.642. Л.38). Итогом этой работы стал «Обзор о результатах изучения и обобщения судебной практики по делам о государственных преступлениях, рассмотренных судами республики в 1957 и в 1-м квартале 1958 г.» (Там же. Е.х.646. Л.1–18), выдержанный в духе общесоюзной «Справки» и содержащий схожие выводы. Согласно «сопроводительке», итоги изучения и обобщения судебной практики были обсуждены на закрытом заседании коллегии Министерства юстиции БССР с участием всех председателей областных судов, руководства и членов Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР и заместителя Прокурора Белоруссии. По результатам изучения сделаны представления секретарю ЦК КПБ и Председателю КГБ республики (Там же. Е.х.642. Л.38).

Видимо, примерно так же развивались события и в остальных союзных республиках. Во всяком случае, анализируя судебную статистику, можно отметить, что во втором полугодии 1958 г. число осужденных по *всем* республикам снижается (Фонд копийных материалов НИПЦ «Мемориал». Оп.2. Е.х.12. Л.38). Более того, число осуждений за весь 1958 г. сокращается в два с половиной раза по сравнению с 1957 г. Это позволяет предположить, что состоялся пересмотр принципов проведения кампании или ее окончание (безусловно, при этом надо учитывать и возможное снижение общественной активности — как одну из причин пересмотра репрессивной политики).

Характерно, что в марте 1958 г., после снятия Н.А.Булганина с поста Председателя Совета Министров СССР, Хрущев совместил должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя СМ СССР, обеспечив себе полномочия, сопоставимые со сталинскими. А в декабре и шеф КГБ Серов, занимавший жесткую позицию в отношении уголовных преследований по политическим статьям, был перемещен со своего поста на должность руководителя военной разведки. Учитывая давние его связи с Хрущевым, такое назначение может свидетельствовать, в частности, о том, что рвение Председателя КГБ Хрущев решил использовать для ведения борьбы с иностранными разведками.

Таким образом, тезис о тесной связи характера карательной политики с изменениями в балансе сил в руководстве страны, на наш взгляд, находит подтверждение в документах, относящихся к кампании 1956–1958 гг.

Подтверждение того, что ВС сыграл определенную роль в изменении судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях, мы находим и в отчете о работе Отдела обобщения судебной практики за 1958 г. В нем сообщается, что помимо протестов, принесенных на дела о контрреволюционных преступлениях, Отделом были разосланы письма, предлагающие пересмотреть вынесенные приговоры по этой категории дел. Всего таким образом было предложено пересмотреть 75 дел — фактически каждое десятое изученное дело.

Кампания по борьбе с антисоветскими проявлениями практически сошла на нет к середине 1958 г. Сравнивая ее с более поздней кампанией по борьбе с самогоноварением¹⁶, можно выявить определенный сценарий проведения подобных мероприятий:

— заявление партийного лидера (в нашем случае — выступление Н.С.Хрущева на митинге московской молодежи 10 ноября 1956 г., оставшееся за рамками данной статьи),

— письмо ЦК КПСС,

— резкое увеличение числа судебных дел по определенной категории преступлений,

— обобщение ВС судебной практики (спустя некоторое время) в качестве отчета о проведении кампании,

— окончание кампании, что могло быть оформлено в виде ведомственных документов (для ВС — руководящие разъяснения судам или их проекты).

Обобщение судебной практики характерно для любой кампании как форма отчетности и контроля (хотя оценки хода проведения кампании в этих обобщениях могут быть различными). Вместе с тем необходимо учитывать, что появления такого документа, как обзор судебной практики, свидетельствует и о том, что назрела необходимость ее изменения. Это вытекает из самого жанра подобных документов.

После XX съезда КПСС при проведении не только внешней, но и внутренней политики режим был вынужден доказывать, что со сталинской практикой незаконных осуждений покончено. В беседе с американским корреспондентом Г.Шапиро Н.С.Хрущев указал, что «политические преступления стали теперь у нас редким явлением. Среди людей, понесших за последние годы заслуженную кару за свою антисоветскую деятельность, большую часть составляют агенты, заброшенные в Советский Союз извне»¹⁷.

Таинственность, которой было окружено письмо ЦК от 19 декабря 1956 г. (так, например, его не разрешено было отправить в парторганизации советских учреждений за границей, а случаи его утери в СССР рассматривались на Секретариате ЦК), нерешительность в проведении его директив, обходные пути для исправления вызванных им последствий говорят о том, что оно в определенном смысле было вынужденной мерой, ответом на экстремальную ситуацию. В изменившейся же политической обстановке, характеризующейся сосредоточением всей власти в руках Хрущева и стабилизацией в обществе, о нем было решено не вспоминать, на всякий случай не отменяя, но и не акцентируя на нем внимания.

В докладе на внеочередном XXI съезде КПСС Хрущев заявил, что «главное — это профилактика, воспитательная работа». Это его утверждение подвело черту под кампанией 1957–1958 гг. «Конечно, за судом, органами милиции и прокуратуры должны быть оставлены определенные обязанности. Эти органы будут продолжать свою деятельность в целях воздействия на лиц, которые злостно не подчиняются нормам социалистического общежития», — продолжил Хрущев, но характерно, что о КГБ он сказал отдельно: «Надо укреплять органы государственной безопасности, острие которых прежде всего направлено против агентуры, засылаемой империалистическими государствами»¹⁸.

А 24 мая 1959 г. в «Правде» Н.С.Хрущев заявил: «Преступление — это отклонение от общепринятых норм поведения в обществе, нередко вызываемое расстройством психики человека. Могут быть заболевания, психические расстройства в коммунистическом обществе среди отдельных людей? Видимо, могут быть <...> Тем, кто <...> стал бы призывать к борьбе с коммунизмом, можно сказать, что и сейчас есть люди, которые борются с коммунизмом <...> но у таких людей, видимо, явно не в норме психическое состояние».

Эти заявления лидера страны можно рассматривать как отражение нового курса, на который были ориентированы органы, проводившие репрессивную политику. Коварным и зловещим внутренним врагам не впервой в истории российского государства ставился подобный диагноз, но чтобы сразу всем! Такого не бывало. Угрозу, исходящую от умалишенных, уже невозможно было представить как серьезную. Психиатры должны заниматься врачами, а не такие серьезные учреждения, как КГБ или Верховный суд СССР. Неудивительно, что КГБ было предложено сосредоточиться на борьбе с «нормальной» агентурой иностранных разведок. А для внутреннего пользования применять профилактику — термин, сам по себе отдающий карболкой.

Подводя итог, можно заключить, что документы из Секретной части ВС позволяют составить более точное представление о новой, послесталинской репрессивной политике в целом, об этапах ее складывания, наметить их периодизацию. Но этим значение названных документов как исторических источников не исчерпывается — документы ВС содержат богатейший фактический материал о правоприменительной практике по делам о контрреволюционных преступлениях в масштабе всей страны, отражают деятельность ВС не только как государственного учреждения, участвовавшего в выработке репрессивной политики, но и как высшего судебного органа, осуществлявшего непосредственное судебное разбирательство и надзорное судопроизводство, контролировавшего деятельность всей системы судов.

Примечания:

- ¹ Верт Н. История советского государства, 1900–1991. М.: Прогресс, 1992. С.356–357.
- ² Медведев Р.А. Они окружали Сталина.— Нью-Йорк, 1984. С.61.
- ³ Любопытно, что с 14 марта 1953 г., после снятия Маленкова с поста секретаря ЦК, самой влиятельной политической фигурой в Секретариате стал Хрущев.
- ⁴ Сын Н.С.Хрущева вспоминает, что многие руководители партии и государства «оказались просто травмированы Венгрией. Часто одно воспоминание о 1956 годе позволяло удачно поставить очередную рогатку на пути демократизации нашего общества». Трудно сказать, насколько повлияли сыновние чувства на другое его утверждение: противостояние отца требованиям принятия жестких мер. Хрущев-младший также пишет: из информации, которой снабжали его отца посольство, КГБ и сами члены высшего партийного руководства, побывавшие там, вытекало, что основную массу мятежников составляет молодежь («мальчишки»-студенты), а рабочие и крестьянство их не поддерживают (Хрущев С.Н. Никита Хрущев: Кризисы и ракеты: Взгляд изнутри. М.: Новости, 1994. Т.1. С.259).
- ⁵ Обязательно надо учитывать, что противоречия между «ортодоксами» и «либералами» еще не нашли своего разрешения. На руку «ортодоксам» сыграли и события в Тбилиси, происшедшие через неделю после закрытого доклада

Хрущева. Об этом свидетельствует появление в «Правде» ряда статей, акцентировавших внимание на заслугах Сталина перед социализмом. В начале апреля 1956 г. ЦК обратился к членам партии со специальным письмом, осуждающим «недозволенную критику», а в «Правде» через день появилась статья, провозглашающая борьбу против «демагогов и гнилых элементов, которые под видом критики культа личности, критикуют линию партии». В ЦК КПСС, ознакомившись со сводками о настроениях в обществе (ЦХСД. Ф.5. Оп.30. Е.х.141. Л.14–15), поняли, что рамки дозволенного в критике культа Сталина оказались размытыми. Нужно было четкое указание сверху — что можно, а чего нельзя в критике Сталина. И такой документ вскоре появляется. 30 июня ЦК КПСС принимает, а затем публикует постановление «О преодолении культа личности и его последствий» — документ, который в значительной степени отличался от закрытого доклада Хрущева на XX съезде. В нем практически не упоминались разоблачения, сделанные Хрущевым. 16 июля 1956 г. датировано закрытое письмо ЦК «Об итогах обсуждения решений XX съезда» (РЦХИД-НИ. Ф.556. Оп.1. Е.х.608. Л.157–159), в котором уже сообщается о репрессивных мерах, привлечении к ответственности отдельных коммунистов и даже о роспуске партийной организации Теплотехнической лаборатории АН СССР за «неправильное» обсуждение решений XX съезда. Однако, за исключением последнего случая, в остальных дело ограничивалось партийной проработкой (Наумов В.П. Доклад // Н.С.Хрущев (1894–1971): Материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения Хрущева, 18 апр. 1994 / Горбачев-Фонд. М.: РГГУ, 1994. С.128–129).

- 6 См.: Наумов В.П. Указ.соч. С.129.
- 7 Зубкова Е. Реформы Хрущева: Культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С.106.
- 8 Зезина М.Р. Шоковая терапия: От 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 2. С.129.
- 9 Верт Н. Указ. соч. С.356–357.
- 10 Интересен тот факт, что всего лишь девять дней отделяют появление декабрьского Письма ЦК от представления в ЦК КПСС и подписания всеми его членами выводов Комиссии под председательством Молотова по изучению материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других. Доклад комиссии, как и многие документы того периода, был противоречивым: оснований для пересмотра дел Бухарина, Зиновьева, Рыкова и Каменева, «поскольку они на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма», найдено не было, одновременно признавалась порочной практика фальсификации обвинения против «честных советских граждан» — основа для массовых репрессий. Примечательно, что в состав комиссии входили два разработчика письма — А.Н.Аристов и Р.А.Руденко (См.: Наумов В.П. Указ. соч. С.127–128).
- 11 Так, по статье 58-10 УК РСФСР — антисоветская агитация («основная» статья, осужденные по ней во время кампании составили более 80%) — имело место незначительное сокращение числа осужденных в шести республиках. В пяти из них это число не превышало 40. Общее число осужденных по ст.58-10 в СССР составило 768 человек в первом полугодии 1957 г. и 1028 во втором (Фонд копийных материалов программы «История диссидентского движения в СССР» НИПЦ «Мемориал». Оп.2. Е.х.12. Л.25–26).

- ¹² Не позднее ноября 1957 г. Возможно, начало этой работы связано с изменениями в составе партийного руководства, происшедшими на июньском Пленуме ЦК, когда из состава Президиума ЦК КПСС были выведены сопротивлявшиеся курсу Хрущева. Среди обвинений, предъявлявшихся членам «антипартийной группы», было (высказанное в том числе Генеральным прокурором СССР Р.А.Руденко) сопротивление процессу реабилитации и восстановлению социалистической законности. Касаясь этого вопроса, Хрущев подчеркнул, что диктатура пролетариата должна быть направлена против врагов рабочего класса, а уничтожение членов партии — преступление.
- ¹³ Окончательный текст появился в апреле 1958 г. Именно об этой справке говорил Горкин на уже упомянутом совещании следственных работников КГБ.
- ¹⁴ Например «дело Краснопевцева», «дело группы Вайля—Пименова», «дело «Союза коммунистов»» и т.п.
- ¹⁵ Это указание сохранялось и в отношении дел, связанных с изготовлением и распространением листовок.
- ¹⁶ Материалы об этом также отложились в фонде ВС.
- ¹⁷ Правда. 1957. 19 нояб.
- ¹⁸ Внеочередной XXI съезд КПСС, 27 янв.—5 февр. 1959 г. М.: Госполитиздат, 1959. С.104—105.

*Елена Паповян
(Москва)*

ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг.

По материалам Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР в ГАРФ¹

У людей, специально не интересующихся современной историей, упоминание о репрессиях второй половины 1950-х гг. вызывает удивление. Это время в общественном сознании ассоциируется с реабилитацией и либеральным курсом внутренней политики. Редкие публикации периода «перестройки», затрагивавшие тему репрессий в хрущевский период, были в основном посвящены марксистским подпольным группам. Ситуация мало изменилась и после 1991 г., несмотря на то, что исследователи получили доступ к ранее засекреченным документам. В июне 1993 г. были приняты «Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде Российской Федерации и архивах»². Их следствием стало открытие спецхранов, в частности и спецхрана ГАРФ. Но и современные работы, посвященные теме репрессий, даже построенные на архивном материале, в основном подчеркивают героизм сопротивления и ограничиваются перечислением нескольких фамилий «марксистов». Между тем в послесталинские годы пик осуждений по политическим статьям приходится на 1957 г. Увеличение числа осуждений произошло в основном за счет дел по статье 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда; далее АСА) Уголовного кодекса РСФСР (далее УК), значительную долю которых составили дела по обвинению в антисоветских высказываниях.

Предшествующие годы (1955–1956) характеризовались необычным либерализмом карательных органов. Так, в 1956 г. дел о контрреволюционных преступлениях не было в 22 областях и автономных республиках РСФСР³, по другим данным — в 20⁴. Заместитель прокурора России сообщает, что в 1956 г. «контрреволюционные (далее к/р. — Е.П.) преступления в РСФСР не носят распространенного характера» (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.5386. Л.27).

Кампания репрессий была санкционирована письмом ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов» (декабрь 1956 г.; далее — Письмо ЦК)⁵. Документы карательных органов, ставшие доступными в последнее время, позволяют нам проследить механизм, с помощью которого ст.58-10 превратилась в основной инструмент политических репрес-

сий, и как ограничивалось применение статьи в процессе свертывания кампании.

Формулировка АСА в УК практически не изменялась на протяжении десятилетий⁶. Лишь в 1966 г. в новый (1960 г.) УК была введена ст.190-1 — «заведомо ложные измышления». Причина такого постоянства в том, что не было, да и не могло быть четкого определения понятий «АСА» и «контрреволюция». Их толкование зависело от действующих в тот момент инструкций, что позволяло властям нанести удар по любой группе населения. Начиная со второй половины 1950-х гг. АСА становится основным средством преследования по суду недовольных и инакомыслящих.

В 1953–1956 гг. партийное руководство многое сделало, чтобы поставить карательные органы под свой жесткий контроль и, как следствие, сократить до минимума случайность репрессий, одновременно резко сузив сферу их применения. Так, были отменены внесудебные органы (тройки и Особое Совещание) и «надстройка» над УК и УПК (Уголовно-процессуальным кодексом) времен террора — драконовские Указы, Постановления Президиума Верховного Совета СССР и ЦИК и Указания глав репрессивных органов, в том числе упрощенный порядок судопроизводства; в соответствии с «Положением о прокурорском надзоре в СССР» 1955 г. в прокуратуре создавались отделы по надзору за следствием в органах госбезопасности; в 1956 г. изменена подсудность дел о к/р преступлениях — все, совершенные гражданскими лицами, кроме дел о шпионаже, стали подсудны общим судам.

Ограничение применения 58-й статьи и, в частности, АСА в середине 1950-х гг. достигалось главным образом постановкой в основу обвинения доказанности наличия к/р умысла. Например, попытку перехода границы предлагалось считать изменой Родине, если доказано намерение обвиняемого произвести какие-либо враждебные действия за рубежом, в противном случае — квалифицировать как незаконный переход границы по неполитической ст.84 УК РСФСР (максимальный срок 3 года лишения свободы, по 58-1 — измена — 25 лет). Заметим, что это, казалось бы, справедливое дополнение вносило еще большую путаницу: доказать, что сам человек оценивал свои действия в момент совершения именно так, а не иначе, во многих случаях затруднительно.

По Письму ЦК союзные репрессивные ведомства издали соответствующие инструкции, призванные перевести на их язык и конкретизировать партийные установки (к сожалению, мы не располагаем сведениями об указаниях КГБ): Верховным судом (далее ВС) был разослан Проект Постановления Пленума, Прокуратурой СССР — Указания Генерального прокурора. Содержание первого документа достаточно подробно изложено в статье «Участие Верховного суда СССР в выработке репрессивной политики», помещенной в настоящем сборнике (далее — Статья 1). Заме-

тим лишь, что по нему АСА в основном заключалась в клевете на мероприятия партии и правительства и дискредитации их руководства.

Указания Генерального прокурора СССР Р.А.Руденко №1/190сс от 30 декабря 1956 г. содержат практически те же формулировки, что и документ ВС. В них отмечается, что в последнее время в ряде случаев прокуроры вносят неправильные представления о прекращении дел об антисоветских высказываниях на том основании, что «они не содержат призыва к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти» (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.4578. Л.77 — цит. в тексте)⁷. И далее: «Прокурорам <...> следует иметь в виду, что лишь в весьма редких случаях лица, занимающиеся антисоветской агитацией, открыто призывают к свержению Советской власти и восстановлению капиталистических порядков», поскольку открытый призыв «не может встретить никакой поддержки у советских граждан» (Там же. Л.77). Клевета, слухи и враждебные действия прикрываются словами «о критике и самокритике, лозунгами борьбы за демократию» (Цитата из Письма ЦК. Там же. Л.78).

Ориентация прокуроров на привлечение к уголовной ответственности именно за высказывания дается и через примеры конкретных дел: в Указаниях три примера из четырех (по АСА) связаны с устной агитацией. В одном из них к врагам отнесена гадалка, предсказавшая скорую войну, «в которой американцы победят коммунистов» (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.4574. Л.76). На наш взгляд, примеры, содержащиеся в обзорах и, особенно, в директивных документах, играли существенную роль. В исследуемый период происходили кардинальные изменения репрессивной политики, законодательства, реформа карательных органов — и все это в условиях нестабильности внутривластного курса. Такая ситуация и, как следствие, нечеткость директив (в Письме ЦК, к примеру, требование беспощадно бороться с враждебными элементами сочеталось с указанием отделять от них «совершивших ошибки») повышали ценность примеров. Это подтверждается и многочисленными в 1957–1958 гг. просьбами подчиненных структур чаще рассылать им обзоры, чтобы можно было действовать по аналогии.

У нас сложилось впечатление, что существовало некоторое расхождение в расстановке акцентов в Письме ЦК и Указаниях. Даже более жесткий проект первого документа⁸ был посвящен в основном антисоветским проявлениям в среде творческой интеллигенции, студентов, а директива применять именно судебные репрессии особенно явно давалась в отношении ранее судимых по политической статье. В Указаниях Р.А.Руденко хотя и цитируются партийные и государственные документы (кроме Письма ЦК, Стенографический отчет XX съезда КПСС, постановление «О преодолении культа личности и его последствий» и др.), но та часть (по ст.58-10), которая написана на ведомственном языке — т.е. дающая тол-

кование партийным установкам, посвящена в основном АСА в устной форме, исходящей, судя по примерам, отнюдь не от «ревизионистов».

По нашему мнению, заслуживает упоминания еще один фактор, оказавший влияние на интерпретацию на местах партийных установок. Культурный уровень многих следователей был, мягко говоря, невысок, несмотря на возросшее среди них число лиц с высшим образованием: в 1954 г. в КГБ было 12% следственных работников с высшим юридическим образованием, в 1958 г. — 60% с высшим и *незаконченным* высшим («Материалы Всесоюзного совещания следственных работников органов государственной безопасности» 9–13 июня 1958 г. Далее — Совещание КГБ и «Материалы»⁹). Председатель КГБ И.А.Серов приводит другие цифры: 22% и 75% соответственно (Там же. А.175). Такая арифметика и явное желание поскорее отчитаться о достигнутых успехах, на наш взгляд, заставляют усомниться в достоверности приводимых данных. На Совещании КГБ основной докладчик (Каллистов Н.Д. — исполняющий обязанности начальника Следственного Управления КГБ при СМ СССР) отдельно остановился на качестве протоколов допросов. Пр процитируем два из них. Допрос Ч., арестованного в 1957 г. за умышленное повреждение самолета. Вопрос к обвиняемому: «Если вы ломали трубки ПВД у самолетов в пылу злости, то почему вы все же стали ломать самолеты, а не наносили удары по своему телу?» (Там же. А.129). Другой пример — объяснения обвиняемого Г.: «Под влиянием радиопередач («Голоса Америки». — Е.П.) у меня сложилась уверенность, что в неудачах на экзаменах виноват материализм, который надо брать повседневным трудом, а вот если бы я учил идеализм, то он бы мне в голову сам влез, а мне стоило бы только сидеть и слушать, и это было бы достаточно, чтобы вложить в мою глупую голову огромное знание, которое накопило человечество». Комментарий докладчика: «...арестованный издевался над следователем, а последний, очевидно, не замечал этого...» (Там же. А.129–129об.).

О каком выяснении побуждений подследственных — наличия к/р умысла — может идти речь! Политика реформаторского крыла в партийном руководстве, направленная на применение репрессий к виноватым, с ее требованием выяснять *мотивы*, встречала непонимание на местах. Сильно сказывались традиции правоприменительной практики времен террора и стремление ведомства показать властям, что их есть от кого охранять.

Сотрудники карательных ведомств на местах в своей деятельности искали более реальные основания для применения репрессий, и набор этих оснований менялся в зависимости от новых указаний. Судя по материалам фондов ВС и Прокуратуры СССР в ГАРФ, на начало 1957 г. из директивных документов эти работники усмотрели примерно следующее:

1. «Группы риска» (категории населения, на которые следует обратить особое внимание) — ранее судимые по политической статье, «троц-

кисты», «правые оппортунисты», побывавшие в плену, одним словом, люди с «плохой» биографией, а также интеллигенция.

2. Способ действия «врага»: устная агитация — высказывания, связанные с «разоблачением культа», событиями в Венгрии, традиционная «клевета на мероприятия партии и правительства», условия жизни.

3. Наиболее опасный вид агитации — изготовление и распространение листовок.

4. «Основная» статья УК или Указа Президиума Верховного Совета, по которой следует квалифицировать действия «врага»: ст.58-10. (Заметим, «основной» она становилась в том числе и благодаря расширительному толкованию. Последнее, на наш взгляд, вообще характерно для статьи УК, широко применяемой в период кампании.)

Увеличение или уменьшение числа осужденных регулировалось с помощью указаний на излишнюю мягкость/строгость судов, прокуроров или сотрудников КГБ. Времена разнарядок прошли.

Однако, если количество осужденных и квалификация действий в значительной степени зависят от сотрудников карательных органов на местах, то с «качественным» составом дело обстоит сложнее. Автора листовок, совершившего явно наказуемое действие, закоренелого антисоветчика, неоднократно высказывавшего свои взгляды, хранившего и дававшего знакомым читать запрещенную литературу, еще надо было найти. Думается, поэтому сотрудники карательных органов, стоявшие перед необходимостью отчитываться о борьбе с «антисоветскими элементами», вполне естественно делали выбор в пользу числа осужденных (увеличить которое было несложно) — наиболее наглядного и, видимо, считавшегося основным показателем.

Итак, после Письма ЦК инструкции карательных органов расширили сферу применения ст.58-10: отныне как АСА могла быть квалифицирована едва ли не любая критика властей. Обычная «болтовня», как называли бы мы сейчас такие высказывания, была объявлена опасной для государства «агитацией». Результатом столь расширительного толкования АСА стал крайне пестрый состав осужденных: от сектантов, не признававших советскую власть в принципе, и участников подпольных молодежных групп — до арестованных за пьяные выкрики и заключенных «бытовиков». Последние отбывали срок за различные общеуголовные преступления (воровство, хищения, убийство) и, не поладив в лагере с какой-нибудь группой уголовников, просили перевести их в другой лагерь. Как показала практика, простейшим средством для этого было написание текста с «сакральными» антисоветскими лозунгами («Да здравствует Америка!», «Долой КПСС!» и т.д.). Такая листовка изготовлялась обычно в 1–2 экземплярах и передавалась администрации лагеря. Другой вариант: приблизительно то же самое в устной форме, например, «клевета на советские карательные органы». После этого обычно медленная бюрократическая машина уско-

рjala ход — заключенного изолировали от остальных (что нередко спасало ему жизнь), судили, давали политическую статью и отправляли в другой лагерь (см. Приложение 2). Естественно, такое преступление лишь внешне напоминало АСА.

Наиболее информативный источник по кампании репрессий, начавшейся после Письма ЦК, — «Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях» за 1956 г. — I полугодие 1957 г. (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.1—73. Далее — «Справка». Подробнее об этом документе см. Статью 1), составленная отделом обобщения судебной практики ВС*. Основное внимание составители «Справки» уделили практике осуждения по ст.58-10. Материал структурирован «частично по степени общественной опасности — листовки антисоветского содержания, частично по источникам возникновения — дела, возникшие в местах заключения, дела, возникшие при сопротивлении представителям власти, частично по методам совершенных преступлений — дела об анонимных письмах» (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.32) (см. Приложение 3).

Сопоставление приведенной в «Справке» информации с другими данными фондов ВС и Прокуратуры СССР показывает, что во время кампании под удар попали в основном одиночки (см. Приложение 4), люди неинтеллигентных профессий, недостаточно образованные и малокультурные. Чаще всего они не только ничего не знали друг о друге, но и не имели касательства к либерально настроенной интеллигенции, поэтому кампания 1957—1958 гг. почти не упоминается в литературе об «оттепели», за исключением разве что студенческих кружков (см. Приложение 5).

Примечательно, что за однократно совершенные действия было осуждено 37,4%¹⁰. «Однократно» — за один выкрик в лагере, за один привод в отделение милиции, за одно анонимное письмо. Думается, за этим стояло вполне понятное стремление сотрудников карательных органов прилагать минимум усилий и заниматься делами простыми, где и преступление и преступник налицо.

Несоответствие установок и правоприменительной практики выражалось не только в «качественном» составе осужденных. В первой половине 1957 г., отмечается в «Справке», суды одни и те же действия стали чаще квалифицировать не как хулиганство, а как АСА. Большинству осужденных по ст.58-10 ставилась в вину АСА в *устной* форме. Но кто не ругает порой начальство или правительство! Подобный состав преступления можно было инкриминировать гораздо большему числу людей, чем было осуждено. Не все попадают, не на всех доносят. Таким образом, присутствовал элемент случайности в применении политической 58-й

* Фрагменты «Справки» с комментарием А.Ю.Даниэля и А.Б.Рогинского опубликованы в газете «Мемориал-Аспект» за сентябрь 1994 г.

статьи, что, вообще говоря, противоречило политике партийного руководства, направленной на установление жесткого контроля за карательными органами.

Мы отметили некоторое несоответствие социального состава осужденных, а также вмененных им в вину действий (объективная сторона дела) установкам Письма ЦК и во многом случайный характер осуждений. Вопрос о степени виновности осужденных — наличии у них антисоветских взглядов в современном понимании — в данной работе мы не рассматриваем. Конспективное, нередко неполное изложение сути уголовных дел в документах ВС и Прокуратуры СССР дает весьма приблизительное представление об объективной стороне дел, судить же о мотивах действий обвиняемых в большинстве случаев не представляется возможным. Тем более, что содержание высказываний и инкриминируемых текстов в этих документах передается с помощью стандартных фраз¹¹. Трудно определить, является ли это проявлением «инакомыслия» или вызвано недовольством конкретным начальником, решением исполкома, мероприятием правительства (например госзаймом). Естественный протест против нарушения «справедливости» (в отношении конкретного человека) характерен для любого периода и отнюдь не свидетельствует о наличии «антисоветских» взглядов. Так, высказывания, квалифицированные как разжигание межнациональной розни, могли быть вызваны конфликтом на бытовой почве; «листовки» на деле представляют собой, как правило, примитивные тексты — два-три лозунга, составленные одним-двумя авторами; «антисоветские высказывания» могли наполовину состоять из нецензурной брани.

Есть и примеры обратного. Сколь-нибудь точно оценить реальное соотношение, условно говоря, политпреступников и политзаключенных мы не беремся. По нашему мнению, среди осужденных во время кампании вторая категория превалировала.

Косвенно об этом свидетельствует и такой факт. Судя по всему, в первом квартале 1957 г. был использован «запас» по к/р преступлениям 1956 г. и более ранних лет («засветившиеся» в КГБ, в том числе профилактированные — то есть те, с кем были проведены «беседы»). В нескольких региональных обзорах работы отделов по контролю за следствием в органах госбезопасности (фонд Прокуратуры СССР), в «Справке» ВС (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.1-73) мы находим прямое подтверждение этому. Так, в выступлении Председателя ВС А.Ф.Горкина на Совещании КГБ сказано: «Были случаи, когда за антисоветские высказывания и действия человека вызывали в следственные органы и делали ему внушение. После этого он вел себя хорошо, прекращал враждебную деятельность, но все же его потом привлекли к ответственности» (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.6057. Л.166об).

Подтверждением использования «запаса» могут служить, на наш взгляд, данные о времени, затраченном на следствие. В срок свыше двух месяцев было расследовано дел о к/р преступлениях¹² (по СССР) (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.6055. Л.92):

I полугодие 1957 г.	16,4 %
II полугодие 1957 г.	23,2 %
I полугодие 1958 г.	29,2 %

Такие цифры¹³, на наш взгляд, свидетельствуют и о том, что утверждения госбезопасности и некоторой части партийных функционеров о волне ревизионизма и антисоветчины, захлестнувшей страну¹⁴, были преувеличены. Во всяком случае, тех, на кого имелся материал, достаточный для привлечения к уголовной ответственности (при пониженных требованиях к таким материалам в условиях кампании), на январь 1957 г., было немного (См. Приложение 6).

Во второй половине 1957 — 1958 г. кампания по Письму ЦК постепенно сходила на нет. Сфера применения ст.58-10 сужалась. В «Справке» следующим образом сформулирована причина ее составления: «Главным вопросом, на который должен быть дан ответ при обобщении судебной практики, является вопрос о правильности уголовно-правовой оценки определенных действий, преимущественно оценки определенных высказываний как антисоветских преступных деяний» (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.9).

По архивным документам в 1957–1958 гг. предметом дискуссий в карательных ведомствах стали следующие вопросы:

1. Необходимость контрреволюционного умысла для квалификации преступления по 58-й статье вообще и его наличие у таких категорий, как:

- 1.1. заключенных;
- 1.2. задержанных за кражу или хулиганство;
- 1.3. тех, чьи действия вызваны бытовыми причинами;
- 1.4. молодежи;

2. Роль профилактики.

Само обсуждение этих проблем свидетельствует о колебаниях в проведении репрессивной политики, поэтому остановимся на этом подробнее.

1. *Контрреволюционный умысел*. Формально даже в начале кампании он «отменен» не был. Однако указание на то, что судами «допускается упрощенная оценка фактов антисоветской деятельности <...> и необоснованное прекращение дел»¹⁵ или квалификация действий по ст.74 УК РСФСР (хулиганство) по мотивам отсутствия к/р умысла означало: если этот ограничитель не был снят, то стал играть меньшую роль. Как следствие, его обязательность для предъявления обвинения по 58-й статье стала вызывать сомнения у местных работников. Но постепенно кампания репрессий идет на убыль, и наличие к/р умысла у *некоторых категорий* все чаще ставится под сомнение:

1.1. *Заключенные.* «Недостатки» расследования дел в местах лишения свободы отмечаются в обзорах Прокуратуры СССР за первое и второе полугодия 1957 г. Начальник Следственного отдела (далее — СО) Управления КГБ (далее — УКГБ) Пермской области на Совещании КГБ говорит, что в ИТЛ обычно возбуждаются дела о листовках, причина написания которых — желание перейти в другой лагерь или закрытую тюрьму. В качестве выхода из положения он предлагает «изучить вопрос» и, если надо, «пересмотреть режим содержания» в закрытых тюрьмах — в сторону ужесточения, разумеется.

1.2. *Осужденные за выкрики в отделении милиции.* Уже в обзоре Прокуратуры СССР за первый квартал 1957 г. отмечается, что часто дела об АСА возникали в отношении лиц, которым инкриминировалось произнесенное ими в нетрезвом состоянии в общественных местах, в милиции. Как «окончательную реабилитацию» последних можно рассматривать выступление Р.А.Руденко на Совещании КГБ, где он заявил, что «иногда милиция применяет такие методы задержания, которые не вяжутся с законом, и при этом в пылу возмущения задержанный допускает подчас и антисоветскую фразу» («Материалы». Л.172). В «Справке» отмечается нецелесообразность при тех же обстоятельствах осуждения за АСА арестованных за кражу.

1.3. *Осужденные за высказывания на бытовой почве.* В «Материалах» цитируется разосланный издательством «Высшая школа» проект учебника «Советское уголовное право»: «Объектом посягательства при контрреволюционной пропаганде не могут быть отдельные представители советской власти или партийные и общественные работники. Поэтому даже заведомо неправильные высказывания или суждения об их служебной и общественной деятельности не могут рассматриваться как контрреволюционная агитация и пропаганда» (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.6057. Л.142об). В «Справке» ВС (весна 1958 г.) говорится, что «осуждение к реальному сроку лишения свободы» (превышающему срок нахождения под стражей до суда и не условному) даже за листовки, если причиной совершения преступления явились тяжелые материальные условия, социальная несправедливость, «возбуждает определенные сомнения» (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.42).

1.4. *Молодежь.* В «Справке» ВС проводится мысль, что лишение свободы не должно применяться без крайней необходимости (даже по делам о распространении листовок) к людям, «не знавшим иной власти», с хорошей, особенно рабочей, биографией. Особое же внимание следует сосредоточить на выявлении подстрекателей, влиянием которых, наряду с прослушиванием зарубежных радиостанций, официально объяснялось формирование антисоветских взглядов у молодых людей. (Заметим, из различных источников, в том числе из мемуаров, известно, что во многих

случаях никаких «подстрекателей» не было.) К молодежи предлагалось применять условное осуждение и внесудебные меры воздействия — исключение из института, из ВЛКСМ.

2. *Профилактика.* В Письме ЦК говорится о необходимости усиления идейно-воспитательной работы в отношении всех «групп риска». По документам ВС и Прокуратуры отдельные сведения о «профилактировании» в основном касаются проходящих (видимо, как свидетели) по делам о молодежных организациях и кружках. Приведем цитату, по нашему мнению, хорошо передающую атмосферу времени. Письмо Генеральному прокурору СССР от прокурора Гродненской области от 23 января 1958 г.: «В связи с одним делом <...> я высказал начальнику УКГБ — не следовало ли в данном случае ограничиться мерами профилактического характера (вызовом <...> и предупреждением), на что мне начальник УКГБ сказал, что в конце 1957 года на состоявшемся Всесоюзном совещании руководящих работников КГБ, Председатель КГБ при СМ СССР товарищ СЕРОВ в своем выступлении якобы ОСУДИЛ ТАКУЮ ПРАКТИКУ (так в тексте. — Е.П.) и заявил, что с контрреволюцией надо вести борьбу, а не заниматься профилактикой, с чем согласились и Вы». Рядом с этим на полях рукописная надпись, возможно, сделанная заместителем Генпрокурора Д.Е.Салиным: «Не так обстояло дело. С каждым конкретным фактом надо разбираться» (Ф.81131. Оп.32с. Е.х.6058. Л.14). Примечателен довольно «мягкий» тон пометки. В представлении автора письма профилактические меры надо применять, когда «отдельные высказывания антисоветского содержания допустила молодежь или трудящиеся, в прошлом ничем себя не опорочившие» (Там же. Л.14–15).

Таким образом, из сферы действия ст.58-10 выводились категории, чья вина вызвала наибольшие сомнения: заключенные-«бытовики», привлеченные за пьяные выкрики; одиночки, чье мнение о власти в связи с размером зарплаты или отсутствием некоторых продуктов в магазинах было властью услышано. В отношении уже осужденных лиц применялись снижение наказания (изменением приговора по суду, путем зачетов рабочих дней), амнистия и переквалификация их действий на менее серьезные неполитические статьи. На Совещании КГБ начальник следственного отдела УКГБ Харьковской области отмечает, что в 1957 г. было много случаев переквалификации дел по ст.54-10 УК УССР (58-10 УК РСФСР), когда действия расценивались уже не как АСА, а как нездоровые, неправильные суждения (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.6057. Л.151). Начальник СО УКГБ по Москве: «Некоторые из дел, возбужденных в 1958 году, были переквалифицированы со ст.58-10 ч.І на ст.74 ч.ІІ УК РСФСР. Вместе с тем эти дела по характеру преступлений *ничем не отличаются* (курсив наш. — Е.П.) от дел 1957 года, прошедших в первой судебной инстанции и утвержденных Верховным судом РСФСР» (Там же. Л.152об.).

Заметим, переквалификация со ст.19–58-8 (террористические намерения) на ст.58-10 по сути также означала смягчение репрессивной политики. Председатель ВС А.Ф.Горкин на Совещании КГБ заявил, что «общие высказывания террористического характера» (имеется в виду что-то вроде «бей коммунистов!», угрозы устроить, «как в Венгрии») — одна из форм АСА, имеющая, правда, повышенную опасность (Там же. Л.165).

По мере свертывания кампании применение ст.58-10 снижалось. Внимание карательных органов акцентировалось теперь уже на других видах государственных преступлений — шпионаж, диверсия. В «Справке» ВС как недоработка КГБ отмечается, что ни один из осужденных за шпионаж не действовал по заданию иностранных разведок. Тема выступления начальника СО КГБ БССР на Совещании КГБ была сформулирована так: «Практика расследования чрезвычайных происшествий органами КГБ БССР» («Материалы». Л.146об.). В докладах начальников СО наряду с констатацией разнobia в правоприменительной практике по делам об АСА, не меньшее место занимает проблема расследования дел о нарушителях границы¹⁶. Произошел как бы возврат к прежним установкам. Так, в Указаниях Р.А.Руденко по Письму ЦК приводятся выдержки из партийных документов, изданных до Письма ЦК, — из материалов XX съезда и письма «О преодолении культа личности и его последствий», в которых враги предстают как раз в образе шпионов-диверсантов.

В выступлении заместителя Председателя КГБ при СМ СССР П.И.Ивашутина, выдержанном в духе новых установок, после признания, что были «отдельные случаи» необоснованных арестов, следуют уже совсем человеколюбивые фразы: «Всему оперативному составу <...> пора, наконец, понять, что всякий необоснованный арест приносит не только серьезную травму человеку <...> но зачастую оказывает серьезное влияние на его служебное и общественное положение» (Там же. Л.158). Председатель ВС Горкин заявляет: к/р умысел — обязательный признак к/р преступления, без доказательств его наличия действия «внешне» антисоветские не являются к/р преступлением. Нам кажется, важно даже не подчеркивание значения к/р умысла, а последние слова. В результате расширительного толкования ст.58-10 в конце 1956 — 1957 г. антисоветскими могли быть названы весьма различные, порой абсолютно не опасные для государства и не направленные против него действия. Это осталось в силе. Но акцент теперь сделан на то, что они только «внешне» являются таковыми.

Итак, основная тенденция репрессивной политики первых послесталинских лет заключалась в том, что массовый террор, неизбежно имеющий случайный характер, предлагалось заменить на весьма ограниченные, носящие избирательный характер судебные и психиатрические репрессии, и главная роль здесь отводилась внесудебным мерам воздействия — административным, партийно-комсомольским и профилактическим. Су-

дебные репрессии теперь следовало применять к наиболее активному, опасному для властей элементу — к совершившим конкретные действия. Государство как бы отступало, замыкаясь в рамках мер охранительного и оборонительного порядка.

АСА вполне удовлетворяла новым требованиям, ее широкое использование определялось как самим характером статьи, так и новой ролью судебных репрессий. Можно предположить, что кампания по Письму ЦК планировалась ненадолго, в том числе и потому, что расширять сферу действия КГБ, совсем недавно еще пугающе всевластного, не стремились. Сажать теперь полагалось «за дело», фальсификации не приветствовались. (Конечно, фальсификации не с правовой точки зрения: те же специальные психиатрические больницы сильно облегчали изоляцию «антисоветчиков» — и доказательств их вины не требовалось¹⁷.) Но для осуждения требовалось что-то реальное: листовка, письмо, неоднократные высказывания.

На наш взгляд, на увеличение в ходе кампании удельного веса осужденных за разговоры и выкрики повлияла выполнимость установок. Расследование этих дел не составляло большой сложности в части выяснения виновных — эти дела и возбуждались-то по доносам, милицейским протоколам и, возможно, другим официальным документам властей, к примеру, содержащим сообщения об «антисоветских» выступлениях на партсобраниях (в материалах прокуратуры есть *один* пример пьяных выкриков в УКГБ). Шпионы же, вновь объявленные в 1958 г. главными врагами государства, ловились крайне плохо. Диверсии и теракты стали во второй половине 1950-х явлением крайне редким, тем более раскрытые. КГБ не испытывала особого энтузиазма при расследовании ЧП (только если имело место подозрение, что происшедшее — результат диверсии или террористического акта, госбезопасность была обязана провести расследование).

В письме ВС (от 9 мая 1959 г.), направленном в ЦК КПСС, сказано, что «уменьшение числа осужденных за антисоветскую агитацию в 1958 г., главным образом во втором полугодии, свидетельствует не только о том, что случаи таких преступлений стали реже, но и об известном исправлении судебной практики по указанным делам» (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.667. Л.25). Это сообщение можно рассматривать как знак того, что переориентация карательных органов произведена.

И последнее. Изложение обстоятельств конкретных уголовных дел по ст.58-10 периода кампании содержится в различных документах фондов ВС и Прокуратуры (надзорное производство, переписка, обзоры). Думается, благодаря расширительному толкованию АСА в тот период эти материалы — довольно представительный источник о настроениях в стране, реакции общества на действия властей, поэтому они могут быть использованы для социологических исследований.

Приложения*:

Приложение 1. Среди всех осужденных за антисоветскую агитацию к лишению свободы на срок до пяти лет были приговорены (Л.11): 1951 г. — 0,4%, 1952 г. — 0,3%, 1957 г. — 51,8%.

Приложение 2. В 1957 г. по всей 58-й статье по сравнению с другими категориями преступлений «максимально велик удельный вес лиц, повторно судившихся» (Л.7–8), которые составили 39,4% к общему числу осужденных по 58-й статье, из них: 14,4% — ранее судимы за контрреволюционные преступления, 28,0% — по другим статьям. По данным «Справки», 12,6% осужденных на момент совершения преступления находились в местах заключения.

Приложение 3. Согласно «Справке» (Л.30–31), по 58-й статье осуждено за:

высказывания	57,3%
листовки	13,0%
анонимные письма	19,0%
подписанные письма	3,0%
хранение и распространение литературы, в том числе дневники, переписанные от руки стихотворения и песни, другие документы антисоветского содержания	7,7%

Приложение 4.** Социальный состав осужденных по всей 58-й статье (в процентах) (Л.6–7):

год	рабочие	колхозники	служащие	прочие	учащиеся
1955	30,1	18,5	24,9	22,2	—
1956	32,9	13,4	24,1	23,8	—
1957	46,8	9,9	18,3	15,7	4,6

В группу «прочие» предположительно входили лица без определенных занятий, пенсионеры и заключенные. К «учащимся» относили школьников, учащихся ФЗУ, студентов.

Образовательный уровень осужденных («Справка». Л.7): низшее — 49,4%, 7 классов — 23,4%, среднее — 10,5%, высшее — 6,8%.

* Мы приводим данные двух типов: первый — полученные составителями «Справки» при анализе 756 дел по контрреволюционным преступлениям, второй — общесоюзная статистика из того же документа, поэтому в примечаниях указаны только номера листов. Если приводятся данные первого типа — это отмечается.

** При сложении данных по годам получаются числа меньше, чем 100%. Оставляем это на совести авторов «Справки», однако погрешность, на наш взгляд, незначительна и таблица дает верное представление о соотношении категорий осужденных.

Приложение 5. Согласно «Справке» (Л.32), из числа изученных составителями дел по АСА дела, по которым осужден 1 человек, составили 91,3% ; 2–3 человека — 6,0%; более 3 человек — 2,7%.

Приложение 6. Осуждено по стране («Справка». Л.4–5):

год	полугодие	число осужденных	
		по всей 58-й статье	по ст.58-10
1956	I	136	79
1957	I	934	768
1957	II	1187	1028

Примечания:

- 1 Государственный архив Российской Федерации. Далее ссылки без указания хранилища — на фонды этого архива.
- 2 Основы законодательства Российской Федерации об архивном фонде Российской Федерации и архивах // Отеч. архивы. 1993. № 5. С.3–10.
- 3 Ф.8131. Оп.32с. Е.х.5386. Л.27 — «Обзор состояния следственной работы по делам о контрреволюционных преступлениях».
- 4 В материалах фонда Прокуратуры СССР есть, однако, сведения об осуждениях в двух из перечисленных 22 регионов России.
- 5 Подробнее об этом документе см. статью «Участие Верховного суда СССР в выработке репрессивной политики. 1956–1958 гг.» в настоящем сборнике.
- 6 Процитируем «Положение о преступлениях государственных» от 1927 г. (вошедшее в УК 1926 г. и действовавшее до принятия закона 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления»): «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений <...> а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания — влекут за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.
Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, — влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст.2 настоящего Положения» (от 3 лет лишения свободы до высшей меры наказания. См. Приложение 1. Цит. по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993).
- 7 Возможно, ранее, до Письма ЦК, такая мотивировка вполне соответствовала духу партийных директив. Использование ее для сужения сферы применения АСА вряд ли могло быть провинциальным изобретением, скорее, оно — следствие ведомственных указаний, не исключено, что того же Руденко. Но такова традиция: не мы (наверху) отменяем свой приказ, а вы (на местах) нас не так поняли и не то делали.

- ⁸ Фонд копийных материалов программы «История диссидентского движения» НИПЦ «Мемориал». Оп.2. Е.х.18. Л.46–67. О разных проектах Письма ЦК см. статью «Участие Верховного суда СССР...» в настоящем сборнике.
- ⁹ Ф.8131. Оп.32с. Е.х.6057. Л.136.
- ¹⁰ Данные по 756 изученным составителями «Справки» делам по всей 58-й статье, из них более 89% составили дела по ст.58-10. Согласно общесоюзной статистике, дела по этой статье составляли в 1957 г. около 85% дел по всей 58-й статье, а в 1958 г. — около 75% (Фонд копийных материалов программы «История диссидентского движения» НИПЦ «Мемориал». Оп.3. Е.х.5. Л.15,16). Поэтому значение относительных показателей и динамика их изменения по АСА не должны сильно отличаться от данных по 58-й статье в целом.
- ¹¹ На недопустимость дословного цитирования антисоветских высказываний в обзорах ВС по контрреволюционным делам указывал Председатель КГБ И.А.Серов (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.610. Л.19). Возникал «заколдованный круг»: цитировать высказывания нельзя, но, не процитировав, трудно доказать, являются ли они антисоветскими. Например, в протесте по делу Бетева С.М. говорится (Там же. Е.х.693. Л.2) со ссылкой на судебное-следственное дело, что он «неоднократно выкрикивал нецензурную брань в адрес Первого секретаря ЦК КПСС». В определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС этот факт приведен в таком виде: «нецензурно оскорблял одного из руководителей партии и правительства» (Там же. Е.х.694. Л.3).
- ¹² См. примечание 10.
- ¹³ Превышение двухмесячного срока могло быть вызвано причинами, не зависящими от следователя (проведение судебно-психиатрической экспертизы, необходимость допросить свидетеля, уже отбывающего срок, на доставку которого из лагеря могла пойти не одна неделя). С другой стороны, в документах фонда ВС и, в большей степени, Прокуратуры СССР приводится немало фактов проведения следственных действий (допросов свидетелей, экспертиз) до возбуждения уголовного дела, что является нарушением УПК и фактически скрывает подлинные сроки расследования.
- ¹⁴ Подобным образом охарактеризована ситуация заведующим Отделом партийных организаций ЦК КПСС по РСФСР В.М.Чураевым в записках в ЦК КПСС от 12 и 21 февраля 1957 г. (ЦХСД. Ф.89. Оп.6. Е.х.5,6. Л.3 и 5).
- ¹⁵ В приведенной цитате речь идет о ВС РСФСР (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.4715. Л.6).
- ¹⁶ В фонде Прокуратуры СССР наряду с брошюрой «Материалы Всесоюзного совещания следственных работников Комитета государственной безопасности» (9–13 июня 1958 г.) (Ф.8131. Оп.32с. Е.х.6057. Л.114–180) имеется конспективная запись выступлений некоторых участников Совещания 9 и 10 июня, сделанная, видимо, кем-то из сотрудников Прокуратуры СССР для Р.А.Руденко. В конспекте двум моментам автор уделяет особое внимание: претензиям КГБ к решениям прокуратур и вопросам, связанным с уголовно-процессуальным законодательством. Судя по этим записям, проблемы квалификации дел по АСА занимали в выступлениях (по сути докладах-отчетах) местных работников КГБ большее место, чем можно предположить по опубликованным текстам.
- ¹⁷ По данным «Справки» в 18% случаев дела по АСА «возбуждены в отношении душевнобольных и окончились применением мер судебно-медицинского характера: помещение в психиатрические больницы для принудительного лечения» (Ф.9474. Оп.16с. Е.х.648. Л.9).

*Геннадий Кузовкин
(Москва)*

ПАРТИЙНО-КОМСОМОЛЬСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В ПЕРИОД РАННЕЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Преследования, о которых пойдет речь, традиционно принято называть внесудебными, но, опираясь на некоторую специфику периода, мы полагаем уместным использовать термин «партийно-комсомольские».

Внимание зарубежных и современных отечественных авторов, пишущих об «оттепели», более всего привлекают репрессии, инициированные высшим партийным руководством и осуществлявшиеся карательными органами. Между тем партийные и комсомольские организации всех уровней обладали собственным репрессивным потенциалом. Они повседневно и повсеместно выполняли функции надзора и социальной селекции (причем не только внутренней, но и внешней), что и делало их основой системы тотального контроля. Документы, отражающие эту сферу их деятельности, свидетельствуют не только об использовании партийно-комсомольскими органами наказаний по «партийной линии», но и об инспирировании административных и даже уголовных (далее будем называть их традиционными) репрессий, которые затрагивали как членов КПСС и ВЛКСМ, так и беспартийных.

В исторической литературе довольно полно отражено участие политических органов в репрессивной политике послеоктябрьского и сталинского периодов, но значительно меньше внимания уделено эволюции, которую претерпели партийно-комсомольские преследования в послесталинскую эпоху. Это становится даже любопытным, когда замечаешь, что немалая часть сведений почерпнута авторами непосредственно из документов, ориентировавших парторганы на использование собственных репрессивных возможностей, или из отчетности о предпринятых мерах по выполнению таких директив. Однако исследователи, как правило, ограничиваются иллюстрациями расправы с отклонившимися от линии партии коммунистами¹. О пострадавших по «комсомольской линии» практически вовсе не вспоминают. Последствия неортодоксальных выступлений, если они не привели к аресту, порой даже и не воспринимаются как преследования². Подход такого рода напоминает реакцию Хрущева на попытку А.И.Алиханова заступиться за сотрудников, исключенных из партии и уволенных с работы после выступления на партсобрании в ИТЭФ: «Пусть

радуются, что отделались увольнением»³. Даже мемуаристы, которые сами подвергались партийно-комсомольским преследованиям, пишут о них с некоторой иронией, тогда как репрессиям, проводившимся карательными органами, отдают должное⁴. Быть может, первые меркнут перед жестокостями неволи — в брежневские годы критика конформистского поведения строилась на противопоставлении «зоны» и «трудностей» — минимальной платы за гражданскую позицию или хотя бы позицию невмешательства. Но причина, видимо, глубже. Сегодня существенной коррекции подвергаются взгляды даже на традиционные репрессии, проводившиеся в годы «оттепели».

Среди прочих обстоятельств, препятствующих формированию целостного представления о роли и значении преследований, осуществлявшихся силами партийных и комсомольских организаций, немаловажным является то, что из огромного массива документации, сложившейся в процессе их деятельности, источниками для абсолютного большинства работ, посвященных послесталинскому периоду, послужили материалы только высоких партийных инстанций (прежде всего ЦК и МГК КПСС). Практически не тронуты архивы первичных организаций столицы⁵. Очень мало исследований, основанных на документах местных партийных инстанций и «первичек»: монография и доклад О. Лейбовича, доклад Е. Коробовой⁶. Почти нет работ, в которых были бы широко использованы документы ЦК и МГК ВЛКСМ⁷.

Пока не появились отвечающие современным требованиям специальные источниковедческие исследования, посвященные документам партии и комсомола. Дискуссии по поводу адекватности отражения неортодоксальной общественной активности в политической (как, впрочем, и в традиционной) документации показали, что приемы источниковедческого анализа материалов, ранее недоступных широкому кругу исследователей, только начинают складываться⁸.

* * *

Не требует пространных доказательств утверждение, что партия и комсомол, во всяком случае в том их виде, в каком они существовали в послесталинский период, не были общественными организациями. Общность взглядов и убеждений объединяла их членов отнюдь не в первую очередь. Массовый характер этих организаций, сам акт вступления в которые был почти ритуальным, приводил к тому, что процедуры фильтрации при приеме не гарантировали от возможных неприятностей, и аппарат постоянно осуществлял функции внутрипартийного надзора.

Устав КПСС вменял коммунистам в обязанность сообщать административным и судебным властям о проступке, наказуемом в судебном порядке, предварительно исключив провинившегося из своих рядов (это положение

было стыдливо опущено в уставе 1961 г.). И наоборот, коммунист или комсомолец, осужденный к отбытию срока, исключался автоматически.

«Каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются ширмой партии для проповеди антипартийных взглядов»; «для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав»⁹. В этом высказывании перечислены элементы, составляющие «правовую» основу для партийно-комсомольских преследований. Не будем подробно рассматривать уставные требования, касающиеся мер наказания, — они сохранились со сталинских времен и формально не изменились. В исследуемый период гораздо большую роль играли «тактические резолюции» партии, отражавшие зигзаги политического курса. Процедуры «следствия» и «судопроизводства» по персональным делам хотя и существовали, но формализовались достаточно расплывчато, например не был определен документальный состав партийного и комсомольского персонального дела. Как писалось в справочниках по оргработе, документов «должно быть столько и таких, чтобы гарантировать принятие правильного решения».

Начиная с уровня «первичек», через предоставленное им право контроля за деятельностью администрации, партия могла оказывать давление на беспартийных и «несоюзную молодежь» (комсомол в данном случае действовал путем внесения предложений). И хотя во внутрипартийной политике с 1956 г. пришлось вести борьбу на два фронта — одновременно против «ревизионистов» и «догматиков», партия и комсомол не ограничивались только собственными членами.

Д.И. Зубарев предложил критерий для разграничения «внутренних» и «внешних» партийно-комсомольских преследований: если первые представляли собой внесудебные преследования в полном смысле слова, то вторые могли быть оспорены в суде, так как реализовывались государственными структурами. Для коммунистов и комсомольцев, поскольку они являлись «добровольными» членами этих организаций, основными были «внутренние», но и «внешние» отнюдь не исключались. Спектр «внешних», или дополнительных, преследований был широк: от выговоров по административной линии, увольнений, отчислений (простых и с «волчьим билетом») до ареста¹⁰.

Единство традиционных и внесудебных преследований диктовалось самим государственным устройством страны, при котором политические интересы формулировались от лица партийного руководства (и Генеральный прокурор, и шеф госбезопасности, и глава Верховного суда, и секретарь парткома руководствовались решениями ЦК). Но наша уверенность в том, что традиционные и партийно-комсомольские виды преследований необходимо рассматривать в совокупности, базируется не только на этом.

В исследуемый период внутриполитический курс властей претерпел довольно значительные изменения, которые привели к существенной модернизации репрессивной политики. Прежде всего, ушла в прошлое прямая фальсификация поводов к политическим преследованиям. Объектом таких преследований стали те или иные реальные действия и высказывания. При этом перед разработчиками новой внутренней политики стал ряд вопросов: какие именно действия и высказывания следовало считать поводом для репрессивных мер; их внутренняя классификация («враждебные вылазки», «вредные проявления», «пошлые и обывательские высказывания», «ошибочные взгляды» и т.п.); соотнесение с этой классификацией соответствующей иерархии мер воздействия; и, самое главное, какие инстанции и на каком уровне должны определять общие критерии применения репрессий и кто и на каком уровне должен проводить их в жизнь. Формулировка ответов на эти четыре вопроса и составляет суть процесса становления новой репрессивной политики в 1950-е гг.

Модернизация репрессивной политики не свелась только к пересмотру отдельных методов этой политики, роли субъектов ее проведения и круга объектов ее применения. Пересмотру подверглась и идеологическая база репрессий. Ключевыми понятиями этого процесса стали «презумпция здорового» общества и «единичность нездоровых настроений». Что на практике означало отказ от «неприцельных» массовых репрессий прежних лет и привело к изменению количественного соотношения между традиционными и партийно-комсомольскими преследованиями, а главное, последние получили дополнительную смысловую нагрузку.

Ключевым явлением этого периода (как в значительной мере и последующей эпохи) становится возникновение обширной области общественной и индивидуальной активности, формально законом не запрещенной, но реализация которой на практике постоянно ставилась под сомнение. Конечно же эта, по выражению А.А.Амальрика, «серая полоса»¹¹ не стала пространством, свободным от контроля и репрессий. Это, скорее, область, в которой применение внесудебных преследований было предпочтительнее, так как с их помощью можно было избежать судебной процедуры, не всегда политически выгодной, обставленной к тому же различными неудобными формальностями.

К тому же, по меткому выражению О. Лейбовича, в 1953 г. в соперничестве партии и политической полиции — пала последняя. А это предполагало, что значительная доля «грязной» работы, которая ранее была в основном в ведении карательных органов, ложилась теперь на партию непосредственно.

Приспособление к новому курсу проходило непросто. М.Р. Зезина, цитируя заключительное слово на пленуме МГК главы московской парт-организации Е.А.Фурцевой (с большим сомнением отнесшейся к необходимости широко обсуждать закрытый доклад Хрущева), приводит следующую

щую ее фразу: «Когда это было, чтобы кто-то выступил на собрании открыто и стал говорить антисоветские вещи? Раньше за такое выступление в очереди где-нибудь его привлекли бы»¹². За тоской по прежним временам, которая слышится в этой фразе, — неумение действовать без прочной опоры на тюрьмы и лагерь.

После XX съезда властям пришлось предпринять целый ряд шагов, призванных компенсировать последствия разоблачений, содержавшихся в закрытом докладе. При этом применялись не только карательные меры (например, именно с этого времени становится заметной тенденция «объяснять» причины крупных проявлений общественного недовольства экономическими трудностями и, соответственно, использовать экономические компенсации).

В 1956 г. было распространено несколько закрытых писем ЦК КПСС. Первое письмо от 3 апреля 1956 г. «О враждебных вылазках на собраниях парторганизации Теплофизической лаборатории АН СССР по итогам XX съезда», сообщавшее о роспуске этой «первички», можно рассматривать как грозное предупреждение, но еще не руководство к действию. А вот постановление ЦК от 30 июня 1956 г. «О культе личности и преодолении его последствий» уже предлагало официальную, прекращающую дискуссии трактовку доклада. Появление этого «эталона» позволило партийцам судить, насколько «враждебно» то или иное выступление (например, только «враги» могли связывать культ личности с недемократизмом самой системы)¹³.

Вслед за постановлением было распространено закрытое письмо ЦК от 16 июля «Об итогах обсуждения решений XX съезда», которое требовало пресекать выходящие за рамки дозволенного выступления и еще раз напомнило о судьбе парторганизации Института теоретической и экспериментальной физики. Эти документы, которые можно объединить в послесъездовский блок, обозначают пределы возможной критики и выводов из закрытого доклада и, главное, вводят наказание за их нарушение в рамки партийно-административной ответственности.

Гораздо менее известно, что после принявших просталинскую окраску волнений в Грузии (студенческая манифестация в Тбилиси 5 марта 1956 г. стала катализатором митингов во многих городах Грузии; после нескольких дней смятения и нерешительности порядок в столице республики был наведен с помощью войск) во главу угла было поставлено именно «усиление партийно-политической» работы, а не деятельность собственно репрессивных органов¹⁴. Что подразумевалось под термином «партийно-политическая», она же — «политико-воспитательная», она же — «идейно-воспитательная» работа? Вот выдержки из определения: «Главное во всех видах И.-в. р. — превращение идей в убеждения человека, в принципы практических действий <...> И.-в. р. осуществляют различные социальные субъекты: партия, государство, общественные организации, от-

дельные люди»¹⁵. Чем на самом деле являлась «И.-в. р.», более понятно из предложений по «грузинскому делу» отдела пропаганды и агитации (пропаганда и агитация, по определению, одно из средств «И.-в. р.») ЦК ВЛКСМ¹⁶: «Предоставить право директорам вузов по согласованию с партийными и общественными организациями исключать из вузов без права последующего поступления — студентов, нарушающих правила общественного поведения и распорядка, а также имеющих в течение двух лет неудовлетворительные оценки на экзаменационных сессиях. Рекомендовать директорам вузов выселять из общежития за нарушение правил общежития, а также за систематический пропуск занятий.

Предоставить право директорам вузов и техникумов по решению ученого и педагогического советов лишать на некоторое время стипендий тех студентов, которые систематически пропускают занятия, не выполняют в срок учебных заданий и нарушают правила общественного поведения.

Комсомольским организациям, райкомам, горкомам, обкомам, ЦК ЛКСМ необходимо покончить с позицией невмешательства по отношению к неработающей и праздношатающейся молодежи, принять самое активное участие в устройстве этой молодежи, приобщении ее к общественно-полезному труду. <...>

ЦК ЛКСМ подготовить предложения о сокращении количества принимаемых в вузы, об открытии дополнительного количества технических училищ прежде всего для учащихся, оканчивающих среднюю школу; о создании комиссии при СМ Грузинской ССР по вопросу устройства на работу учащихся, оканчивающих в этом году среднюю школу.

ЦК ЛКСМ подготовить предложения совместно с соответствующими организациями о запрещении прописки в Тбилиси всех ранее судившихся за особо опасные преступления, об очищении города Тбилиси от всякого рода случайных элементов, лиц, не работающих и ведущих паразитический образ жизни, а также ранее судившихся за опасные преступления, об установлении строжайшего режима прописки граждан в городе Тбилиси, об издании большими тиражами серии красочных плакатов, высмеивающих пьяниц, хулиганов, стияг, людей, нарушающих общественный порядок и ведущих паразитический образ жизни, о создании общественного мнения против этих людей, освещении этих вопросов в печати. <...>

Принять меры к укреплению комсомольских кадров в первичных комсомольских организациях и прежде всего в вузах и школах, а также секретарей райкомов и горкомов комсомола. В случае необходимости пойти на кооптацию (т.е. нарушение устава. — Г.К.)».

Предлагалось также выделить дополнительные ставки «освобожденных» комсомольских работников в «крупных» вузах и школах.

«Рассмотреть в ЦК партии Грузии и в Совете Министров республики следующие вопросы: <...>

21. О принятии закрытого письма ЦК партии Грузии по вопросу повышения ответственности коммунистов и парторганизаций за дело воспитания детей и молодежи.

22. Об укреплении кадров учителей школ и преподавателей вузов».

Той же весной 1956 г. внимание комсомольского руководства было одновременно направлено и на происходящее в Литве, где побывала бригада ВЛКСМ. Из проекта записки первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.Н.Шелепина в ЦК КПСС и представленной бригадой справки (на ее основе проект и готовился) узнаем, что в республике за 1955 г. и четыре месяца 1956 г. было раскрыто шестнадцать подпольных молодежных организаций. В ноябре 1955 г. на кладбище в Каунасе состоялась демонстрация, в которой принимали участие студенты. Она была посвящена «памяти погибших буржуазных литовских “патриотов”. На кладбище исполнялись песни националистического содержания». 17 марта 1956 г. «на вечере выпускников Каунасской ветеринарной академии группа студентов распевала песни, призывающие бороться за “свободную” Литву». Отмечалась активизация деятельности католической церкви. Однако наряду с этим тональность «Справки» отнюдь не зловеща. Приведены и такие примеры: «на занятиях по политэкономии <...> строительного факультета Каунасского политехнического института студенты спросили преподавателя — почему в Каунасе большие затруднения с продовольствием. Вместо внимательного и убедительного ответа на поставленный вопрос, преподаватель РАКАВЕЧЕНЕ ответила, что подобный вопрос свидетельствует о буржуазных настроениях в группе и с этим надо разобраться. <...> На одном из семинарских занятий на II курсе историко-филологического факультета Вильнюсского государственного университета студент ГОР-ДОН спросил: “правда ли то, что американские рабочие живут лучше русских”. Преподаватель тов.МАСЛЯНСКАЯ не стала отвечать на этот вопрос, а после занятия обратилась в комсомольское бюро факультета с просьбой разобраться с этим неблагонадежным студентом. <...>

Часто литовская молодежь может получить ответы на волнующие ее вопросы в нежелательных для нас источниках».

В проекте записки в ЦК КПСС материалы, представленные бригадой, воплотились в следующий текст: «В ряде вузов состоялась такая обстановка, когда студенты вообще боятся публично выяснять волнующие их вопросы, т.к. за это их обвиняют в национализме, в антисоветчине, докладывают о таких студентах в комитеты комсомола или партийные бюро для принятия необходимых мер. Неправильно в связи с этим, по нашему мнению, и то, что преподавание общественно-политических дисциплин ведется во многих случаях на русском языке русскими преподавателями и на низком уровне.

Это нередко вызывает недовольство среди студенчества, так как многие из них недостаточно владеют русским языком, чтобы глубоко

воспринимать лекции по философии, политэкономии, основам марксизма-ленинизма. Не случайно поэтому многие студенты общественно-политические дисциплины называют «русскими предметами»¹⁷.

В Грузии и Прибалтике прошли проверку, а возможно, и были выработаны подходы к практическому воплощению новой политики реагирования на оппозиционные выступления, предполагавшей вместо явных карательных мер использовать сдерживающие возможности партийно-административного аппарата.

Подтверждение тому, что опробованная или разработанная в начале 1956 г. модель применялась и далее, находим в «Справке» отдела студенческой молодежи ЦК ВЛКСМ о событиях поздней осени 1956 г. в Прибалтике. «Справка», подготовленная не позднее 16 декабря 1956 г., продолжает либеральную послесъездовскую традицию. Один из ее фрагментов посвящен повторившейся молодежной манифестации на кладбище в Каунасе: «В Каунас была направлена группа комсомольских работников, в том числе секретари ЦК комсомола <...>. Органы милиции и Госбезопасности задержали 85 чел. — участников беспорядков на Центральном кладбище. После опроса было задержано только 5 человек.

По всем институтам республики прошли собрания в группах или на курсах. Всего исключено из членов ВЛКСМ 6 человек, из институтов — 4 человека. Вопрос о работе среди студентов обсуждался на бюро ЦК партии Литвы. Совет Министров республики выделил 500 тыс. рублей на культурно-массовую работу в институтах»¹⁸.

Еще одним принципиально важным моментом в выработке представления о том месте, которое заняли внесудебные преследования в интересующий нас период, является специфика неортодоксальной общественной активности тех лет. В значительной степени она возникала как незапланированный ответ на инициативу самой власти.

Начатый сверху идеологический переворот коснулся прежде всего коммунистов и комсомольцев, которые первыми и в большей мере информировались о разоблачениях, связанных с преступлениями в период культа. Поэтому в те времена в гораздо большей степени, чем в последующие, члены КПСС и ВЛКСМ проявляли общественную активность, которую власти расценивали как недостаточно лояльную.

Отсюда — определенная несамостоятельность форм и социальных тематик. Даже в среде подпольных оппозиционных групп молодежи, по мнению петербургского историка В.Иофе, вплоть до середины 1960-х гг. преобладала внутренняя, то есть базирующаяся на официально декларированных ценностях, идеология¹⁹.

С этим же обстоятельством связано наблюдающееся от столиц «до самых до окраин» стремление использовать официальные мероприятия и каналы. Рутиннейшие мероприятия — обсуждение решений партии, выборы, выпуск стенных газет, самодеятельность — давали повод к «нездоро-

вым» проявлениям и в Москве, и в Свердловске. Ярчайший пример: большая часть «Информации о фактах неправильных и антисоветских выступлений некоторых студентов» и материалов к ней посвящена выступлениям на отчетно-выборных комсомольских конференциях и официально организованных диспутах.

Соответственно каталог тем ранней оттепели не велик и может быть охарактеризован как набор альтернатив: культ личности — демократизация, «соцреализм» — «реализм без берегов», СССР — страны народной демократии, ищущие особый путь (Польша, Югославия, Венгрия). Возможно, именно поэтому он и стал «всесоюзным». Отголоски этого набора проявлялись даже в регионах, где превалировала национальная тема (Прибалтика, Армения, Грузия). Возможно, даже следует говорить о получившем в те годы развитие определенном типе общественной активности, связанной с особенностями образования пространства допустимого — его формировала власть. Это, в сочетании с реструктуризацией репрессивной политики, предполагало ставку на сдерживающие возможности партийно-комсомольских органов.

В комсомоле состояло подавляющее большинство вузовской молодежи (в 1956/57 учебном году в дневных вузах 94%, по данным ЦК ВЛКСМ²⁰), роль которой в общественном брожении того времени значительна. Остановимся на этой социальной группе подробнее.

В статье В. Британишского, которую одновременно можно рассматривать как мемуарное свидетельство, отмечается: «Студенческая субкультура была тогда отдельной культурой, альтернативной культурой. Но это ее “контр” поначалу не осознавалось верхами, начальством. Наше поколение не успело “засветиться”, как теперь говорят»²¹. Позволим себе не согласиться. И не только потому, что пределы оставались, причем и в сознании самих студентов тоже. Известный правозащитник К. Любарский (в те времена студент и член редколлегии стенной газеты «Литературный бюллетень», о партийно-комсомольских разбирательствах вокруг которой см. в этой статье) на вопрос: почему критика соцреализма стала «хитом» оттепели, ответил, что социальные тематики маскировались этой оболочкой, внешне как будто не выходя за пределы литературной критики²². Впрочем, для нашей темы не столь существенно, было ли стремление к «легальным» формам протеста полусознанной мимикрией или же отражало искреннюю лояльность к идеологическим основам строя. Важен сам факт такого стремления, зафиксированный в мемуарах и документах.

В любом случае действия властей, как свидетельствуют источники, вовсе не кажутся неосознанными, особенно в деле воспитания молодежи, являвшемся сферой интересов партии.

Все, что хотя бы на йоту отходило от официального курса, попадало под подозрение, а партийный надзор и разбирательства (как и репрессии карательных органов) никогда не прекращались²³. Информация о положении на

местах — отрывочная, но наиболее изученные на сегодняшний день фонды парткома и комитета комсомола МГУ свидетельствуют: через бюро этих организаций проходило ежегодно до десятка персональных дел с политической подоплекой²⁴. Однако за повышенную самостоятельную бдительность, в отличие от прошлых времен²⁵, можно было уже и проштрафиться. Во всяком случае, получения отличий и продвижения по службе она не сулила.

Показательна история со студенческим рукописным журналом, изложенная в записке в отдел пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (архивная помета относит записку к сентябрю 1956 г.): «<...> Наиболее нелепые формы приняло расследование” по делу пошлого журнальчика “Фиговый листок”, выпущенного студентами В[ильнюсского]ГУ Викуличем, Рольником, Шульманом и Копелевым. Вместо того, чтобы самим разобраться в содержании журнала, Ленинский РК ЛКСМ Литвы сообщил о нем в Комитет Госбезопасности. У ребят был произведен обыск. Журнал изъяли. <...> работники комитета, ведшие это дело, пришли к заключению, что никакой антисоветчины в журнале нет, что журнал даже местами интересен, а местами пошл и лучше всего отражает слабость идеологической работы в университете. После этого за “Дело о “Фиговом листке”” взялось партбюро факультета, где журнал охарактеризовали как антисоветский. Характеризовали, кстати, так: фразу: “Копелев не бреется, так как нет безопасных бритв” расценили как насмешку над советской действительностью: у нас, мол, бритвы есть. Пародию на беспомощный рассказик студента ВГУ Юрия Оверко в альманахе “Советская Литва” как призыв к реставрации капитализма и т.д.

После этого всех четверых оптом исключили на комитете комсомола ВГУ из ВЛКСМ. Под одну гребенку постригли и пошляка Рольника, и самолюбивого, замкнутого (со всеми не дружит, а с кем дружит — так до конца, — говорят в группе) Викулича, и ничем не отличавшихся от других Шульмана и Копелева.

На комитете их опять обвиняли в антисоветчине и требовали: Скажите, кто стоит за вашей спиной? Секретаря факультетского бюро комсомола Нюнку, преподавательницу Сафронову, комсорга группы Ширякина и профоргга Чистякову, которые требовали, чтобы комитет определил, где же антисоветчина и кто из четверых в чем виноват, обвинили, что они идут против линии партии.

Словом, нарушая устав, минуя группу и первичную организацию, всех четверых исключили. Бюро Ленинского райкома комсомола решение утвердило, ослабив меру взыскания лишь для Шульмана (ему дали строгий выговор). Апелляции горком и ЦК ЛКСМ отклонил.

Погнавшись за несуществующими ведьмами (курсив здесь и далее наш. — Г.К.), комитет комсомола ВГУ с помощью Вильнюсского горкома и ЦК ЛКСМ превратили троих ребят, из которых один пошляк, а двое —

самые обыкновенные молодые люди, в своего рода героев той части студенчества, среди которой еще живы отголоски национализма, мелкобуржуазные нравы, создали повод для распространения в городе слухов о подпольной организации в университете. Заодно была пропущена возможность для превращения рукописного журнала (под другим названием, конечно) после открытого его обсуждения и отделения зерна от мякины в университетский орган сатиры. <...>

[Вывод:] побольше открытых дискуссий по самым разнообразным вопросам, побольше убеждения, сознательного разбора жизненных фактов и как можно меньше окриков, зажима, обвинений»²⁶.

О многом говорят пометы на этом документе. Дважды — возле сообщения о передаче журнала в КГБ и около рассказа о разбирательствах в комитете ВЛКСМ ВГУ — на полях выведено: «Грубая работа».

Изменение приоритетов (в терминах того времени смена «стиля работы») привело к тому, что дела, подобные разбирательству с журналом «Фиговый листок», воспринимались как проколы. Не поощрялось не только привлечение КГБ, но даже огульное применение взысканий. Действовать следовало тоньше — направляя молодежную активность в официальное русло. Указания на такую ситуацию содержатся не только в политической документации²⁷, но и в материалах мемуарного характера (включая и статью Британишского²⁸), касающихся периода с весны 1953 до второй половины 1956 г.

В исторической литературе последних лет поворот в политике властей, произошедший в конце 1956 г. под влиянием событий в Польше и Венгрии и отклика на них в СССР, иногда трактуется как откат к прежним репрессивным методам управления. Утверждение, на наш взгляд, нуждающееся в уточнении. Внести необходимые коррективы, возможно, будет легче, если мы попытаемся взглянуть на происходившее в те годы сквозь призму избранной темы, то есть зададимся вопросом: изменился ли кардинально характер использования мер воздействия, не связанных с уголовным преследованием, в области контроля над общественной активностью.

Уточнить представление об этом может помочь история разработки постановления ЦК КПСС о студенчестве.

10 ноября (напомним: к этому времени крупные войсковые соединения уже находились на территории Венгрии, что позволило взять ситуацию под контроль) «Правда» опубликовала в изложении выступление Хрущева на митинге московской молодежи, посвященном награждению комсомола орденом Ленина. В этом выступлении тема «учащейся молодежи» заняла центральное место. При чтении бросаются в глаза два обстоятельства: первое, несколько странное — то ли сам первый секретарь, то ли редакторы старательно избегали слова «студенты», и второе — Хрущев напрямую связал необходимость «уделять больше внимания правильному воспитанию молодежи» с событиями в Венгрии. В

свойственной ему манере Хрущев рассказал две «притчи» о том, как убеждали румынские (!) рабочие зарвавшихся «учащихся». Смысл этих баек можно выразить одной фразой: «Если вам не нравятся наши порядки, которые мы завоевали своей кровью, своим трудом, тогда пойдите поработайте, а на ваше место придут учиться другие». Намек главы правительства был понят правильно. Это видно из выступления на комсомольском собрании четвертого курса филфака МГУ Л.Крысина (начало декабря 1956 г.): «<...> Товарищ Хрущев был не прав в своем выступлении на собрании молодежи в честь награждения комсомола орденом Ленина. От лица рабочих он заявил, что если вам, т.т. студенты, не нравятся наши порядки, идите и работайте, а мы сядем на ваше место. Зачем разделять рабочих и студентов. Кто такие студенты? — Дети тех же рабочих. Разве то, что они критикуют, — не общее дело всего народа? (шумные аплодисменты)»²⁹.

Но речь Хрущева не сводилась только к запугиванию и призывам. Он изложил и программу «предупредительных» мер: «Надо, чтобы наша учащаяся молодежь, говорит он, была ближе к жизни. Нужно, чтобы в высшие школы поступала действительно лучшая, самая передовая часть молодежи. У нас есть еще немало недостатков в практике приема в вузы, нередко даже золотые медали выдаются не совсем правильно, иногда произвольно допускаются завышенные отметки в школах. Следует улучшить порядок приема в высшую школу, сделать так, чтобы в вузы попадали лучшие из лучших, чтобы это были люди, преданные делу Ленина, делу народа. Необходимо больше принимать в высшие учебные заведения молодежи с производства, с заводов, фабрик,строек, из колхозов, МТС и совхозов»³⁰.

Уже 12 ноября в ЦК ВЛКСМ появился проект записки³¹ руководителя комсомола А. Шелепина в ЦК КПСС: «ЦК ВЛКСМ просит ЦК КПСС рассмотреть следующие меры: <...> 2. Изменить порядок приема в вузы, пресечь проникновение в вузы случайных людей, решительно улучшить качественный состав студенчества».

Для достижения поставленных целей предлагалось отменить внеконкурсный прием медалистов; возможность учиться в вузе обставлялась необходимостью два года проработать на производстве. Вносилось также предложение предоставить трудовым коллективам право рекомендаций, а лиц, получивших такие рекомендации, зачислять в вузы «независимо от количества набранных баллов».

«Обязать Госэкономкомиссию и Госплан СССР ежегодно включать в народнохозяйственный план использование выпускников средних школ в народном хозяйстве.

Дать указание партийным органам совместно с директорами вузов, партийными и комсомольскими организациями рассмотреть по каждому вузу конкретные предложения об исключении из институтов тех студен-

тов, которые не оправдывают звания советского студента. Учитывая, что нездоровые настроения нередко находят почву среди студентов закрытых физических, физико-технических и инженерно-физических факультетов и институтов, поручить Министерству высшего образования СССР (далее МВО. — Г.К.) совместно с ЦК ВЛКСМ специально разобраться с качественным составом студентов этих факультетов и учебных заведений и принять соответствующие меры. Рассмотреть также вопрос об отмене некоторых льгот для студентов этих факультетов и институтов».

В качестве одного из приемов давления на студенчество ЦК ВЛКСМ рассматривал ужесточение учебной дисциплины и ответственности за ее нарушение, например восстановление студентов, отчисленных «за неуспеваемость или аморальное поведение из других вузов, лишь после трех лет их положительной работы на производстве». Но одновременно студентам бросалась кость: «5. Дать поручение МВО СССР с участием ЦК ВЛКСМ в месячный срок дополнительно рассмотреть вопрос о свободном посещении лекций студентами старших курсов, оставив при этом обязательное посещение практических и лабораторных занятий. Считаю целесообразным перевести, для накопления опыта, на свободное посещение лекций некоторые вузы Москвы».

Одновременно вносилось предложение о расширении сети заочных и вечерних вузов.

«7. Просим ЦК КПСС поручить:

а) МВО и другим министерствам скорее внести в ЦК КПСС предложения о переводе из Москвы в другие города таких вузов, как рыбный, нефтяной, горный институт, институт водного хозяйства им. Вильямса, а также предложения и по другим крупным городам страны. <...>

8. Дать указание МВО издать приказ о расширении прав комсомольских организаций в вузах <...>».

Пункт 8-й подразумевал введение представителей комсомола в вузовские руководящие структуры. Неизвестно, был ли этот документ направлен по адресу, но на заседании 13 ноября бюро ЦК ВЛКСМ первым пунктом утвердило «Предложения по улучшению работы среди студенческой молодежи». Они предусматривали командирование в ноябре в крупные вузовские центры работников ЦК ВЛКСМ, проведение в ЦК ВЛКСМ совещаний и семинаров, а также бюро, пленумов, активов и совещаний в ЦК, крайкомах, обкомах и горкомах комсомола. Директивным документом, определяющим конкретные меры, судя по этим «Предложениям», должно было стать постановление ЦК ВЛКСМ об усилении идейно-политической работы среди студентов.

Еще через несколько дней ЦК ВЛКСМ подготовил и направил в ЦК КПСС «Информацию о фактах неправильных и антисоветских выступлений некоторых студентов». Источниками для нее послужили сообщения с мест о ходе отчетно-выборных комсомольских конференций. О серьезнос-

ти ситуации говорит то, что иногда эти сообщения передавались по ВЧ! (И на следующий год этому довольно рутинному мероприятию было посвящено достаточно документов — память о прошлом еще не остыла, — но прежней экстраординарности в них уже не наблюдается.)

28 ноября министр высшего образования СССР В.П.Елютин направил в ЦК ВЛКСМ проект постановления ЦК КПСС, еще не имевший названия, хотя дать ему «рабочий» заголовок не составит труда: «Об устранении крупных недостатков в идейно-воспитательной работе среди студентов»³². Подготовленный, как явствует из сопроводительного письма, «в соответствии с решением Президиума ЦК» (пока не удалось установить точно, когда состоялось это решение), проект отражает точку зрения руководства МВО: «<...> Имеют место случаи, когда здоровую инициативу студентов по критике действительно имеющихся недостатков руководители высших учебных заведений не подхватывают, своевременных мер по устранению недостатков не принимают, мало общаются со студентами. Этим пользуются отдельные антисоветски настроенные лица, пытааясь увести отдельных студентов в сторону критики основ советского строя.

<...> Руководители отдельных вузов, а иногда и руководители первичных партийных организаций не дают решительного и своевременного отпора нездоровым настроениям и высказываниям со стороны отдельных студентов, слабо занимаются изучением причин, породивших такие несовместимые с пребыванием в Советском [так в тексте] вузе явления, и не принимают самых энергичных мер к их недопущению. Отдельные преподаватели вместо того, чтобы решительно пресекать подобные высказывания, пассивно воспринимают их и тем самым позволяют пропагандировать нездоровые настроения».

В преамбуле был покритикован (впрочем, не строго) и комсомол: мероприятия проводятся «сухо и неинтересно», «недостаточно настойчиво». Подверглась критике и «Комсомольская правда», особенно за «нежную» дискуссию о свободном посещении лекций.

«В целях устранения имеющих место крупных недостатков в деле идейно-политического воспитания студентов ЦК КПСС

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Обязать ЦК компартий союзных республик, ОК, ГК, райкомы КПСС, партийные комитеты и партийные бюро вузов, а также ректоров, директоров вузов принять немедленные меры к устранению недостатков в деле идейно-политического воспитания студентов, решительно улучшить пропаганду политики партии и правительства, повысить *боеготовность* [!] вузовских партийных организаций в деле разоблачения вражеской антисоветской пропаганды, пытающейся у части нашей молодежи посеять сомнения в правильности основ политики нашей партии.

2. Поручить МВО СССР, а также другим министерствам и ведомствам, имеющим в своем распоряжении вузы, вместе с соответствующими

ЦК союзных республик, обкомами и горкомами КПСС изучить положение с подбором кадров преподавателей, учебно-воспитательной работой и организацией быта студентов в каждом высшем учебном заведении. <...>

Обратить особое внимание на изучение деловых и политических качеств профессоров и преподавателей. Освободить тех лиц, которые не проявляют достаточных знаний и опыта в деле воспитания молодежи. Освобождаемых преподавателей направлять на практическую работу вне высших учебных заведений. Исходить при проведении данной работы из того, что моральное право воспитывать будущие молодые кадры имеет профессор и преподаватель не только хороший знаток своей специальности, но и умеющий воспитывать студентов в духе коммунистической морали и нравственности. <...>».

В пунктах 5–7 постановляющей части предлагалось пересмотреть состав кафедр общественных наук, освободить пенсионеров, отправить на пенсию лиц преклонных лет; при приеме в вузы установить льготы для «стажников» и армейцев; введение свободного посещения — «нецелесообразно», но необходимо принять меры к устранению перегрузки.

<...> Лиц, не оправдывающих высокого звания советского студента, отчислять из вузов и направлять на производственную работу, возвращаясь к вопросу продолжения обучения в высшей школе после двух-трех летней [так в тексте] работы их на производстве.

9. ЦК ВЛКСМ, ЦК ЛКСМ союзных республик, обкомам, горкомам комсомола решительно улучшить руководство вузовскими комсомольскими организациями. [На полях помета, сделанная уже в ЦК ВЛКСМ: Конкретнее права.]<...>

11. ЦК КП союзных республик, обкомам КПСС, министерствам и ведомствам, имеющим вузы, представить в трехмесячный срок в ЦК КПСС отчет о работе, проделанной по выполнению настоящего постановления».

Заметно, что в сравнении с проектом предложений А.Шелепина, в ЦК ВЛКСМ держались более радикального взгляда на «орачивание» вузов, а в МВО отрицательно относились к введению свободного посещения. Однако главными для ЦК ВЛКСМ были претензии на расширение прав комсомольских организаций в вузе, включая и вопросы отчисления.

Любопытно, что дата отправки Елютиным проекта постановления в ЦК ВЛКСМ совпадает с датой, стоящей под запиской в ЦК КПСС министра просвещения Е.Афанасенко о «нездоровых» проявлениях в подведомственных институтах и решениях коллегии министерства по этому поводу:

<...> директорам институтов дано указание о проведении более твердой линии в преодолении нездоровых настроений среди студентов и преподавателей и пресечении демагогических выступлений и распушенности. <...>

4. О решительном повышении требовательности к студентам. Вплоть до 1954 года педагогические институты работали в условиях острой

нехватки учителей с соответствующим образованием. В этих условиях руководители институтов больше были озабочены тем, чтобы довести студентов до выпуска, выполнить план выпуска учителей, не допустить отсева студентов и т.д. <...> Такая линия в подготовке учителей всегда являлась ошибочной. В нынешних условиях некоторой активизации нездоровых настроений среди студентов и огромного числа желающих учиться в институтах, но не попадающих туда из-за недостатка мест, этот либерализм <...> совершенно не терпим. <...>

В частности, в отношении лиц, проявляющих несерьезное отношение к занятиям или к будущей работе в качестве учителей, директорам институтов рекомендовано применять такой метод, как исключение на срок с правом восстановления после 2–3 лет успешной работы на производстве.

Директорами институтов эта рекомендация воспринята положительно»³³.

В фонде студенческого отдела ЦК комсомола отложился еще один вариант проекта постановления ЦК КПСС, который был существенно доработан и уже имел название: «О серьезных недостатках в идейно-политической работе среди студентов». Его можно считать альтернативным проекту МВО. Формулировка об отчислении «лиц, не оправдывающих высокого звания советского студента<...>» была сохранена, но одновременно подчеркивалось: *«Строго следуя указаниям об организации работы партии среди молодежи, необходимо до конца изжить в воспитательной работе со студентами административное, окрик, необоснованное приклеивание различных ярлыков. Главным методом должен быть метод убеждения, терпеливого разъяснения, с учетом специфики студенческой молодежи<...>»*.

Текст этого проекта был отпечатан за два дня до утверждения известного закрытого письма ЦК КПСС от 19 декабря «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Именно с появлением этого письма почти все исследователи связывают резкое ужесточение партийно-правительственной линии по отношению к оппозиционным проявлениям. Многие даже считают, что после 19 декабря произошел радикальный пересмотр основ репрессивной политики. С нашей точки зрения, это не совсем так; во всяком случае — в отношении студенческой молодежи. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Действительно, в период подготовки письма на рассмотрении Секретариата ЦК КПСС находился целый блок материалов о положении в московских вузах — записки Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС, Отдела культуры ЦК КПСС, МГК КПСС, Министерства культуры³⁴. Поскольку эти документы пока не публиковались, позволим себе часть их процитировать.

Записка Отдела науки, вузов и школ ЦК КПСС представляет собой отчет о мерах, принятых в связи с выпущенной на механико-математическом факультете МГУ стенной газетой «Литературный бюллетень». В этой газе-

те — весь «оттепельный набор», даже не очень криминальный по московским меркам: Дудинцев, Дж. Рид, М. Щеглов. Из воспоминаний известно, что подкачала эмблема: рабочий, закованный в цепи, тянется к колоколу.

«Установлено, что основными организаторами выпуска бюллетеня являлись студенты БЕЛЕЦКИЙ, СТОЦКИЙ и ВАЙНШТЕЙН, за что они заслуживали исключения из университета³⁵. Однако руководство МГУ признало целесообразным исключить и уже исключило только студента БЕЛЕЦКОГО³⁶, как главного организатора выпуска «Литературного бюллетеня» и наиболее активного дезорганизатора студентов на факультете.

За самовольный выпуск на факультете порочного бюллетеня, нанесшего вред воспитательной работе на факультете, студентам СТОЦКОМУ и ВАЙНШТЕЙНУ приказом деканата объявлены строгие выговоры. По комсомольской линии за это же СТОЦКОМУ и ВАЙНШТЕЙНУ вынесены выговоры с занесением в личное дело. На остальных членов бюллетеня за участие в выпуске указанного бюллетеня наложены различные комсомольские взыскания.

Кроме того, после собрания комсомольского актива «Литературный бюллетень» и его организаторы были подвергнуты критике в факультетской стенной газете «За лучший факультет».

Что касается политически вредных выступлений на собрании комсомольского актива членов ВАКСМ СМОЛЯНИНА и СМОЛЯКА, то в ближайшее время этот вопрос будет обсуждаться на курсовых комсомольских собраниях <...> В связи с выпуском указанного «Литературного бюллетеня» и проведением в связи с этим комсомольского актива на механико-математическом факультете партийный комитет провел с секретарями партийных организаций факультетов специальное совещание по вопросу усиления связи парторганизации с комсомольскими организациями и несоюзной молодежью и об улучшении на кафедрах и факультетах политико-воспитательной работы.

Вопрос об авторах анонимной записки, поступившей в президиум собрания комсомольского актива, с угрозой «поднять студентов», если БЕЛЕЦКИЙ, СТОЦКИЙ и ВАЙНШТЕЙН будут исключены из университета, выясняется»³⁷.

Целый ряд документов посвящен событиям во ВГИКе.

«30 ноября с.г. в институте проходило отчетно-выборное партийное собрание. Выступавшие в прениях студенты-коммунисты сообщали, что среди студентов имеют место нездоровые настроения. Некоторые из студентов открыто пытаются поставить под сомнение мероприятия Партии и Правительства, нигилистически относятся к советской литературе и искусству, проявляя вместе с тем нездоровый интерес к дискуссии в Польше по вопросам литературы. Некоторые студенты открыто высказываются против партийного и государственного руководства искусством и принципов социалистического реализма. Коммунист КРИВЦОВ рассказал,

что студент 1-го курса сценарного факультета ЗЛОТВЕРОВ³⁸ ведет анти-советские, контрреволюционного толка разговоры, позволяет себе оскорбительные выражения о руководителях китайского и монгольского народов, отвергает изучение трудов В.И.ЛЕНИНА. <...> После отчетно-выборного партийного собрания директор Института т.ГРОШЕВ А.Н. вызывал для беседы студента ЗЛОТВЕРОВА. ЗЛОТВЕРОВ держал себя вызывающе и подтвердил ранее высказанные им антисоветские суждения. 11 декабря ЗЛОТВЕРОВ был исключен из института, а 12 декабря с.г. — арестован органами государственной безопасности. При обыске <...> найдены дневники, в которых излагалась программа действий и намечались пути изменения государственного строя СССР. [Фраза отмечена на полях чертой, обведенной волнистой линией.] Одновременно со ЗЛОТВЕРОВЫМ был арестован студент 1-го курса сценарного отделения А. КАФАРОВ³⁹ (комсорг курса).

Арест <...> студентов в Институте вызвал значительное возбуждение. Нашлись даже коммунисты и комсомольцы, которые выступили в защиту арестованных. В то время, когда проходило в кабинете директора совещание с комсоргами факультетов, в институте возник стихийный митинг⁴⁰. На этом митинге студенты требовали «дать объяснение по поводу ареста ЗЛОТВЕРОВА и КАФАРОВА <...> ознакомить студентов с материалами следствия. На митинге также раздавались требования проведения открытого суда. Была избрана комиссия из 5 студентов <...> которой было поручено подготовить письмо от имени учащихся на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов.ВОРОШИЛОВА и в ЦК ВЛКСМ»⁴¹.

Но, видимо, «комиссию» удалось запугать совместными усилиями партбюро, райкома, горкома, а возможно, и КГБ⁴², и спокойствие восстановилось.

О том, какие последствия это имело для студентов, участвовавших в волнениях во ВГИКе, отчитался в ЦК ВЛКСМ секретарь московского комсомола⁴³: «После имевших место событий в институте 12 и 13 декабря 1956 года, один из ярких демагогов, выступавших на собрании, студент 3-го курса комсомолец ПЕРОВ разбирался на комсомольском собрании группы. Ему было вынесено комсомольское взыскание — строгий выговор с предупреждением об исключении. На факультетском собрании и на комитете комсомола он не разбирался, так как декан предложил разбирать персональное дело ПЕРОВА на собрании факультета после экзаменов. Студенты некоммунисты ЛОТЯНУ и КУРМАНОВ⁴⁴ обсуждались на курсовом собрании, где их выступления на митинге были осуждены».

Итак, к декабрю 1956 г. ЦК КПСС завален горой «копромата» на студентов. Но нас, в русле избранной темы, интересует, как реализовалось наличие этого компромата в руководящих партийных документах, и прежде всего — в письме ЦК КПСС от 19 декабря.

Это письмо является, несомненно, детищем уже нового периода — власти в дополнение к «послесеждовскому стрессу» приобрели еще «венгерский комплекс». Какое же соотношение между традиционными и внесудебными видами репрессий устанавливалось этим, безусловно этапным для репрессивной политики тех лет, документом?

Прежде всего, на наш взгляд, небезынтересно, что более жесткий проект письма в ходе доработки в Секретариате ЦК КПСС был смягчен и заголовок окончательного варианта стал открываться уже знакомыми словами о «*политической работе* партийных организаций в массах».

Перейдем к содержанию утвержденного документа.

Текст его организован сложно. В констатирующей части просматриваются три раздела, посвященные «криминогенным» социальным группам: творческой интеллигенции, студенчеству и реабилитированным. По студенчеству и творческой интеллигенции посвящены не самые жесткие страницы. К «политической работе» с этими группами карательные органы подключались не так однозначно, как, например, с «ошибочно реабилитированными». Обращение к коммунистам в органах суда, прокуратуры и КГБ (именно это обращение можно рассматривать как запускающее механизм уголовной репрессии) соседствует с разделом, посвященным реабилитированным. Подтверждение нашей точки зрения можно найти в малоизвестном выступлении Хрущева на пленуме ЦК в конце декабря 1956 г. В финале своей речи первый секретарь сосредоточился на ошибках реабилитации и, говоря о реабилитированных, даже употребил слово «нечистые». Именно они должны были привлечь внимание «компетентных» органов и вернуться на нарты.

Вопрос о политике в отношении двух остальных групп менее изучен. О положении, в котором оказалась после письма творческая интеллигенция, уже много писалось — но исследователи отмечают, что заметных судебных репрессий не последовало⁴⁵. Таким образом, эта группа осталась в целом в рамках партийно-административных мер воздействия.

Остается третья из перечисленных групп — студенческая молодежь.

Рассмотрим, как интерпретировался зигзаг политической линии на пленуме ЦК ВЛКСМ, также состоявшемся в декабре 1956 г. Пленум был посвящен положению молодежи на целине и на «стройках социализма», обеспечению сносных материально-бытовых и культурных условий. Но на пленуме были затронуты и иные вопросы. В выступлении секретаря ЦК ВЛКСМ З.Тумановой речь пошла о студенческой молодежи: «Что же касается всякого рода антисоветских и враждебных вылазок, то, видимо, здесь у Пленума будет единое мнение, что их надо решительно пресекать. ЦК ВЛКСМ считает правильными действия тех комсомольских организаций, которые студентов, мне кажется, не оправдывающих звания советских студентов, исключают из членов ВЛКСМ и из институтов». Был описан и примерный механизм, аналогичный тому, о котором говорил

Хрущев в ноябре: «В том же Свердловском [Уральском] политехническом институте именно благодаря участию рабочих в комсомольском собрании удалось доходчиво объяснить студентам ряд вопросов политики нашей партии, показать им авангардную роль рабочего класса в нашей стране. Рабочие прямо ставили вопрос: вы, мол, товарищи студенты, учитесь на народные деньги и мы не позволим, чтобы кто-то из вас неправильно вел себя, а тем более порочил наш строй и неуважительно отзывался о нем. Именно под влиянием рабочих факультетская организация, которая вначале неправильно оценивала действия и выступления злопыхателя Немелкова и других, приняла решение об исключении его из рядов ВЛКСМ и из института»⁴⁶.

То же самое можно сказать и о пленуме Ленинского райкома комсомола гор. Москвы, который очень принципиально с участием опять-таки рабочих решил вопрос о выводе из состава пленума райкома комсомола комсомольца Беленького⁴⁷, который не проводил в жизнь решений районного комитета комсомола и пыгался иметь свою какую-то «особую» позицию, свое «особое» мнение по вопросам нашей комсомольской работы»⁴⁸.

На пленуме ЦК ВЛКСМ «верхушка» комсомола была ознакомлена с закрытым письмом ЦК КПСС от 19 декабря. Перед оглашением письма выступил Шелепин и сообщил о том, что принято решение после обсуждения в партийных организациях ознакомить с письмом вузовское комсомольское руководство⁴⁹ (важная подробность, если учесть, что это письмо было одним из самых «закрытых»). Стенограмма зафиксировала предварительный комментарий «вожака» комсомола: «<...> *надо посмотреть и кое-кого освободить из комсомола и прежде всего из комсомольских организаций вузов. Нам надо вузы очистить от антисоветских людей, от некоторых людей, которые случайно попали туда, и надо очистить комсомол. Но я прошу это понять правильно, не принимать это как чистку. Ни в коем случае нельзя, чтобы это получилось как чистка комсомольских организаций, но коррективы в это дело внести надо.*

Многие предлагали, чтобы принимать в комсомол с 16 лет.

ГОЛОСА: Правильно.

ШЕЛЕПИН. Может быть, это и правильно, но надо в течение года подождать. Давайте дождемся съезда и на съезде обстоятельно решим. Я бы просил всех товарищей согласиться с этим. Это уставной вопрос, может быть, это и правильно, тогда обсудим. А линию вот такую надо проводить. Мы в бюро в ближайшее время будем эти вопросы обсуждать.

Что касается других элементов, тут вы знаете, надо руководствоваться указаниями Ленина на этот счет по отношению к молодежи. Есть у нас среди молодежи много замечательных товарищей, но на них влияют люди. *Нельзя не считаться с тем, что, осуществляя директивы XX съезда КПСС о социалистической законности, мы много выпустили из тюрьм, даже и таких, которых, может быть, не надо было выпускать. Это*

отмечали и на Пленуме партии (Шелепин имеет в виду речь Хрущева, о которой уже говорилось. — Г.К.). <...> Мы располагаем фактами, когда некоторые из них ведут вражескую работу. Тут надо быть бдительными, и людей, которые будут вести антисоветскую агитацию, щадить не будут, снова [!] в тюрьмы сажать надо.

Но, с другой стороны, есть в вузах такие люди: ему 17 лет, школу закончил, пошел на первый курс, у него каша в голове, ничего не соображает. Ему кто-то сказал, или он послушал Би-би-си или «Голос Америки», или он прочитал газету югославскую «Борба», или какую-то польскую газету прочитал, и он начинает соображать.

Я хочу привести ленинское указание: «<...> Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпимее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и преимущественно путем убеждения, а не борьбы»⁵⁰. *Думаю, это целиком и полностью относится к нашей работе сейчас <...>».*

Итак, к концу 1956 г. в высшем партийном руководстве возобладало мнение о необходимости активизировать деятельность репрессивных органов. Однако, на наш взгляд, приведенные документы убедительно свидетельствуют, что предпочтение, во всяком случае в отношении молодежи и студенчества, отдавалось иным мерам воздействия. Наша точка зрения корректирует выводы исследователей, изучавших подготовленную Верховным судом СССР «Справку о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях». Они утверждают, что под удар «быть может, вопреки первоначальному замыслу инициаторов Письма ЦК» попали «самые что ни на есть простые люди, мало или вовсе не соприкасавшиеся с интеллигентской оппозиционностью»⁵¹. В «Справке», охватывающей 1956–1957 гг., критиковалось допущенное в 1957 г. увеличение среди осужденных доли молодежи (по изученным Верховным судом СССР делам люди в возрасте до 30 лет составили свыше 30%). Однако среди осужденных за 1956–1957 гг. учащиеся не составили большинства (6,8 %) ⁵². Перевес молодежи (причем в основном школьной) наблюдался только по делам, связанным с изготовлением и распространением листовок. Эти действия образовывали состав преступления, повышенная общественная опасность которого в советское время не вызывала сомнений. Но и по таким делам два приговора — студента техникума и группы молодых рабочих и учащихся ФЗО — были признаны ошибочными⁵³, а дело студента прекращено за отсутствием состава преступления по протесту, внесенному Верховным судом.

В выводах «Справки», направленной на свертывание репрессивной кампании, — дано толкование письма от 19 декабря 1956 г., полностью совпадающее с нашим: «В этом письме ЦК партии прямо ориентировал на необходимость усиления борьбы с сознательными и активными врагами Советской власти, особенно из числа бывших троцкистов, правых опор-

тунистов и буржуазных националистов, группирующих вокруг себя анти-советские элементы. <...> Недопустимы никакие послабления, когда речь идет о сознательной деятельности вражеских элементов. Вместе с тем было бы совершенно неправильным искусственно увеличивать судимость <...> за счет лиц, хотя и допустивших отдельные нездоровые и даже вредные высказывания, но сделавших это не из враждебных побуждений, а в силу недостаточной политической зрелости, неправильной оценки событий, некритического отношения к полученной из определенных источников ложной информации <...> Во всех делах и особенно о преступлениях, совершенных молодежью, органы суда и предварительного следствия должны с особой тщательностью выявлять подстрекателей к преступлениям»⁵⁴.

Таким образом, в письме ЦК не было, да и не могло быть, отдано явное преимущество судебным репрессиям по сравнению с партийно-административными мерами воздействия. (Это косвенно подтверждается тем, что для подкрепления выводов «Справки» об издержках развернувшейся кампании авторы апеллируют к письму ЦК.) Более того, даже партийно-административные меры не должны были приобрести массовый характер — принять вид чистки. Применять все виды репрессий следовало, как принято теперь говорить, «точно».

Мы вовсе не намерены умалить репрессивный потенциал, заложенный в письме. Мы лишь хотим обратить внимание на то, что в тексте изначально была заложена определенная возможность толкования партийных указаний как в жестко репрессивном, так и в «мягко воспитательном» духе. Само письмо ЦК, формулирующее своего рода «двузначную» политику в отношении оппозиционных проявлений, было, по-видимому, результатом определенного компромисса. Реальное воплощение этих указаний зависело от того, как будет складываться обстановка в стране и, в частности, вероятно, от перипетий подковерной борьбы в высшем партийно-правительственном руководстве. Посмотрим, как развивались события после декабря 1956 г.

Состоявшийся в феврале 1957 г. Пленум ЦК ВЛКСМ принял постановление «Об улучшении политико-воспитательной работы комсомольских организаций среди комсомольцев и молодежи», в котором отмечалось то, что и должно было отмечаться после письма ЦК КПСС от 19 декабря⁵⁵. Однако в докладе Шелепина уже не слышно панических нот, звучавших в конце декабря 1956 г. на предыдущем Пленуме: «<...> мы должны учить кадры и актив тому, как убеждать, вести дискуссию. В этом случае все меньше будет комсомольских работников — администраторов и метод убеждения повсеместно займет в идейно-воспитательной работе с молодежью главное место. Об этом приходится говорить потому, что сейчас кое-где допускается грубое администрирование в воспитательной работе среди молодежи, когда вместо того, чтобы ответить человеку на

его вопрос, начинают приклеивать к нему ярлыки, а кое-кого вышибают из комсомола. Это неправильно. Студенту 18 лет — какой же это антисоветский элемент? Когда он задал вопрос: расскажите о Троцком, об его позиции в вопросах теории государства, — то за это студента вышибли из комсомола и из института. Разве это правильно? Неправильно это, товарищи. Мы не можем в нашей воспитательной работе действовать духом запугивания. Это неверно. <...>

Разъяснять, объяснять, а не запугивать, не приклеивать ярлыков. (Вновь, теперь уже ближе к тексту, приведена та же самая ленинская цитата. — Г.К.) <...>

У нас еще не перевелись люди, которые под флагом свободы критики нередко перепевают мотивы с чужого голоса. Таких “критиков” надо выводить на чистую воду, давать им решительный отпор. Вместе с тем, следует строго отличать критику, ведущуюся с враждебных нам позиций, от критики искренней, но неумелой. *К такого рода критике надо относиться внимательно и чутко, путем терпеливого разъяснения и убеждения, показывать критикующему, в чем он не прав и в чем он заблуждается, ибо неправильная критика, независимо от воли критикующего, поддерживает гнилые мелкобуржуазные настроения. Характерная черта такой критики — раздувание и преувеличение ошибок, чуждая нам сенсационность и реклама. Некоторые товарищи допускают серьезную ошибку, перенося в своей критике недостатки и пороки отдельных руководителей на весь партийный и государственный, комсомольский аппарат.*

Когда мы слышим в критике демагогические нотки, надо внимательно и терпеливо разбираться в причинах этого. Одной из главных причин скороспелых и неоправданных обобщений является, как правило, небольшой жизненный опыт некоторых товарищей, неумение проникнуть в подлинную сущность дела. Надо также не бояться поправлять выступающих с неправильной критикой, ибо поправлять — это не значит глушить критику»⁵⁶.

Критерии, предложенные Шелепиным для того, чтобы отделить козлиц от агнцев, пожалуй, конкретнее, чем в инструктивных документах карательных органов. Но для комсомольского провинциального аппарата предложенная формула «бархатной» политики тоже оставалась чересчур тонкой. Это прорвалось в выступлении П.И. Решетова, секретаря Челябинского обкома комсомола: «<...> нехорошее поведение некоторой части молодежи, обстановка, которая за последнее время сложилась на международной арене, выступления студенчества в нашей стране не могли не сказаться и сказались на молодежи и комсомольских организациях нашей Челябинской области. Так же, как в ряде организаций институтов, у нас студенчество неправильно повело себя, прежде всего в Политехническом институте и в Медицинском челябинском институте, у нас такие явления наблюдались и в школах.

Нам недавно пришлось читать и разбираться с рядом сочинений десятиклассников, представленных на четвертных зачетах в школах рабочей молодежи и в средних школах. Это относится к двум сочинениям города Магнитогорска. Первое сочинение — в школе рабочей молодежи, второе — в средней школе. Один десятиклассник написал сочинение на тему: в жизни всегда есть место [подвигу?] и второе на тему: мой любимый герой. Они так же пыгались, как и в выступлениях делали наши литераторы Симонов и Дудинцев в своем романе «Не хлебом единым», обобщить некоторые недостатки, имеющиеся в нашем строительстве, в частности и в жилищном строительстве, и пытались клеветать на партию, клеветать на комсомол, на нашу демократию. В частности, в одном из этих сочинений десятиклассник говорит о том, что профсоюзы в нашей стране — это устаревшая организация, что государственные займы в стране — это грабеж народа и молодежи прежде всего на предприятиях, что героев в нашей советской стране нельзя найти, поскольку наша литература необъективна, не отражает действительности в нашей стране.

Такие настроения коснулись и ряда нашей рабочей молодежи. К сожалению, многие наши комсомольские организации оказались не на высоте положения, не смогли дать настоящего отпора нездоровым выступлениям некоторой части молодежи. <...>

Четыре дня тому назад я был на комсомольском собрании на заводе, и комсомольцы там дали очень большой бой демагогам и людям, которые хотели противопоставить себя комсомольской организации. Три часа шел этот бой. <...>

Надо комсомольским организациям дать право самим разбираться: кто демагог в организации и кто нет, а не прятать этих людей. Мы же до сих пор прячем.

А то получается так, как у нас в Челябинске, в медицинском институте студент Виноградов заявил, что ему Советская власть ничего не дала. Если бы его вынесли на собрание медицинского института, ему бы дали, а его провели по кабинетам и исключили из института, а после этого идут шепотком всякие разговоры. Это неправильно»⁵⁷.

Но трудности провинциалов, выполнявших директивы центра, принимать во внимание никто не собирался.

В самом начале марта появилось Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О неудовлетворительном состоянии политработы среди интеллигенции в Томской областной партийной организации»⁵⁸. Об одной из возможных причин его появления можно судить, взглянув на «Справку о проведении общеуниверситетского диспута на тему “Как ты понимаешь роль и место комсомола в твоей жизни”»⁵⁹, направленную в ЦК ВЛКСМ секретарем Томского обкома комсомола: «Диспут был организован комитетом комсомола ТГУ и согласован с парткомом Госуниверситета. <...> взял слово студент геолого-геофизического факультета Швейник⁶⁰<...> Швейник отрицал, что

комсомол силен своей идейной убежденностью. Среди комсомольцев распространены следующие убеждения: “Я никому не верю: Тито не верю, Эйзенхауэру не верю, Хрущеву не верю” — так, по мнению Швейника, говорят многие комсомольцы. “Культ личности, продолжал он, привел к страшным ошибкам, я знаю это из рассказов отца, прошедшего 17 лет в лагере и ссылке”⁶¹. По утверждению Швейника, многие студенты говорят, что Хрущев, Булганин “придавили” Берия и делают, что хотят.

Он говорил, что в теперешних условиях “урезанной” демократии борьба с этими явлениями невозможна, что мы изолированы от внешнего мира, что печать Советского Союза тенденциозно освещает вопросы политики. Венгерские события, по его мнению, доведены до народа поздно и скупно, речь Тито в Пуле полностью не опубликована.

Швейник предложил прекратить глушение зарубежных радиостанций, дать в библиотеки все реакционные газеты.

В конце речи Швейник заявил о придавленности студентов — “взнуздали, лишили самостоятельности, превратили в тупую армию зубарей”. В связи с этим Швейник предложил требовать создания автономного союза студентов.

Выступление Швейника было встречено аплодисментами, особенно в задней части зала.

С поддержкой измышлений Швейника выступили студенты Соловьев, Покровский и Коляда.

Студент Соловьев утверждал, что он не чувствует себя свободным, что комсомольцам не с кого брать пример, что этого примера нельзя брать с коммунистов. “Я приехал сюда из Мариинска, и большинство коммунистов нашего города — это карьеристы и пьяницы”.

Клевета Соловьева на компартию вызвала возмущение значительной части присутствующих, раздавались выкрики лишить Соловьева слова.

Далее Соловьев говорил о переписке с зарубежными студентами. Против карьеризма и приспособленчества он предлагал бороться путем стихийных демонстраций студентов, путем выпуска своих “плакатов, листовок, газет”. Здесь Соловьев был прерван присутствующими и вынужден был уйти с трибуны.

О необходимости “свободной” информации говорили в своих выступлениях студенты Покровский, Коляда.

“Самый великий грех, говорил Коляда, это сомневаться в правильности политики партии. Но ведь Маркс также призывал подвергать все сомнению, и сомнение свойственно самой природе человека”. <...> [Далее секретарь обкома, который сам присутствовал на диспуте, излагает, как там убедительно разоблачили «демагогов», не вдаваясь, впрочем, в детали.] Областной и городской комитеты партии на другой день собрали директоров вузов, секретарей парторганизаций, комсомольцев, рабочих,

дали соответствующую оценку диспуту, наметили целый ряд мероприятий по улучшению воспитательной работы <...>

Проведены комсомольские активы в каждом вузе, где дана оценка всем подобного рода выступлениям.

Студенты Швейник, Соловьев на факультетских комсомольских собраниях, а затем на комитете комсомола исключены из комсомола и из Университета».

Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР указывало на «недопустимость запоздалого, недостаточно принципиального и острого реагирования на факты антисоветских высказываний и враждебных проявлений», требовало от «Бюро обкома КПСС повысить политическую бдительность, строго оберегать чистоту марксистско-ленинской теории, решительно пресекать демагогические, антипартийные выступления, вести непримиримую борьбу с враждебно настроенными элементами». В постановлении предлагалось «особое внимание обратить на ликвидацию запущенности политико-воспитательной работы среди студентов», но опять в «двуглавом» варианте: «Терпеливо и вдумчиво вести разъяснительную работу среди студентов, заблуждающихся в вопросах теории и политики, вскрывать их ошибки, разоблачать враждебные, антисоветские выступления и давать решительный отпор». Предлагалось также улучшить «культурно-бытовые» условия студенчества.

Вернемся к судьбе проекта постановления ЦК КПСС по студентам. 16 марта 1957 г. он был представлен за подписями Е. Фурцевой, П. Поспелова, В. Елютина, В. Семичастного в Президиум ЦК КПСС. Эта редакция проекта⁶² еще полностью выдержана в духе письма от 19 декабря — в преамбуле перечислены вузы, допустившие «проколы», и приведены наиболее «зловещие» примеры. Но название уже чуть-чуть облегчено: «О недостатках в идейно-политической работе среди студентов и мерах ее улучшения».

«Имеются случаи, когда среди студентов распространяются антисоветские листовки. Некоторая часть студентов стремится преувеличить недостатки в работе вузовских комсомольских организаций. При этом отдельные студенты-комсомольцы выдвигают тезис о том, что ВЛКСМ якобы потерял авангардную роль среди советской молодежи. <...>

Отрицательная роль в распространении всякого рода ненужной и вредной информации, которой пользуются студенты, принадлежит некоторым иностранным газетам. Часть студентов слушает иностранные радиопередачи, через которые ведется антисоветская пропаганда».

В первом же пункте постановляющей части на парторганизации была возложена обязанность «настойчиво вести борьбу с буржуазной идеологией и разоблачать враждебную сущность антисоветских элементов». Другой важный для нашей темы пункт был сформулирован так: «Лиц, не оправдывающих высокого звания советского студента, отчислять из вузов и направлять на производственную работу». Одновременно предполагались и меры

экономического характера: понижение стоимости билетов в кино и театр, на транспорт, улучшение сферы обслуживания и отдыха студентов.

Несколько раз проект подвергался переработке. Видимо, он стремительно устаревал. 7 марта (то есть до представления проекта на Президиум) министр высшего образования Елютин, выступая в ЦК ВЛКСМ на семинаре-совещании секретарей комитетов комсомола вузов, сообщил: «Мы дали директорам указание, это касается и общественных организаций, и комсомола — против голого азарта администрирования, которое отбрасывает разъяснение и убеждение; конечно, исключение из высшего учебного заведения — *это крайний шаг, на который надо идти только в крайнем случае*, но прежде надо убедиться, что все меры приняты, которые можно принять»⁶³.

В апреле из проекта была удалена вся наиболее злобная часть преамбулы.

В мае 1957 г. вышло постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «О серьезных недостатках в преподавании общественных наук в вузах г.Саратова». Примечателен и умеренный тон этого постановления, и то, что оно посвящено преподавателям, а не студентам⁶⁴. В этом месяце голоса, призывающие в большей мере использовать по отношению к молодежи методы убеждения, стали звучать уже и в партийной печати. «Коммунисты переубеждали и переубеждают людей с устоявшимися ошибочными взглядами, предрассудками. Что же говорить о молодежи, которая еще не имеет жизненного опыта и закалки, у которой мировоззрение только формируется», пишет журнал «Коммунист»⁶⁵. А в июне на страницах этого установочного журнала не только была осуждена практика исключений из партии в обход первичных организаций, которая широко применялась в горячую пору 1956 г., но, более того, сделан упор на «профилактические» меры: «Обком не может не беспокоиться о том, почему в какой-либо районной организации число персональных дел не уменьшается, а растет; он должен анализировать характер проступков, выявлять причины их возникновения и на основе этого принимать меры по их предотвращению, по усилению воспитательной работы среди коммунистов»⁶⁶.

Потепление затронуло и продолжавшуюся тем временем в Отделе науки, вузов и школ ЦК КПСС работу над проектом постановления о студентах. К началу июня на свет появился еще более мягкий вариант. Процитированный нами пункт об исключении студентов предстает смягченно: «К лицам, не оправдывающим высокое звание советского студента, применять меры общественного воздействия — отчисление из вузов»⁶⁷. Правда, экономические посулы стали менее конкретны, пункт же о льготном тарифе на транспорт вообще исчез. Из подготовительных материалов видно, что на льготы просто не нашлось средств (еще в январе 1957 г. было принято решение выделить вузам Министерства просвещения дополни-

тельно 4 млн рублей⁶⁸, финансовые вливания получило и МВО, при том, что сын Хрущева сообщает: «В те дни считали каждую копейку»⁶⁹).

В итоге проект так и не был рассмотрен.

Характерно, что попытка «антипартийной» группы захватить власть, задержавшая укорот разошедшихся карательных органов, не вернула проект к жизни. В 1958 г. его отправили в архив. К этому времени было решено ввести новые правила приема, призванные полностью «орачить» вузы, а требование комсомольского «лобби» отчасти удовлетворили еще в 1957 г. — МВО дало указание вводить в ученые советы представителей комсомольских организаций.

История того, как искалось решение проблемы студенчества, показывает, что по отношению к этой социальной группе использовался широкий набор мер воздействия, но уголовные репрессии не заняли среди них главенствующего положения. В преамбулах проектов постановления ЦК КПСС довольно часто мелькало прилагательное «антисоветские», хотя в группу, готовившую постановление, не были включены представители КГБ и Прокуратуры. На наш взгляд, это примечательно и знаменует собой определенную девальвацию важного для репрессивной политики понятия. Если раньше обвинение, включавшее в себя это слово, сулило лагерь, то теперь партийно-административная ответственность за действия, квалифицируемые в качестве «антисоветских», вставала на равных с судебной.

Интересен вопрос о масштабах применения партийно-комсомольских преследований. В связи с этим хотелось бы выделить работу Н.А. Барсукова⁷⁰, в которой, пожалуй, впервые ставится вопрос о численности подвергшихся взысканиям (в его статье речь идет только о коммунистах) в годы ранней оттепели за не совпавшие с линией партии выступления.

Пока мы не можем оперировать точными цифрами, так как только приступаем к изучению партийно-комсомольской статистики и удалось нам (и то далеко не полностью) ознакомиться со статистическими материалами лишь по московским партийной и комсомольской организациям. Взглянем на эти материалы.

Любопытно, что именно с 1956 г. в ежеквартальных статистических отчетах по МГК КПСС появляются вписанные от руки «причины» (термин статотчета) исключения. Из них к предполагающим политическую подоплеку можно отнести:

— «Непартийное поведение и притупление партбдительности». Термином «непартийное поведение» часто обозначались и разного рода аморальные, по понятиям того времени, проступки, но в просмотренных отчетах «аморалка» проходит по разделу «непартийное поведение в быту». За «притуплением бдительности» может скрываться, например, допущенный либерализм (член бюро комитета ВАКСМ МГУ получил выговор, когда при обсуждении одного из посещавших собрания красно-

певческого кружка предложил воздержаться от исключения из комсомола) или невольное содействие «преступным» замыслам (за подписание положительной характеристики «невозвращенцу» А. Дольбергу получили выговоры несколько коммунистов филфака МГУ)⁷¹. Если за такой формулировкой и крылся проступок, то все же не самый тяжкий.

— «Антипартийные и антисоветские поступки». Это уже гораздо серьезнее, исключение с такой формулировкой могло предшествовать аресту или последовать за ним.

— «Соблюдение религиозных обрядов». Не очень актуальная «причина» для столицы в этот период.

В 1956–1957 гг. всего по этим «причинам» исключены 58 коммунистов (в это число входят и кандидаты в члены партии).

Названная цифра не учитывает двоих исключенных с несколько неожиданной формулировкой — «измена Родине». Они не учтены потому, что подобное обвинение в СССР практически всегда было связано с уголовным осуждением.

В 1956 г. в московской парторганизации из партии было исключено по первым двум «причинам» 27 человек (22 и 5 соответственно), в 1957 г. число исключенных возросло до 29 (13 и 16). Общее увеличение незначительно, но по второй «причине» (уж точно нашей) произошло увеличение более чем в три раза. К сожалению, из статотчетов нельзя понять, включены ли в это число те, кто выбыл из партии в связи с осуждением, а таковые могли проходить по второй «причине». Отсутствует раскладка по «причинам» других видов партийных взысканий (выговоров и т.п.).

Положение со статистикой по комсомолу еще хуже — в отчетах первичек даже по исключениям не предусматривалось указание мотивов. В просмотренных ежеквартальных отчетах райкомов ВЛКСМ по Москве замечена, правда, одна особенность — практически во всех районах число исключенных в I квартале 1957 г. превышает (иногда на несколько десятков) цифры предыдущего квартала.

Основываясь только на этих данных, окончательные выводы делать нельзя, но все же некоторое представление о количественных параметрах партийно-комсомольских преследований помогают составить информационные и справочные документы партии и комсомола.

В записке Ф. Козлова (в ту пору — глава ленинградской организации КПСС), поступившей в ЦК в декабре 1956 г., названы фамилии пятерых привлеченных к партийно-комсомольской «ответственности» (абсолютное большинство — за «враждебные» высказывания). Там же сообщается еще о двух коммунистах, меры в отношении которых будут приняты вскоре, и о двух представителях «несоюзной» молодежи, отчисленных из вузов. Итого девять человек.

В двух записках отдела парторганов ЦК КПСС по РСФСР от февраля 1957 г. сообщается о десяти коммунистах и комсомольцах, наказанных по «партийной линии» за «высказывания», и о роспуске бюро одной из парторганизаций на строительстве Куйбышевской ГЭС. В обоих случаях мы не учитывали «потерявших бдительность».

К этим цифрам, только по данным записки «О принятых мерах по фактам неправильных и антисоветских выступлений», подготовленной для Шелепина, можно прибавить еще 15 человек, подвергнутых различного рода комсомольским взысканиям. На самом деле их значительно больше — записка посвящена лишь случаям, о которых было сообщено в ЦК КПСС в ноябре. Даже основываясь исключительно на документах студенческого отдела ЦК ВЛКСМ, к этим 15 можно прибавить еще не менее двух десятков. Но и это только надводная часть айсберга — попавшие в поле зрения ЦК ВЛКСМ. Например на бюро комитета ВЛКСМ МГУ в начале 1957 г. (исправляли ошибки 1956-го) было рассмотрено еще восемь дел с политической подоплекой: трое были исключены, пятеро подверглись взысканиям, в двух случаях было принято решение о ходатайстве перед деканатом об отчислении.

Множество примеров партийно-комсомольских преследований рассыпано в публикациях, статьях и мемуарах. Все это позволяет утверждать, что пострадавшие по этой «линии» в 1956–1957 гг., по самым скромным подсчетам, исчисляются десятками.

Говоря о масштабах общественной активности и формах ее подавления, следует принять во внимание несколько важных обстоятельств.

Первое. Имеющиеся в нашем распоряжении данные заведомо не полны. Спущенные в течение года из ЦК КПСС директивы недвусмысленно указывали партийно-комсомольским организациям на «несовместимость» пребывания в их рядах «враждебных элементов», ориентировали на «повышение бдительности». Под прицелом оказалась значительная по своей численности социальная группа (несколько миллионов человек) — студенчество. Только из упомянутых в директивах примеров, отмечающих проколы в «политико-воспитательной работе» (за этим неизбежно следовали «оргвыводы») можно составить своеобразный атлас «политической географии». В него войдут обе столицы, университетские центры Урала, Сибири, Поволжья, союзных республик. На деле «география», конечно, значительно шире.

Подробного изучения требуют не только провинциальные архивы, но даже фонды райкомов и первичных организаций столицы, например А. Бабеньшев сообщает о партийно-комсомольских преследованиях в Московском геолого-разведочном институте. Все происходило по «схеме» 1956 г.: многочасовое собрание, выступления и итог — «выгнали <...> одного или двух, *многие* получили выговоры по партийной и комсомольской линии, резолюция собрания была признана недействительной, выбранное бюро было разогнано»⁷². О «нескольких» исключен-

ных, после выступлений в защиту арестованных Злотверова и Кафарова, вспоминает вгиковец Н.Клейман, — студентам напомнили слишком вольный капустник⁷³. Информация об этих людях не вышла на уровень высших и региональных политических инстанций, с которыми в основном работают исследователи.

Второе. Определенный тип общественной активности, характерный для исследуемого периода: несамостоятельность форм и социальных тематик; активизация «носителей официальной идеологии» — коммунистов и комсомольцев; значительная доля участия в неортодоксальных проявлениях «воспитуемой» части общества — молодежи.

Третье. Общее число осужденных в 1956–1957 гг. по всей стране за всю гамму «контрреволюционных» преступлений не превышает трех с половиной тысяч, а по статье 58-10, которая стала в те времена основным инструментом борьбы с инакомыслием, — чуть более двух тысяч. Эти цифры в сравнении со статистикой сталинского периода показывают, что введение в действие письма ЦК КПСС от 19 декабря не затронуло стержневых понятий идеологии новой репрессивной политики — «единичности нездоровых настроений» и «здорового» общества. В нашем распоряжении статистика «профилактированных» в течение двадцатилетия (1967–1987) — их число всегда (и значительно) превосходило число осужденных. Устойчивость этой тенденции позволяет предположить, что и до того, как профилактику провозгласили основной задачей «органов», число профилактированных по крайней мере оставалось на уровне числа попавших в тюрьмы и лагеря (исключение может составить только период разгара репрессивной кампании 1957 г., когда практиковались аресты профилактированных, даже прекративших деятельность, вызвавшую претензии КГБ). Реализация профилактических мер воздействия предполагала участие партийно-административных и комсомольских органов; «шлейф» осуществлявшихся их силами преследований тянулся за политическими процессами конца 50-х гг. (наиболее известный пример — дело Краснопевцева). А после того как в 1959 г. на XXI съезде КПСС был провозглашен курс на профилактику, передача из КГБ дел, возбужденных в отношении молодых людей, на рассмотрение «общественных» организаций сделалась одним из пропагандистских приемов. Так, в комсомольской организации МГУ в 1962 г. было рассмотрено персональное дело студентки экономического факультета Р. Бугай, которая не донесла о листовках, напечатанных ее знакомыми А. Мурженко и В. Балашовым, а в 1963 г. — дело «задумавшего предательски бежать в Японию» Б. Крылова, выпускника Института восточных языков при МГУ.

Перечисленные обстоятельства, на наш взгляд, заставляют принимать во внимание включенность партийно-комсомольских преследований в общий концерт репрессивной политики.

Примечания:

- ¹ Хрестоматийным стал пример с коммунистами философского факультета МГУ, выступления которых в 1955 г. были признаны «непартийными», что повлекло взыскания.
- ² Зезина М.Р. Шоковая терапия: От 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1995. № 2. С.124, 130.
- ³ Орлов Ю.Ф. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М.: Аргументы и факты, 1992. С.117.
- ⁴ «Литературную же молодежь [Ленинграда] не тронули. То есть «выводы» последовали, но не самые крайние <...> в тюрьмах и лагерях сидели не мы, а другие» (Британишский В. Студенческое поэтическое движение в Ленинграде в начале оттепели // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С.177).
- ⁵ Исключение составляют «первички» МГУ: Таранов Е. Раскачаем Ленинские горы<...> // Свободная мысль. 1993. № 3; Зубарев Д.И. «Принято единогласно»: Б.Пастернак, Р.Якобсон и Вяч.Вс.Иванов перед судом партбюро. В печати; Зубарев Д.И. Последний космополит. Готовится к печати; Кузнецов В. История одной компании. М.: Изд. автора, 1995.
- ⁶ Лейбович О.А. Реформа и модернизация в 1953–64 гг. / Пермский гос. университет. Пермь, 1993; Лейбович О.А. Дело И.Шарапова: Доклад на конференции «Постсталинский тоталитаризм: сущность, оппозиция, репрессии» (г.Чусовой, 12–15 сент. 1995); Коробова Е. Ю.Г.Оксман в Саратове 1947–1957 гг. (См. с.145–154 настоящего сборника); Диссертацию на соискание степени доктора исторических наук, в которой будут использованы документы Свердловского обкома КПСС, готовит исследователь А.Прищепа. Видимо, с использованием материалов местного партархива был подготовлен и доклад Г.А.Будкина «Политические взгляды и настроения преподавателей и студентов вузов Верхнего Поволжья в 1956–1961 годах» (История российской интеллигенции: Материалы и тезисы к конференции. Ч.1–2 / АвГАДИ (Технический университет). М., 1995. Ч.2).
- ⁷ Кроме, пожалуй, книги В.А. Алексеева «Штурм небес отменяется?: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР» (М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992).
Исследователи ИРИ РАН ведут поиск в Центральном архиве общественных движений г.Москвы (ЦАОДМ, бывший московский городской партархив) и в Центре хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО, бывший архив ЦК ВЛКСМ) материалов к книге «Университетское дело». В готовящейся к печати книге Л.В.Поликовской о неформальных собраниях молодежи на площади Маяковского будет опубликован ряд документов комсомольских «первичек», райкомов, МГК и ЦК ВЛКСМ.
- ⁸ Сборник материалов конференции «Диссидентское движение в СССР: Предмет исследования: Источники: Методика изучения». (Москва, 24–25 авг. 1992). Готовится к печати; Сборник материалов конференции «Постсталинский тоталитаризм: сущность, оппозиция, репрессии» (г.Чусовой, 12–15 сент. 1995). Готовится к печати.
- ⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.12. С.102–103.
- ¹⁰ Поскольку не всегда удастся проследить дальнейшие судьбы людей, упомянутых в архивных документах, воспользуемся мемуаристикой. Физик Ю.Орлов (впоследствии известный правозащитник и политзаключенный) был одним из тех, кто высту-

пил на партсобрании в Теплотехнической лаборатории АН СССР. После исключения из КПСС он сумел найти работу по специальности только в Армении, куда вынужден был уехать на долгие годы. См.: Орлов Ю.Ф. Указ. соч.

В.Буковский описывает, как выпущенный в его классе рукописный журнал стал предметом разбирательства в горьком КПСС, куда был вызван и он, несмотря на то, что не состоял в ВЛКСМ: «Когда я кончил, они молчали. Наконец главный боров, глядя куда-то мимо меня, изрек:

— У вас очень неверные мысли, вы политически незрелый, и на вас дурно влияют. — Тут весь стол опять зашевелился, задвигался: «Да-да, политически незрелый, да-да, дурно влияют!»

— Мы <...> пришли к выводу, что вам нужно повариться в рабочем котле, пожить в хар-рошем рабочем коллективе, чтобы вам там вправили мозги <...>

— Учитесь вам пока преждевременно. Вместо того, чтобы писать <...> нужно было собраться и почитать семилетний план. Можете идти».

Когда избежавший «рабочего котла» (еще не взятый в оборот, но уже на заметке у КГБ) Буковский пытался восстановиться в МГУ, «против <...> восстановления выступил комитет комсомола» и ему было отказано «как несоответствующему облику советского студента». Попытка объясниться в вузкоме окончилась гневными криками: «Еще вопросы пришел задавать! Разве вам не объяснили, что запретили учиться в институте? А потом, разве вы не читаете газет? Таким, как вы, не место в университете!» (Буковский В.К. И возвращается ветер. М.: Демократическая Россия, 1990. С.100, 117–118).

¹¹ Амальрик А.А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. С.655.

¹² Зезина М.Р. Указ. соч. С.129.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.8. М.: Политиздат, 1985. С.122.

¹⁴ Подробнее об этом см. источники к нашей с А.Паповяном публикации «Гроза в начале оттепели» (Общая газета. 1996. 7 марта. С.10), хранящиеся в фонде копийных материалов из государственных и ведомственных архивов (Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.172).

¹⁵ Словарь по партийному строительству. М.: Политиздат, 1987. С.79.

¹⁶ ЦХДМО. Ф.1. Оп.32. Е.х.804. Л.110–112, 116, 120–121.

¹⁷ Там же. Оп.46. Е.х.192. Л.7–8.

¹⁸ Там же. Л.66–67.

¹⁹ Иофе В. Самодельные общественные организации как фактор исторического процесса: Проблемы типологии и периодизации // Сборник материалов конференции «Диссидентское движение в СССР: Предмет исследования: Источники: Методика изучения».

²⁰ ЦХДМО. Ф.1. Оп.46. Е.х.198. Л.25.

²¹ Британишский В. Указ. соч. С.174.

²² Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.162 (Коллекция «Устная история»). Интервью К.А.Любарского (1995).

²³ «Уничтожь свою антологию. Ею в парткоме интересуются» — совет доброжелателя в 1955 г. См.: Лосев Л. Тулупы мы // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С.215. См. также: Самиздат: По материалам конференции «30 лет

независимой печати, 1950–80 годы». СПб., 25–27 апреля 1992 г. / НИПЦ «Мемориал». СПб., 1992. С.26.

²⁴ В данном случае мы опираемся на работу Е.Таранова, исследования Д.Зубарева и свои собственные, источниками для которых послужили документы парткома и комитета ВЛКСМ МГУ, а также документы ЦК и МГК КПСС/ВЛКСМ, касающиеся партийно-комсомольских преследований в Московском университете.

²⁵ Л.Лосев пишет о том, как в последние годы жизни Сталина выходка нескольких студентов ЛГУ стала трамплином для карьер «массы молодых прохвостов <...> появилось кого шельмовать, демонстрируя собственную идейность и бдительность, на каком основании подсиживать — не проявившее достаточной бдительности — начальство и т.д и т.п.» (Лосев Л. Указ. соч. С.210).

²⁶ ЦХДМО. Ф.1. Оп.32. Е.х.804. Л.144–146.

²⁷ На V Пленуме ЦК ВЛКСМ (апрель 1956) весьма либерально выступил редактор «Комсомольской правды» Д.П.Горюнов: « <...> мы описывали об одном случае в Чувашии, в Марыйском посаде в техникуме на комсомольском собрании. Обсуждались всякие мирные проблемы. Один комсомолец встал и сказал: нельзя ли при принятии решения записать в пункте, чтобы организовать лекцию, из которой стало бы ясным, почему в городе такие трудности с продовольствием? Что же вы думаете? После этого собрания этого студента вызвал к себе секретарь комитета комсомола, закрыл дверь, разложил на столе чистый лист бумаги и начал задавать такие вопросы:

– Кто ваши родители? (Смех).

– По своей ли воле вы вступили в комсомол и т.д.?

Это было настоящее следствие. Парня потом начали преследовать, устроили ему специальный экзамен по последним решениям партии и правительства: дескать, он не разбирается в политической обстановке; хотели даже исключить человека из техникума.

Ну, товарищи, как же можно при таких милицейских порядках установить настоящую демократию на комсомольских собраниях? <...>

К сожалению, подобные факты, которыми располагает редакция, не единичны. Попробуй после этого на комсомольском собрании задать какой-нибудь вопрос? <...>

Недавно мы столкнулись с созданием так называемой тайной организации в одной из школ Узбекской республики.

Товарищи, создаются такие тайные организации, и их, к нашему стыду, немало. Это говорит о том, что у нас хорошая молодежь, но она не находит применения в комсомоле, где все решают старшие, и в результате ребята организуют так называемые тайные организации. С какой программой? С самой патриотической: бороться за успеваемость, бороться с хулиганством, помогать больным и т.д. А мы приходим в испуг и недоумение: откуда взялись эти организации? Мы разгоняем эти организации и опять-таки чуть ли не милицейскими приемами». (ЦХДМО. Ф.1. Оп.2. Е.х.347. Л.136–137, 139).

²⁸ Авторы сами отмечают статьи в партийной периодике, которые поддерживали начинания, направленные на развитие самостоятельности студентов, связанные с этим попытки профсоюзных комитетов хоть как-то обозначить свое существование. (Британский В. Указ. соч. С.173,174).

«На комсомольских конференциях стали поговаривать, а в прессе пописывать, что надо «быть ближе к массам», что «пора изгонять формализм в

работе с молодежью». (Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати, 1950–80 годы» <...> С.25. См. также С.24, 26, 29, 37).

- ²⁹ ЦАОДМ. Ф.4. Оп.113. Е.х.41. Л.89–134.
- ³⁰ Митинг московской молодежи, посвященный награждению комсомола орденом Ленина // Правда. 1956. 10 нояб. С.2.
- ³¹ ЦХДМО. Ф.1 Оп.46. Е.х.191. Л.5–16.
- ³² Там же. Е.х.192. Л.48–57.
- ³³ ЦХСА. Ф.5. Оп.30. Е.х.181 (р.4586). Л.87.
- ³⁴ ЦХСА. Ф.4. Оп.16. Е.х.1098 (р.3415).
- ³⁵ Поначалу было решено отчислить всех. «<...> партбюро создало специальную комиссию по изучению его [«Литературного бюллетеня»] и на своем заседании 14 ноября 1956 года дало правильную оценку деятельности редакции <...> содержание «Литературного бюллетеня» № 4 квалифицировалось как антисоветское, состав редколлегии распускался, деканату факультета рекомендовался ряд лиц, наиболее разлагающе действующих на студентов (БЕЛЕЦКОГО М., ПОЛЮСЮКА Ю., СТОЦКОГО Э., ВАЙНШТЕЙНА и ВОЛКОНСКОГО), представить к отчислению из числа студентов и аспирантов». (ЦАОДМ. Ф.4. Оп.113. Е.х.41. Л.16–60).
- ³⁶ Белецкий Михаил Иванович (р.1934), киевлянин, студент математического отделения мехмата МГУ. Ему пришлось доучиваться в Ереванском гос. университете. Э.Стоцкий также был принужден покинуть МГУ (ему «помогло» слабое здоровье — устранение было оформлено как академический отпуск).
- ³⁷ ЦХСА. Ф.4. Оп.16. Е.х.1098 (р.3415). Л.48–49.
- ³⁸ Злотверов (Злотвер) Владимир Михайлович (р.1925) так же, как и Белецкий, редкий пример студента-некомсомольца в 50-е гг. Осужден в июне 1957 г. по ст.58-10 к 6 годам лагеря (срок отбывал в Дубравлаге) и 3 годам ссылки. Освободился в 1962 г.
- ³⁹ Кафаров Али Гусейнович (р.1935), осужден в феврале 1957 г. по ст.58-10 к 3 годам лагеря. Срок отбывал в Дубравлаге. Освободился по зачетам в 1958 г.
- ⁴⁰ ЦХСА. Ф.4. Оп.16. Е. х.1098 (р.3415). Л.50–52.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Будущий генерал КГБ Ф.Бобков в эту горячую пору побывал в МГУ и во ВГИКе и встречался со студентами. (Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995. С.144).
- ⁴³ ЦХДМО. Ф.1. Оп.46. Е.х.192. Л.232.
- ⁴⁴ К записке о ВГИКе приложены сведения об арестованных, а также о других студентах, участвовавших в событиях, кое-что многозначительно подчеркнуто. Лотяну Эмиль Владимирович (р.1936), ныне известный кинорежиссер — «<...> длительное время проживал в Западной Украине, отец его был членом партии, после войны работал секретарем обкома партии, затем работал преподавателем и умер. Мать в настоящее время преподает в институте им.Ленина в Бухаресте. ЛОТЯНУ после окончания учебы в Молдавии работал некоторое время лектором ЦК комсомола Молдавии. В 1956 году ЛОТЯНУ поступил во ВГИК».
- Курманов Валентин Иванович (р.1934). — «В 1943 году в период оккупации вся семья, за исключением отца, была вывезена в Германию и находилась там

до конца войны. После войны его мать работала в советской комендатуре в г.Познани. В 1953 г. окончил лицей в Познани» (Там же. А.233–234).

⁴⁵ Зезина М.Р. Указ. соч. С.132.

⁴⁶ Из «Информации [ЦК ВЛКСМ в ЦК КПСС] о фактах неправильных и антисоветских выступлений некоторых студентов (на 15 ноября с.г.)» (ноябрь 1956 г.): «На отчетно-выборной комсомольской конференции [31 октября] студент IV курса физико-технического факультета Немелков выступил с антисоветскими и демагогическими заявлениями. Он допустил грубые клеветнические выпады против Коммунистической партии, советского народа и комсомола. Недостатки в хозяйственном строительстве, вскрытые и раскритикованные в ряде широко известных партийных документов, Немелков, злобно смакуя, преподнес конференции как результат якобы неправильной политики партии и правительства, как следствие якобы существующего в стране зажима демократии, отсутствия свободы и инициативы. Секретарь бюро ВЛКСМ физико-технического факультета Пичасов зачитал на конференции заявление от делегации факультета, в котором не было дано правильной и острой оценки выступления Немелкова и делались попытки навязать конференции дискуссию о том, является ли комсомол политической организацией. Наряду с этим, в заявлении выставлялось требование политических дискуссий о внутренней и внешней политике».

Из записки А.Н.Шелепину «О принятых мерах по фактам неправильных и антисоветских выступлений» (апрель 1957 г.): «Гор.Свердловск. По фактам неправильного, клеветнического, антисоветского выступления Немелкова были проведены собрания комсомольских групп и факультетские активы. Комсомольская организация физико-технического факультета, делегатом от которой был Немелков, исключила его из комсомола и поставила вопрос перед дирекцией об отчислении его из института. Немелков из института был исключен. Так же принципиально и строго подошли комсомольские организации к другим студентам, выступления которых содержали неправильные взгляды» (ЦХДМО. Ф.1. Оп.46. Е.х.199. А.172–178, Е.х.192. А.145–149).

⁴⁷ Беленький Борис Леонидович (1934–1996), еврей, образование неполное высшее, член ВЛКСМ с 1948 года, студент Московского горного института. Решением пленума Ленинского РК ВЛКСМ от 28 ноября 1956 г. «за допущенные ошибки и политически неправильные действия» выведен из состава Ленинского райкома ВЛКСМ и исключен из рядов ВЛКСМ. Апелляция на заседании бюро МГК ВЛКСМ от 18.12.1956 г. отклонена» (ЦАОДМ. Ф.635. Оп.13. Е.х.512. А.10).

⁴⁸ Из записки А.Н.Шелепину «О принятых мерах по фактам неправильных и антисоветских выступлений» (апрель 1957 г.): «Студенты 5-го курса Горного института Беленький и I-го курса Эткин исключены из комсомола и из института. Студенты того же института Грохотов и Радецкий исключены из института с объявлением строгих комсомольских взысканий» (ЦХДМО. Ф.1. Оп.46. Е.х.199. А.172).

Пример Беленького был использован секретарем Ленинского РК ВЛКСМ г.Москвы для подтверждения одного из основных выводов статьи в журнале «Молодой коммунист». В ней комсомольским организациям предлагалось вывести «на чистую воду» болтунов, бездельников и демагогов: «В Горном институте студенты Грохотов, Свирский, Эткин, Лисицкий позволили себе демагогические и, прямо скажем, не верные высказывания. Когда им пытались

разъяснить ошибочность их взглядов, они упорно стояли на своем. Таким взглядам надо давать решительный отпор. К сожалению, не все наши активисты оказались способными на это. Политическую незрелость проявил также заместитель секретаря комсомольской организации этого института студент 5-го курса Борис Беленький. Он всячески поддерживал эти «искренние», по его мнению, выступления. Он доказывал, что политические ошибки не подлежат обсуждению, что их надо только разъяснять. Стихийность и неорганизованность среди некоторой части студентов Беленький пытался представить как проявление дальнейшей демократизации внутри комсомольской жизни. Не правильное поведение Беленького не так давно обсуждалось у нас на пленуме РК комсомола. Члены райкома в большинстве своем дали решительный отпор вредным настроениям и неправильным действиям Беленького» (Келарев Ю. Роль комсомольской организации в воспитании студенчества // Молодой коммунист. 1957. № 1. С.44–47).

- ⁴⁹ В ЦХДМО в фонде отдела студенческой молодежи (Ф.46) находится проект комсомольского закрытого письма, аналогичного письму ЦК КПСС. Весь комплекс документов, к сожалению, изучить полностью не удалось. Появившаяся в январе 1995 г. директива председателя комиссии по рассекречиванию партийно-комсомольских документов С.Н.Красавченко значительно усложнила процедуру рассекречивания, поэтому сказать точно, было ли это письмо подготовлено и разослано, пока нельзя, но похоже, что нет. Бюро ЦК ВЛКСМ должно было утвердить «письмо» 25 декабря, но в перечне вопросов, рассмотренных на бюро, сведений о том, состоялось ли утверждение, не обнаружено.
- ⁵⁰ Цитата не точна, но смысл передан верно. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.30. С.226.
- ⁵¹ А.Д[аниэль], А.Р[огинский]. Справка о результатах обобщения судебной практики по делам о контрреволюционных преступлениях: Из документов Министерства юстиции 1958 года // Мемориал-Аспект. 1994. Сент. С.8.
- ⁵² ГАРФ. Ф.9474. Оп.16. Е.х.648. Л.71.
- ⁵³ Там же. Л.37, 40.
- ⁵⁴ Там же. Л.72–73.
- ⁵⁵ Постановление VII Пленума ЦК ВЛКСМ от 27.02.1957 // Справочник партийного работника. Вып.1. М.: Госполитиздат, 1957. С.585.
- ⁵⁶ ЦХДМО. Ф.1. Оп.2. Е.х.356. Л.112.
- ⁵⁷ Там же. Л.182.
- ⁵⁸ Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 02.03.57 // Там же. С.380–381.
- ⁵⁹ ЦХДМО. Ф.1. Оп.46. Е.х.198. Л.106–108.
- ⁶⁰ Швейник Георгий Филиппович (р.1936), арестован 31 декабря 1956 г., осужден Томским облсудом по ст.58-10 ч.1, 182 ч.4 УК РСФСР. Срок отбывал в Озерлаге и Дубравлаге. Освободился в 1960 г.
- ⁶¹ На наш взгляд, в соответствии с духом письма от 19 декабря это обстоятельство и стало основной причиной осуждения Швейника.
- ⁶² ЦХСД. Ф.4. Оп.16. Е.х.238 (р.3305). Л.4–14.
- ⁶³ ЦХДМО. Ф.1. Оп.5. Е.х.644. Л.29.
- ⁶⁴ Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР от 06.05.1957 // Справочник партийного работника. Вып.1. С.397–398.

- ⁶⁵ Бурлацкий Ф. Заметки об идейной жизни в вузах // Коммунист. 1957. № 7. С.119. Автором была предложена и предпочтительная модель реагирования: «В партийном Бюро Казанского университета стало известно, что один из студентов 4-го курса физико-математического факультета, комсомолец, часто высказывает путаные, сбивчивые мнения. У него были неверные представления о политике партии и Советской власти, о решениях, которые сыграли большую роль в социалистическом развитии нашей страны. Секретарь партийного бюро, преподаватель кафедры истории КПСС, в беседах с ним и наедине и в присутствии других студентов ответил на многие вопросы, ответил по партийному, принципиально и правдиво, обращая внимание на суть дела, на успехи в решении коренных проблем социалистического строительства в СССР, но и не замалчивая недостатков, трудностей, которые преодолевались, преодолеваются и сейчас. После бесед, когда на все вопросы были даны исчерпывающие ответы, этот студент искренне сказал: «Какая же у меня в голове была теоретическая каша! Но почему на семинарах нам никогда не разъясняли эти вопросы, не рассеивали возникавшие у нас сомнения?»» (С.118).
- ⁶⁶ Бойцов И. О соблюдении требований устава КПСС при решении вопросов о членах партии // Там же. № 8. С.71.
- ⁶⁷ ЦХСД. Ф.4. Оп.16. Е.х.238 (р.3305). Л.34.
- ⁶⁸ ЦАОДМ. Ф.1934. Оп.6. Е.х.67. Л.4.
- ⁶⁹ Хрущев С.Н. Указ. соч. С.221.
- ⁷⁰ Барсуков Н. Обратная сторона «оттепели»: Историко-документальный очерк // Кентавр. 1993. № 4. С.138.
- ⁷¹ См. также финал процитированного сюжета из мемуаров Буковского: «<...> Директора сняли с работы, отцу дали выговор по партийной линии, школу вычеркнули из какого-то там межрайонного соревнования» (С.100).
- ⁷² Интервью с А.Бабеншевым // Архив НИПЦ «Мемориал». Ф.162. (Коллекция «Устная история»). Отметим, что и Британишский, и Бабеншев вспоминают о волнениях студенчества в Питере и Москве как об общегородских явлениях.
- ⁷³ Клейман Н. Финал еще открыт... // Искусство кино. 1994. № 10. С.6.

*Николай Костенко,
Геннадий Кузовкин,
Сергей Лукашевский,
(Москва)*

«ВРЕД, НАНЕСЕННЫЙ ВАМИ, НАДО ИСПРАВИТЬ, СТЕРЕТЬ, ИЗГЛАДИТЬ!»

К публикации «Заявления» группы архиереев
Русской Православной Церкви

ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.129–133.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ,
СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЮ

Группы архиереев Русской
Православной Церкви

Заявление

ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО!

18 июля 1961 г. состоялся Архиерейский собор, утвердивший «впредь до созыва очередного Поместного Собора Русской Православной Церкви» журнальное постановление Священного Синода от 18 апреля 1961 г. о мерах по улучшению существующего строя приходской жизни и по приведению его в соответствие с гражданским законодательством о религиозных объединениях в СССР.

Прошло с тех пор уже более трех лет, а Поместного собора нет, и трудно предвидеть, когда он может собраться, так как в современной практике русской церковной жизни очередных Поместных соборов пока не существует.

Между тем утвержденные на Архиерейском соборе меры по улучшению строя приходской жизни, как показала трехлетняя практика применения их, привели не к улучшению, а к еще большему расстройству церковно-приходской жизни.

Это внушает нам глубокую тревогу за дальнейшие судьбы Русской Православной Церкви, вверенной на данном историческом отрезке времени водительству ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА вместе с Епископатом нашей Св. Церкви.

Нужно признать, что принятые на Архиерейском соборе 1961 г. решения о мерах по улучшению строя приходской жизни оказались в несогласии с канонической структурой Церкви, а также не привели его в соответствие с гражданским законодательством и даже создали еще большие несоответствия в этих областях.

Такое признание, во-первых, вытекает из того, что, при ссылке на апостольский пример разделения обязанностей, на Соборе 1961 г. было умолчано о важнейшем его условии — избирать для хозяйственных дел только «изведанных» братьев, «исполненных Духа Святого и мудрости» (Деян. 6, 3), и что на избранных семь мужей апостолы возложили руки (Деян. 6, 6), утвердив этим актом их избрание и подчеркнув единство иерархического принципа при разделении функций.

Совсем принципиально иное наблюдается сейчас в результате соборного решения и в порядке избрания и в деятельности церковно-приходских советов.

Это видно из того, что в вопросе избрания церковных советов совершенно игнорируется церковно-каноническая прерогатива Епископа преподавать благословление на работу выборных представителей церковной общины.

Далее, избрание и деятельность приходских советов происходит теперь не только без участия настоятелей, но во многих случаях им запрещается даже присутствовать на собраниях двадцатки и вообще давать какие-либо советы членам церковно-приходского совета, квалифицируемые как «вмешательство» в хозяйственные дела прихода, «запрещенное постановлением собора».

Во-вторых, мы не за то, чтобы настоятели распоряжались финансами и хозяйством прихода — для этого избираются церковно-приходские советы, — но мы считаем совершенно необходимым, чтобы настоятель был полноправным членом приходской общины, как требует того церковно-каноническая сторона дела и что находится в полном согласии с нашим гражданским законодательством.

Конечно, параграф «Положения об управлении Русской Православной Церкви», принятого на Поместном соборе 1945 г., согласно которому настоятели по своей своей должности являлись уже и председателями церковных советов, нельзя было считать не противоречащим законодательству о религиозных объединениях в СССР, хотя следует напомнить, что «Положение» в свое время через Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР было согласовано с Правительством. Однако, основываясь на принципиальных положениях и правовых нормах, действующих в нашем государстве, мы считаем, что лишение нашего духовенства права участвовать в выборах и быть избираемым по желанию прихо-

жан в председатели церковно-приходских советов является нарушением основных законов Советского государства.

Известно, что на VIII Чрезвычайном съезде Советов в 1936 г. при обсуждении ст.135 проекта Конституции была отвергнута поправка, предлагавшая не предоставлять или, во всяком случае, ограничить в избирательных правах служителей культа.

С тех пор духовенство уравнено в правах со всеми гражданами Советского Союза, и не может быть законным такое положение, когда священнослужитель, пользующийся полнотой избирательных прав в государственной жизни, лишался бы этих прав в церковно-приходской жизни, каковыми он пользовался в этой области еще с первых дней существования Советского государства.

Хорошо известно, что по инициативе В.И. Ленина, придававшего исключительно большое значение вопросам законности, всеми вопросами, связанными с проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства, занимался V-й Отдел Народного Комиссариата Юстиции. Он давал руководящие разъяснения по всем вопросам, касающимся правового положения духовенства и религиозных организаций. Одно из этих разъяснений было прямо посвящено интересующему нас вопросу: имеет ли право священник быть председателем церковного совета. В разъяснении было определенно указано, что священник может быть председателем церковного совета и председателем собрания верующих, если последними он будет избран в председатели. (Разъяснение Наркомюста от 7 июля 1924 г. за № 17736. См. проф. Гидулянов. Отделение церкви от государства. Москва, 1924 год, стр. 126).

Если священник в то время, когда он был «лишенцем», имел право по избранию верующих быть председателем церковного совета, то не может быть и речи, чтобы он не имел этого права, когда стал полноправным гражданином Советского Союза.

Мы просим ВАШЕ СВЯТЕЙШЕСТВО в срочном порядке изыскать пути к исправлению ненормального положения, несогласного как с церковными канонами, так и с гражданским законодательством, в котором оказалось наше духовенство после Архиерейского собора 1961 г.

Таким путем мог бы быть созыв Поместного или Архиерейского собора ко дню 20-летия ВАШЕГО Патриаршего служения.

Но ввиду бесспорности вопроса, а также несомненности того, что ни один Епископ не может протестовать против восстановления духовенства в его законных правах, мы считаем, что имеющее место ненормальное положение может быть в ближайшее время, еще до созыва Собора, исправлено и путем специального разъяснения со

стороны ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА на имя Преосвященных Архиереев, предварительно согласованного с Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР о том, что духовенство может наравне со всеми верующими гражданами вступать в члены церковных двадцаток и настоятели храмов могут по желанию верующих избираться в председатели церковно-приходских советов, чем будут, не нарушая демократичности структуры приходского устройства, восстановлены законные права духовенства в полном согласии с нашим гражданским законодательством.

ВАШЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА

с сыновней любовью смиренные во Христе
сослужители

Ермоген, Архиепископ Калужский и Боровской
Вениамин, Архиепископ Иркутский и Читинский
Михаил, Архиепископ Казанский и Марийский
Леонид, Архиепископ Пермский и Соликамский
Феодосий, Архиепископ Пензенский и Саранский
Павел, Архиепископ Новосибирский и Варнаульский
Никон, Епископ Рижский и Латвийский
Григорий, Арх. Мукачевский и Ужгородский
Нестор, Еп. Черниговский и Нежинский
Гавриил, Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский

* * *

Публикуемое выше «Заявление» группы архиереев было подано патриарху Алексию I летом 1965 г.. Десять епископов поставили свои подписи под прошением к главе Русской Православной Церкви пересмотреть решения Архиерейского Собора 1961 г., который, безропотно одобрил поправки к «Положению об управлении РПЦ», еще раз подтвердил, что только подчинение воле государства является залогом самого существования Церкви в СССР. Новый «конкордат» был заключен на гораздо худших условиях, нежели при Сталине. Власти получили возможность, ссылаясь на новое Положение, контролировать жизнь каждого прихода вплоть до мелочей. Церковно-приходской совет, главой которого вместо священника становился староста, наделялся всеми административно-хозяйственными и финансовыми полномочиями, включая выбор священнослужителя. Священник терял право быть членом совета, и за ним оставалось лишь духовное руководство общиной.

«Заявление» группы архиереев, в котором утверждалось, что такая ситуация противоречит и церковным канонам, и советскому законодательству, — один из немногих документов, вышедших из церковной среды и посвященных гражданским правам духовенства в атеистическом государ-

стве. Насколько нам известно, публикуемая петиция епископов — *единственная* за всю послевоенную историю РПЦ.

Коллективное выступление архиереев произошло на фоне «гармонизировавшихся» отношений руководства РПЦ с государством. Приход к власти Брежнева положил конец крайностям хрущевской антирелигиозной кампании, и не исключено, что петиция — пробный шар, пущенный, чтобы проверить, насколько далеко простирается «либерализм» властей.

О существовании «Заявления» стало известно церковной общественности не только в СССР, но и на Западе, где в нем поспешили увидеть свидетельство того, что ряд иерархов противостоит политике патриархии в ее взаимоотношениях с государством.

Автором этого документа и сборщиком подписей был архиепископ Ермоген.

Алексей Степанович Голубев (в монашестве Ермоген¹) родился 3(15) марта 1896 г. в Киеве в профессорской семье. Его отец и дед по матери были известными историками церкви, преподавали в Киевской духовной академии и Киевском университете.

С отличием окончив в 1915 г. знаменитую Первую киевскую гимназию², А. Голубев поступил в Московскую духовную академию, ректором которой был авторитетный церковный деятель, знаток канонического права епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), и закончил ее со степенью кандидата богословия уже во время гражданской войны. В 1919 г. он был пострижен в монашество и принял имя Ермоген. Выбор этого славного в русской истории³ имени позволяет предположить стремление Ермогена к активному церковному служению.

21 июня 1919 г. архиепископ Феодор рукоположил Ермогена в сан иеродиакона в Московском Даниловом монастыре⁴. В сентябре 1920 г. патриарх Тихон перевел Ермогена в Киевскую епархию, где он был принят в братию Киево-Печерской лавры. На Украине тогда шла борьба со сторонниками выделения в автокефалию Украинской Православной Церкви, и, видимо, молодой иеродиакон удачно проявил себя в этой непростой обстановке. Достоверно известно, что в 1921 г. патриарх Тихон отменил установленную в 1918 г. автономию УПЦ и в том же году в Малом Успенском соборе в Москве рукоположил Ермогена в сан иеромонаха. С января 1922 г. Ермоген — член Духовного Собора Киево-Печерской лавры, а спустя всего полгода в Великой церкви в Киеве экзархом Украины митрополитом Михаилом (Ермаковым) возведен в сан архимандрита и назначен Киевским епархиальным миссионером. В тридцать лет архимандрит Ермоген по избранию братии утверждён патриархией настоятелем Киево-Печерской лавры.

Через несколько лет духовное служение Ермогена прервалось, и долгие годы он разделял трагическую участь большинства священнослужителей в СССР. 27 января 1931 г. он был осужден в Киеве Судебной коллегией ОГПУ по ст. 58 за «антисоветскую деятельность» на 10 лет

лагерей. В январе 1939 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР Ермогена помиловали, но к служению он возвратился лишь в 1945 г. в Астраханской епархии, глава которой архиепископ Филипп (Ставицкий) сам был назначен на кафедру после освобождения из заключения. Восемь лет Ермоген служил настоятелем в нескольких храмах⁵, а в январе 1953 г. постановлением патриарха Алексия I и Священного Синода хиротонисан во епископа и назначен на Ташкентскую и Среднеазиатскую епархию.

Именно здесь, в период хрущевских гонений на Церковь, служение Ермогена сделало его заметной фигурой в епископате РПЦ. Он упорядочил епархиальные финансы, помогал священникам, не боялся рукополагать и назначал на церковные должности людей, имевших судимость по ст. 58. Ему удалось не только избежать закрытия храмов, но и отремонтировать несколько церквей. Главным же делом стала перестройка Ташкентского кафедрального собора — одно из крупнейших церковных строительств послевоенного времени. Труды главы епархии были оценены патриархом: в 1958 г. Ермоген возведен в сан архиепископа. Но многочисленные доносы и жалобы, в том числе и из ЦК компартии Узбекистана, тон которых становился все резче и нетерпимее, возымели наконец свое действие, и 15 сентября 1960 г. патриархия под нажимом Совета по делам РПЦ вынуждена была отправить неугодного власти архиепископа за штат, определив местом пребывания Жировицкий Успенский монастырь.

Законник

«Осложнения», выражаясь слогом патриархии, которые возникали у Ермогена в возглавляемых им епархиях (в Ташкенте, а затем в Омске — 1962–1963 гг. и Калуге — 1963–1965 гг.), в немалой степени связаны с тем, что свои взаимоотношения с властями он пытался строить, апеллируя к законодательству. Избранная им манера поведения вызывала крайнее недовольство властей, которые сами рядились в тогу блюстителей законности. Осенью 1958 г. началась мощная антирелигиозная кампания, и неугодных священнослужителей в целях дискредитации обвиняли именно в нарушении советских законов⁶. Пострадало даже высшее духовенство: были осуждены архиепископы Казанский Иов (Кресович) и Черниговский Андрей (Сухенко).

Возможность противостоять беззаконию, прикрывавшемуся ссылками на закон, Ермоген видел в доскональном изучении законодательства и в правовом просвещении духовенства. 24 марта 1960 г. Священный Синод рассмотрел и одобрил представление Ермогена «о сборнике законов и распоряжений, касающихся правового положения Церкви и духовенства»⁷. Можно предположить, что к тому моменту он уже составил такой сборник для распространения в своей епархии⁸. К слову сказать, непосредственным поводом перевода архиепископа за штат было требование к уполномоченному Совету по делам РПЦ соблюдать законный порядок при закрытии одного из молитвенных домов.

В 1961 г., уже будучи в Жировицком Успенском монастыре, Ермоген написал письмо председателю Совета по делам РПЦ В. Куроедову, где на законных основаниях потребовал своей «реабилитации». А в 1962 г., обобщив собственный опыт и собрав случаи незаконных притеснений верующих со стороны местной администрации в других епархиях, Ермоген направил пространное письмо Хрущеву, в котором отверг огульные обвинения духовенства в нарушении религиозного законодательства. Более того, он обратил внимание главы государства на то, что представители администрации гораздо чаще, нежели духовенство, вступают в противоречие с законом, и указал, какие именно положения законодательства и постановлений партии и государства нарушаются. После необходимых реверансов перед властью он привел длинный список вопиющих нарушений уполномоченными Совета по делам РПЦ законов, который, по сути, разворачивался в картину повсеместного административного произвола. Причина «ненормальной» ситуации, по мысли Ермогена, коренилась в отсутствии инструкции, регулирующей взаимоотношения уполномоченных с архиереями и религиозными объединениями. «Такая инструкция для служебного пользования уполномоченных, архиереев и религиозных объединений крайне необходима,— писал Ермоген,— и отсутствие ее создает богатую почву для административного усмотрения уполномоченных, в результате чего один уполномоченный предъявляет одни требования, другой другие; один уполномоченный видит нарушение закона в том, в чем не усматривает его другой, и наоборот. И, как свидетельствуют факты, нарушение Советского законодательства о культах именно со стороны уполномоченных стало нормой их деятельности»⁹.

Твердость Ермогена в отстаивании своей самостоятельности как главы епархии, нежелание безоговорочно подчиняться уполномоченному обрели отчетливые формы — апелляция к праву и использование писем и петиций. Отметим, что и послание Хрущеву Ермоген начал, подчеркнув значение «жалоб и писем населения». Как метод противодействия произволу властей петиции часто использовались верующими, однако для правящего архиепископа поддерживать такие формы общественной активности в своей епархии — шаг довольно смелый. В Омске Ермоген едва не оказался на скамье подсудимых, посоветовав одной из верующих «обратиться с жалобой в Совет Министров СССР от имени прихожан церкви». Более того, он «составил <...> текст заголовка для сбора подписей верующих», «отпечатал <...> в своей канцелярии»¹⁰ и рекомендовал отвезти в Москву. В конце концов Ермоген был привлечен лишь в качестве свидетеля, но суд вынес в отношении него частное определение¹¹. Впоследствии и светские, и церковные власти предержавшие не раз напоминали ему, что тогда они спасли его от суда и всего лишь перевели в Калугу.

Калужский уполномоченный Совета по делам РПЦ отметил «законничество» уже как характерную черту Ермогена: «Считая себя знатоком

советского законодательства, главным образом, по вопросам религиозных культов, архиепископ Ермоген при каждом благоприятном случае старается давать толкование нашим советским законам с выгодных ему позиций или вообще не признавать имеющиеся положения, вытекающие из требований советского законодательства»¹².

Репутация архиерея, стойко противостоящего давлению властей, привлекла к нему молодых священников, искавших пути к изменению ситуации внутри Церкви. О. Александр Мень писал к нему с просьбой духовного наставничества. Оо. Николай Эшлиман и Глеб Якунин не раз приезжали в Калугу и говорили с владыкой о необходимости реальных действий. Они надеялись обрести в нем руководителя, епископа, имеющего вес и авторитет в Церкви. Ермоген, видимо, отнесся к ним с доверием и сообщил, что написал письмо, в котором настаивает на пересмотре «Положения об управлении РПЦ», и собирает под ним подписи епископов.

Петиция

В «Заявлении» говорилось, что документ этот — «плод глубокого изучения церковного и советского права»¹³, предлагалось «при согласовании с Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР»¹⁴ издать специальное разъяснение о возможности участия духовенства в церковных советах. Этим можно было бы привести практику церковной жизни в соответствие с церковным и гражданским законодательством, а следовательно, пересмотреть «Положение об управлении РПЦ», нарушавшее гражданские права священников.

Апелляция к Праву вводит «Заявление» в контекст тех общественных выступлений 1965 г. (с ними принято связывать начало правозащитного движения в СССР), в которых борьба с произволом уже сознательно облекается в форму требования к властям соблюдать ими же принятые законы. И все же один существенный момент коренным образом отличает его от правозащитных выступлений середины 60-х. Если последние были принципиально *гласными* и порой адресовались *исключительно* к общественному мнению, в том числе и международному, то Ермоген уповал на метод «тихой дипломатии». Он решил лишь инициировать исправление «ненормального» положения, в котором оказалось духовенство после Архиерейского Собора. По словам Ермогена, патриарх благословил его¹⁵. Ссылаясь на это благословение¹⁶, он стал собирать подписи архиереев под прошением к патриарху.

Сбор подписей носил случайный характер, на что указывает значительный разброс по времени подписания и разнородный состав подписантов. Последнее становится очевидным, если воспользоваться «классификацией» заместителя председателя Совета по делам РПЦ Фурова¹⁷. Архиепископ Григорий, по его мнению, относится к первой «группе» — к тем, кто «и на словах и на деле подтверждают не только лояльность, но и патриотичность

к социалистическому обществу, строго соблюдая законы о культах, и в том же духе воспитывают приходское духовенство, верующих, реально сознают, что наше государство не заинтересовано в возвышении роли религии и церкви в обществе, и, понимая это, не проявляют особенной активности в расширении влияния православия среди населения». Представители второй «группы» — архиепископы Михаил и Леонид — «стремятся к активизации служителей культа и церковного актива, выступают за повышение роли церкви в личной, семейной и общественной жизни, с помощью модернизированных или традиционных концепций, взглядов и действий подбирают на священнические должности молодежь, ретивых ревнителей православного благочестия». Епископ Никон же из тех, у кого «в разное время проявлялись и проявляются попытки обойти законы о культах, некоторые из них религиозно-консервативны, другие способны на фальсификацию положения в епархии и сложившихся отношений к ним органов власти, у третьих — замечены попытки подкупа уполномоченных и клеветы на них и на должностных лиц местных органов власти». Подобную разнородность состава подписантов можно рассматривать как косвенное свидетельство в пользу того, что Ермоген собирал подписи, подкрепляя это ссылкой на патриарха. Однако к моменту, когда заявление попало к патриарху, видимо, и ему и его окружению стало ясно, что государство не склонно к каким-либо переменам в сложившемся положении¹⁸.

В своей резолюции, датированной 5 августа 1965 г., патриарх просил Священный Синод вызвать Ермогена и «указать ему на незаконность организации групп архиереев». Собственно содержанию заявления внимание было уделено как бы мимоходом: «Кроме того (курсив наш.— Авт.) <...> решение архиерейского Собора 61 г. имеет свою давность и вошло в жизнь, не вызывая в настоящее время каких-либо осложнений и возражений»¹⁹. Патриарх, похоже, стремился максимально ограничить негативные последствия, которые могло вызвать письмо, представить его исключительно внутрицерковным документом, предугадывая или уже зная, что Совет расценит петицию как опасный прецедент. Внешне достаточно жесткая резолюция на самом деле преследовала цель минимизировать последствия «Заявления»: в нужный момент можно было бы отрапортовать, что необходимые внушения сделаны и более что-либо предпринимать не следует.

Буквально на следующий день появился рапорт архиепископа Григория, в котором он просит у патриарха прощения и снимает свою подпись под заявлением. Через несколько дней, 10 августа, отказался от подписи епископ Нестор.

2 сентября митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен в присутствии членов Синода митрополита Киевского Иоасафа, митрополита Ленинградского Никодима и архиепископа Таллинского Алексия зачитал Ермогену резолюцию патриарха. Ему было настоятельно предложено отказаться от заявления и снять свою подпись²⁰. В своем письме «Пресвящен-

ным — постоянным членам Священного Синода» от 3 сентября²¹ Ермоген взял всю ответственность за инициативу и текст заявления на себя, в целом обосновывая законность своих действий, но признав ошибочным и прося у патриарха прощения лишь за надписание заявления «от группы архиереев». Он сообщил также, что «во избежание всяких кривотолков, имеющийся у меня подлинник заявления будет мною показан Председателю Совета Владимиру Алексеевичу Куроедову».

В. Куроедов в своем отчете в ЦК КПСС «О некоторых отрицательных явлениях в русской православной церкви» (1967)²² сообщает иное число подписантов (восемь) и пишет: «<...> впоследствии семь епископов отказались от своих подписей, заявили о несогласии с содержанием петиции и выразили полную приверженность патриарху»²³. Если учесть, что Совет по делам религий к этому моменту располагал подлинником заявления, то можно лишь предположить, что из числа подписавшихся были исключены архиепископ Григорий и епископ Нестор, которые сняли свои подписи, как только стало известно о негативной реакции патриарха. В дальнейшем их имена не назывались и не учитывались при указании числа подписавшихся. Таким образом осталось восемь подписантов²⁴. Сообщая в победной реляции о том, что свои подписи сняли семеро, В. Куроедов лукавил — только два из известных нам объяснений с патриархией можно квалифицировать как отказ от подписи, архиепископы Павел и Михаил открестились от участия в каких бы то ни было группах, но не от идей, изложенных в «Заявлении». Вызывает сомнение, что эти иерархи дали объяснения по собственной инициативе. Письма архиепископов датированы ноябрем, причем с интервалом в два дня, а то что спустя несколько дней (24 ноября) появляется «Прошение» Ермогена о перемещении его на другую кафедру, во всяком случае заслуживает внимания.

Судя по всему, в патриархии на упоминание о «Заявлении» было наложено табу, поскольку ни тогда, ни впоследствии оно ни разу не вменялось в вину Ермогену, в то время как жалобы из Калужского облисполкома на его «противозаконные» действия в епархии объявлялись «беспрецедентными», назывались последней каплей, переполнившей чашу терпения властей.

В «Прошении» Ермоген тоже ни словом не обмолвился о «Заявлении». Он не согласился с предъявленными ему обвинениями, хотя признал невозможность дальнейшего пребывания в Калуге, и главное, — просил не об отпуске, а о перемещении «на другую епархию»²⁵ (курсив наш. — Авт.). Уже на следующий день вышло постановление Священного Синода, освобождавшее его от управления епархией и, «ввиду того, что в настоящий момент нет соответствующей вакантной кафедры»²⁶, отправлявшее Ермогена на покой в Жировицкий Успенский монастырь.

Документ мог так и остаться известным только незначительному кругу непосредственно причастных людей. Однако увольнение Ермогена было воспринято теми, кто уважал его за стойкость в отношении уполномо-

моченных и сочувствовал его попыткам инициировать пересмотр «Положения об управлении РПЦ», как гонение на одного из достойнейших иерархов РПЦ.

Священники Н. Эшлиман и Г. Якунин в «Письме епископам Русской Церкви» излагали содержание «Заявления» и подробности увольнения Ермогена. Священники утверждали, что «действия церковной власти, направленные на пресечение церковно-полезной деятельности архиепископа Ермогена, были продиктованы руководством Совета²⁷ <...> Святейший патриарх, через управляющего делами Московской патриархии Архиепископа Таллинского, изъявил Архиепископу Ермогену пожелание, чтобы Преосвященный Владыка подал прошение о предоставлении ему длительного отпуска *без указания срока*²⁸, при этом Архиепископу Ермогену дано было понять, что пожелание патриарха вызвано настоятельным требованием руководства Совета, которое использовало для этой цели несостоятельные жалобы председателя Калужского облисполкома».

По иронии судьбы именно это открытое письмо, опубликованное на Западе, сделало широко известными события, связанные с «Заявлением» десяти архиереев. Само же оно не стало событием религиозного самиздата.

На покое

В постановлении Синода увольнение мотивировалось отсутствием «в настоящий момент вакантной кафедры». Шло время, освобождались кафедры, однако о Ермогене не вспоминали. В двух заявлениях и «Объяснительной записке»²⁹, направленных в патриархию, он доказывал необоснованность своего пребывания за штатом, но безрезультатно, — назначения не последовало.

Ровно через два года после синодального постановления, 25 ноября 1967 г., Ермоген направляет заявление патриарху, в котором расставляет все точки над «і», и в первую очередь, в своих взаимоотношениях с ним. После Ташкента и Омска Ермоген вряд ли мог оставаться правящим архиереем без патриаршего покровительства. Владыка был вхож к Алексию, принимавшему его даже на отдыхе. Сложилось мнение, что Ермоген близок к патриарху и даже имеет на него влияние. Насколько такое мнение оправданно, сказать трудно. Ермоген неустанно повторял, что патриарх одобрил его замысел и даже благословил на сбор подписей. Представить, что архиепископ ссылался на одобрение Алексия, не получив хотя бы намека на него, почти невозможно. Неожиданная легкость, с которой Ермоген согласился подать прошение о переводе после неудачи с петицией, находит свое объяснение только в ноябрьском заявлении. Оказывается, он получил заверения патриарха, что будет назначен на кафедру «в ближайшее время»³⁰, когда страсти улягутся. Прошло два года, но Алексей не выполнил данное им обещание. И Ермоген решился открыто сказать, что «патриарх лишен возможности сохранять верность

своему слову»³¹, и назвал причину — неприемлемое, по церковным канонам и советским законам, вмешательство Совета по делам РПЦ в деятельность патриархии.

Внесение в открытый документ конфиденциального обещания патриарха, обвинение в нарушении канонов Церкви — означало отказ архиепископа от попыток кулуарной постановки вопросов, от методов «тихой дипломатии». Само назначение его на кафедру, пишет он, нужно не для реализации личных амбиций, в чем его позднее неоднократно обвиняли, а для «восстановления канонического правопорядка»³².

Кроме того, в «Заявлении» от 25 ноября 1967 г. Ермоген впервые поднимает тему неканоничности практики «назначения» епископов, принятую в патриархии. В год 50-летия восстановления патриаршества он считает уместным обратиться к опыту Поместного Собора 1917–1918 гг., который «восстановил канонический порядок избрания епископов»³³. Этот вопрос подробно рассмотрен им в «Историко-канонической и юридической справке “К пятидесятилетию восстановления Патриаршества”», которая уже сознательно распространялась Ермогеном и в конце 1967 г. появилась в парижском «Вестнике РСХД» вместе с заявлением патриарху от 25 ноября 1965 г. Действительно, как высказался архиепископ Алексей (Ридигер)³⁴, преосвященный последовал опыту оо. Н. Эшлимана и Г. Якунина. Более того, теперь Ермоген сам говорил, «что это — единственный путь, дающий надежду на рассмотрение вопросов»³⁵.

Патриархия пыталась представить дело так, будто Ермогеном движет лишь желание занять кафедру. В резолюции патриарха на ноябрьское «Заявление» говорилось: «В настоящее время дело обстоит так, что настроение Преосвященного, как видно по тону и характеру его заявления³⁶, не дает надежды на то, что не будет повторения того, что было у него в Ташкенте, Омске и Калуге, и потому от него самого зависит дать возможность Синоду прекратить его пребывание на «покое» и назначить его на Епархию»³⁷.

В начале января 1968 г. Ермоген приехал в патриархию, где передал управляющему делами митрополиту Алексию (Ридигеру) свою «Историко-каноническую справку», хотя к этому времени она была опубликована на Западе. Ему было выговорено за обращение к установлениям Поместного Собора 1917–1918 гг. и за намерение распространить «Справку» среди епископата и церковной общественности, и даже за возможное появление ее в западной печати: «Можете ли вы, как архиерей РПЦ и гражданин Советского Союза, пойти на то, чтобы ваши справки были подобным образом использованы в грязной борьбе против Советского Союза и нашей Церкви?» Получив от Ермогена обещание впредь не распространять свои работы, митрополит Алексей не знал еще о том, что не только «Справка», но и ноябрьское «Заявление» уже опубликованы на Западе, однако написал подробный отчет о беседе в Совет по делам

религий, который заключил: «Думается, что после получения новых материалов от арх. Ермогена и их изучения — следовало бы его пригласить в Москву и иметь с ним беседу, чтобы погасить его пыл, так как распространение любых материалов за его подписью не будет полезно»³⁸.

Вряд ли Ермоген не осознавал, что после публикации в «антисоветском реакционном» журнале никакого разговора о назначении его на кафедру быть не могло, но в ходе беседы дал ясно понять: «Заявление» и «Справку» он предал гласности вследствие незаконного отстранения его от служения, поскольку иные способы добиться справедливости успеха не имели. Увещевания управляющего делами, конечно, же были впустую: «Поверьте, что не пользу, а явный вред наносите вы и церкви, и себе самому, когда даете за своей подписью такой материал нашим врагам, а те тенденциозно его используют в своей антисоветской пропаганде. Вы сами закрываете себе дорогу на кафедру, и пеняйте только на себя, только себя обвиняйте в том, что вы находитесь на покое»³⁹. Ни о назначении на епархию, ни даже о встрече с патриархом Ермоген просить не собирался, что и констатировал митрополит Алексей: «Хотя сам архиеп. Ермоген не просил такового приема, а поставил вопрос таким образом — “если Святейший меня захочет повидать, я с удовольствием у него буду”. Докладывая патриарху о встрече с архиепископом Ермогеном, я поставил этот вопрос перед патриархом, но Святейший не высказал желания видеть архиеп. Ермогена и высказал свое мнение, что, если он будет продолжать свою подобную деятельность, придется принять в отношении его какие-то меры»⁴⁰.

Совет пытался использовать и другие пути воздействия на строптивого архиепископа, в том числе и через близкую к патриарху фигуру — его личного секретаря Д. Остапова. Вызванный в Совет Остапов обещал уговорить Ермогена принести патриарху покаяние.

Но Ермоген и не думал оставлять в покое патриархию: на очередной встрече с управляющим делами Ермоген сообщает ему о своих новых планах — писать на имя патриарха и Синода докладную с предложением выработать статус Русской Православной Церкви и, кроме того, подготовить и направить в Юридическую комиссию Совета Министров документ о правовом положении Церкви. Синоду пришлось-таки рассмотреть его дело.

Поскольку еще в ноябрьском «Заявлении» Ермоген отрицал право Синода наказывать архиереев за проступки, на заседание 30 июля он, видимо, приехал только для того, чтобы публично изложить свои взгляды. Патриарх не присутствовал, но его «периодически информировали о ходе заседания», которое вел митрополит Алексей. Он же выступил с пространством докладом, посвященным деятельности Ермогена, наносящей вред Церкви и несостоятельности «Историко-канонической справки». Опальный архиепископ в меру сил отвечал на обвинения членов Священного Синода, но вряд ли он ожидал, что нападки на него будут столь резкими и огульными: от «безразличия к порученному делу и беспринцип-

ности» до «нарушения законов» и даже «потворства карловчанам!» «Вред, нанесенный вами, — говорил митрополит Алексий, — надо исправить, стереть, изгладить!» Ему вторил митрополит Пимен (Извеков)⁴¹, утверждавший, что Ермоген «дает оружие в руки наших врагов»⁴². Дело кончилось тем, что Ермоген еще раз пообещал не распространять свои произведения, но не признал их вредоносность для Церкви. Выпущенное в тот же день официальное постановление Синода гласило: «<...> по-своему истолковывал свое увольнение и выражал устно и письменно недовольство постановлением Священного Синода и при этом тенденциозно излагал некоторые стороны церковной жизни; в отношении Святейшего патриарха, Священного Синода и других Преосвященных архиереев выражал недопустимую несдержанность <...> рассылал письма, вносящие соблазн в течение церковной жизни, с целью оказать влияние на высшую церковную власть в нужном ему направлении»⁴³.

Власти тревожились по поводу Ермогена еще некоторое время и после постановления Синода. В сообщениях «доброжелателей» и в секретных информационных документах Совета по делам религий сообщалось о паломниках, приезжающих в Жировицкий монастырь к Ермогену получить «благословение и наставления»⁴⁴, о многочисленных письмах, отправляемых и получаемых им в основном с оказией, высказывались предложения о переводе его в более отдаленную обитель.

Последний документ, написанный архиепископом Ермогеном, которым мы располагаем, датирован 1970 г. Никаких сведений о его дальнейшей деятельности вплоть до смерти в Жировицком монастыре 9 апреля 1978 г. в нашем распоряжении нет. Он продолжал следить «за нашим законодательством и как оно на деле осуществляется». Об этом свидетельствует хотя бы то, что на 1969 г. им были выписаны «газеты “Правда” и “Известия” и *семь* (курсив наш. — Авт.) юридически-правовых журналов»⁴⁵. Но нам неизвестно, как откликнулся владыка на Архиерейское совещание и Поместный Собор 1971 г., где вновь в центре внимания оказалось «Положение об управлении РПЦ»⁴⁶. В «Великопостном письме Патриарху Пимену» 1972 г., осуждая патриархию за молчание о гонениях, А. Солженицын упомянул Ермогена, но, быть может, архиепископ счел свою задачу выполненной — постановление Синода сделало очевидным то, что он был отправлен в Жировицкий монастырь не по доброй воле. Возможно, продолжать сопротивление было уже слишком тяжело для его преклонных лет. Не исключено также, что он прекратил свою деятельность, сочтя ее бесполезной или опасаясь усиления преследований после жесткого синодального постановления.

Многие претендующие на полноту работы, которые затрагивают историю Церкви в новейший период, сообщают о «Заявлении» десяти архиереев и называют Ермогена его автором и инициатором. Однако ни в одной из известных нам работ не упоминается о публикации этого

документа. Судя по всему, авторы в большинстве своем приводят сведения о «Заявлении» и его инициаторе, опираясь не на оригинальный текст. Это позволяет нам предположить, что документ не был опубликован. Изложение и трактовке событий вокруг петиции присущи определенный схематизм и неточности, неизбежные при недостаточном внимании к личности ее автора. Неординарность Ермогена не исчерпывается его стойкостью по отношению к гонениям на Церковь и к преследованиям властей. «Хрущевский ренессанс» невольно способствовал пробуждению правосознания у некоторой части общества, хотя бы потому, что вполне прагматическая цель — поставить под жесткий контроль огромную репрессивную машину — прикрывалась декларациями о «восстановлении социалистической законности». До сих пор неразвитость правосознания характерна для общества в целом, а в то время призывы пионеров правового просвещения — Э.С. Орловского и А.С. Есенина-Вольгина — понимать законы так, как они писаны, а не так, как их трактует начальство, тем более не воспринимались всерьез. Ермоген принадлежал к числу немногих, начавших самостоятельно изучать законы и апеллировать к их букве. Представляется нетривиальной, в особенности для церковной среды, и, пожалуй, достойна отдельного исследования его сознательная опора на Право в отстаивании своей позиции.

Ныне Церковь свободна от диктата извне, а Поместный Собор 1988 г. фактически внес в «Положение о РПЦ» все те изменения, за которые выступал и пострадал архиепископ Ермоген. Тем прискорбнее, что в изданном по благословению патриарха «Учебнике для православных духовных семинарий» ни слова не говорится о том, что претерпел Ермоген за «предложения <...> продиктованные, — как пишет автор учебника протоиерей В. Ципин, — искренней тревогой за состояние церковных дел»⁴⁷.

Примечания:

¹ В некоторых источниках Гермоген.

² Авторы благодарят историка Дм. Зубарева за то, что он обратил наше внимание на воспоминания выпускника гимназии Е.Б. Букреева о своем однокласснике Михаиле Булгакове, позволяющие составить представление о репутации семьи будущего архиепископа: «В то же время у нас учились <...> два брата Голубевы — сыновья невероятно черносотенного профессора Духовной академии. Конечно, Булгаков не был с такими ярыми черносотенцами» (*Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С.25*). Оценки Букреева следует принимать с некоторой поправкой, поскольку с гимназического возраста и до преклонных лет он оставался убежденным анархистом. В Первой гимназии одновременно с А.С. Голубевым учились помимо Булгакова Константин Паустовский и братья Георгий и Леонид Пятаковы — будущие руководители украинских большевиков.

³ Патриарх Ермоген (1606–1612), чьи призывы «всею землею обще стать» сыграли огромную роль в формировании народного ополчения против интервен-

- ции Речи Посполитой, принял смерть в темнице и стал первым и единственным до недавнего времени патриархом, причисленным к лику святых. Архиепископ Ермоген возмущался в патриархии тем, что празднование 50-летия восстановления патриаршества не было назначено на день памяти святителя.
- ⁴ Отметим, что владыка был сторонником более твердой позиции по отношению к новой власти и обновленчеству, нежели сам патриарх, а Данилов монастырь стал местом встреч его единомышленников.
 - ⁵ Напомним, что Ермоген был в сане архимандрита, который обычно имеют настоятели монастырей.
 - ⁶ Стоит добавить, что Совет по делам РПЦ даже потребовал от патриархии представить доклад о нарушении духовенством советского законодательства.
 - ⁷ К сожалению, мы не располагаем данными, было ли выполнено постановление Священного Синода от 24 марта 1960 г. о создании сборника.
 - ⁸ Среди обвинений, предъявляемых уполномоченным Совета Н. Вороничевым в справке от 29 марта 1960 г., — «фальсификация и распространение документа о положении русской православной церкви вместо официального «Положения об управлении РПЦ»» (ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.48–55).
 - ⁹ Там же. Л.82–93.
 - ¹⁰ Там же. Непрономерованный лист между л. 9 и 10.
 - ¹¹ Определение суда, обращающее внимание соответствующих организаций или должностных лиц на установленные при рассмотрении дела факты нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению правонарушений.
 - ¹² ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.7–9.
 - ¹³ Там же. Л.136–136об.
 - ¹⁴ Там же. Л.129–133.
 - ¹⁵ Этот факт никогда впоследствии не подтверждался, но и не опровергался патриархом или кем-либо из его окружения. Возможно также, что патриарх — старец весьма почтенного на тот момент возраста (87 лет) — попросту забыл о разговоре с Ермогеном и своим благословении.
 - ¹⁶ Или, по словам архиепископа Михаила, сочувственное отношение.
 - ¹⁷ Из отчета Совета по делам религии — членам ЦК КПСС (Вестник РКД. 1979. Апрель. № 130. С.278).
 - ¹⁸ Об этом свидетельствует высказывание заместителя председателя Совета по делам религий В. Куроедова — Макарецца: «Тому, кто попытается сопротивляться постановлениям о приходах, мы переломаем ноги». (*Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С.335–336). Сказано это было накануне Поместного Собора 1971 г. (на который надеялся Ермоген), утвердившего Постановление Архиерейского Собора 1961 г. о внесении изменений в «Положение об управлении РПЦ».
 - ¹⁹ ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.100.
 - ²⁰ См. письмо священников Н. Эшлимана и Г. Якунина «Епископам Русской Церкви» (Архив Самиздата. № 724. С.11 // Собрание документов Самиздата. Мюнхен: Исследовательский институт Радио «Свобода». Т.11).
 - ²¹ ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.136–136об.
 - ²² ЦХСД. Ф.5. Оп.59. Д.24. Л.2.

- ²³ В книге Л. Алексеевой «История инакомыслия в СССР: Новейший период» (Москва; Вильнюс, 1992. С.180) также утверждается, что большинство иерархов сняли свои подписи.
- ²⁴ Это же число называется в указ. письме Г. Якунина и Н. Эшлимана (С.4) и в указ. книге Л. Алексеевой (С.179–180). Протоиерей В. Цыпин в «Истории Русской Православной Церкви, 1917–1990» (Московская патриархия; Издательский дом «Хроника», 1994. С.165–166) помимо этого среди подписантов называет еще и епископа Тамбовского Михаила (Чуба), чьей подписи на самом деле нет; в списке, приводимом им, отсутствуют: архиепископы — Ташкентский и Среднеазиатский Гавриил, Пензенский и Саранский Феодосий, епископ Черниговский и Нежинский Нестор; архиепископ Мукачевский и Ужгородский Григорий назван им епископом Корсунь-Шевченковским.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.232.
- ²⁶ Там же. Оп.2. Д.455. Л.144.
- ²⁷ Совета по делам РПЦ.
- ²⁸ Курсив в тексте.
- ²⁹ Одно из заявлений — ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.144; Объяснительная записка — Там же. Л.147–148об.
- ³⁰ Архив Самиздата № 75. С.1 // Собрание документов Самиздата. Мюнхен: Исследовательский институт Радио «Свобода», 1972. Т.1.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С.5.
- ³⁴ Ныне Святейший патриарх Московский и Всея Руси.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.172–176.
- ³⁶ Имеется в виду заявление от 25.11.1967.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.171.
- ³⁸ Там же. Л.172–176.
- ³⁹ Там же. Л.212–216.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Впоследствии Святейший патриарх Московский и Всея Руси (1970–1990).
- ⁴² ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.224–244.
- ⁴³ Русская Православная Церковь в советское время: Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн.2 / Сост. Г. Штриккер. М.: ПроPILEI, 1995. С.77.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.278–278об.
- ⁴⁵ Из справки уполномоченного Совета по Гродненской области (ГАРФ. Ф.6991. Оп.7. Д.43. Л.279–281).
- ⁴⁶ На совещании архиепископ Брюссельский Василий осмелился даже выступить с критикой Постановления Архиерейского Собора 1961 г.
- ⁴⁷ Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви, 1917–1990: Учебник для православных духовных семинарий. М.: Хроника, 1994. С.166.

Статьи. Сообщения

*Елена Коробова
(Саратов)*

Ю.Г.ОКСМАН В САРАТОВЕ

1947–1957 гг.

...И все так же, не проще,
век наш пробует нас.

А.Галич

12 января 1995 г. отмечалось столетие со дня рождения Юлиана Григорьевича Оксмана. Жанр юбилея абсолютно не подходит к неординарной, всегда выбивающейся из контекста времени личности ученого, по отношению к которому верна первая часть бахтинской формулировки: «Человек всегда либо выше своей судьбы, либо ниже своей человечности».

В 1960-е гг. Оксман поставил вопрос об ответственности интеллигенции за все происшедшее, требуя процесса над «стукачами от литературы». Это отражено в его письмах к американскому слависту Г.П.Струве, опубликованных Л.Флейшманом¹, письмах, ставших одной из первых попыток прорыва «железного занавеса». В них запечатлелась вся противоречивость процессов «оттепели». Ученый писал, что «перекур» (как кто-то гениально назвал период после «рождества Хрущева» до пьяного гвалта на выставке «30 лет МОСХа») был «не показателем для общего курса литературной политики»².

Письма к Струве дают представление и о работе Оксмана как редактора: он сообщает собранные по крупицам материалы о поэтах Серебряного века, корректирует подготовку к изданию за рубежом первого четырехтомного собрания сочинений О.Мандельштама... Эта переписка стала поводом для вторичного исключения Оксмана из Союза писателей.

Сегодня обращение к судьбе ученого такого масштаба, как Оксман, необходимо не только для восстановления истории науки, — во многом оно помогает исследовать отношение тоталитарного государства к интеллигенции. Изучение же саратовского периода жизни Оксмана позволяет, с одной стороны, понять атмосферу, духовный климат провинции послевоенных лет и — с другой — наглядно иллюстрирует механизм внесудебных преследований.

В Саратовском университете крупнейший пушкинист работал десять лет, с 1947 г. — сразу после десяти лет Колымы. (Оксман был арестован

в ноябре 1936 г. за то, что, руководя подготовкой к изданию юбилейного собрания сочинений Пушкина³, настаивал на научных принципах этого издания и доскональных комментариях, т.е., по мнению властей, «сознательно тормозил работу, пытаясь сорвать пушкинский юбилей»⁴.

На работу в Саратов ученого взяли по ходатайству его коллеги, друга и оппонента Г.А.Гуковского, профессора Ленинградского университета, во время войны в эвакуации работавшего проректором СГУ.

Воссоздавая научную биографию Оксмана, мы мыслим это понятие широко, в духе самого ученого, который определял «биографию» как «осмысление всего жизненного пути и творческой эволюции». Здесь вспоминаются слова Ключевского, что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»⁵. Это и определило структуру настоящей работы, в которой рассматривается биография ученого «для отдела кадров» и биография научная — как предстает личность пушкиниста в его статьях, письмах, выступлениях.

В ходе работы нами были использованы материалы Саратовского облпартархива, архива Саратовского университета, воспоминания учеников и коллег Ю.Г.Оксмана — В.В.Пугачева, В.К.Архангельской, С.М.Касовича, С.А.Бах, письма ученого к ним, а также его письма из Саратова к редактору «Литературного наследства» Ксении Петровне Богаевской.

К сожалению, до сих пор не удалось попасть в архивы УФСБ (КГБ) по Саратовской области, что лишило нас очень важных фактов, свидетельств, писем Ю.Г.Оксмана, которые некоторыми его коллегами сдавались по требованию КГБ в «органы». Таким образом, для нас остался недоступен, как это ни парадоксально, и важнейший источник научных взглядов исследователя — конспекты его лекций. Оксман же в одном из писем говорил, что все его лекции, записи которых почти не сохранились, «стенографируются и изучаются в нескольких инстанциях»⁶. Однако архивы «инстанций» остаются до сих пор закрытыми, о продуктивности же их использования свидетельствует книга «Госбезопасность и литература»⁷, а также публикация в «Историческом архиве» материалов КГБ об академике Ландау⁸.

На основании имеющихся в нашем распоряжении документов и воспоминаний хотелось бы исследовать один эпизод биографии Ю.Г.Оксмана — сложную, неоднозначную историю его отношений с Саратовским университетом, в частности, странный перевод ученого с мировым именем в 1950 г. с должности профессора на должность старшего преподавателя, а затем и ассистента.

Во время недавних юбилейных торжеств во многих выступлениях саратовских профессоров, в статьях проводилась мысль, что годы в Саратове были для Оксмана чуть ли не идиллическими. Этот парадный глянец совершенно искажает судьбу ученого. Не подходит к нему и образ

преуспевающего педагога, каким пытаются его сегодня изобразить. Обратимся же к фактам.

Перевод профессора на должность старшего преподавателя в 1950 г. обоснован, как можно судить из личного дела, отказом ВАКа в декабре 1949 г. выдать Ю.Г.Оксману аттестат профессора. Дело в том, что в конце сороковых проводилась аттестация всех работников высшей школы и вместо существовавших ранее справок профессорам и доцентам выдавались дипломы о научной степени и звании. Формально отказ ВАКа был мотивирован «отсутствием у Ю.Г.Оксмана документа об утверждении его в звании профессора»⁹. (Это несмотря на то, что до ареста ученый работал профессором Ленинградского университета, был заместителем председателя Пушкинской комиссии АН СССР, Председателем Пушкинского комитета, заместителем директора Института русской литературы Академии наук.)

Думается, аттестацию ВАКа можно сравнить с обменом партдокументов, который фактически превращался в чистку партии, — дипломы выдавались далеко не всем.

Понять смысл этой аттестации можно только обратившись к историческому контексту. 1948–1949 гг. — время очередной крупнейшей разоблачительной кампании, на этот раз против «буржуазной генетики». Оксман писал в сентябре 1948 г. из Саратова: «Четырехдневная дискуссия в университете о выявленных у нас гнездах вейсманистов закончилась не только изгнанием из университета всех виновных, но и предложением заняться выявлением идеологического лица *всех* факультетов. Нажим предвидится очень серьезный, ибо прохвостов, любящих ловить рыбку в мутной воде, везде много, а в ученых кругах особенно»¹⁰. И действительно, уже в марте 1949 г. в университете появились комиссия из обкома, ревизор из министерства высшего образования по кадрам и еще «какие-то менее авторитетные контролеры». В эти дни ученый с грустной иронией пишет К.П.Богаевской: «Ведем проработку вопроса о космополитических происках на литературном фронте. Поиски врагов еще не закончены, идет «изучение» трудов всех членов кафедры русской литературы. С этих же позиций читаются лекции — их программы и стенограммы»¹¹. Становится ясно, что проводимой аттестации придавалось не только научное, но и политическое значение.

В 1948 г. было получено и распоряжение минвуза не печатать ни одной строки без рецензии и визы Москвы. Оксман сказал, что это «убьет наши “Ученые записки”»¹². И его опасения полностью оправдались.

Последний выпуск «Ученых записок Саратовского университета» (1948. Т.20) подвергся резкой критике в центральной прессе. 5 октября 1949 г. в «Литературной газете» была напечатана статья Г.Пермякова «А жизнь, знай себе, идет и проходит...», половина которой была посвящена разгрому статьи Оксмана «А.Кольцов и тайное “Общество независи-

мых»». Заканчивалась «научная рецензия» Пермякова резюме относительно всего сборника «Ученых записок»: «В своей статье профессор А. Скафтымов (редактор «Ученых записок». — Е.К.) пишет: «Жизнь, знай себе, идет и проходит». Он хотел этим выразить отношение персонажей чеховских пьес к окружающей действительности. Но, сам того не подозревая, он дал очень верную характеристику отношения литературоведов Саратовского университета к злободневным вопросам советской литературы и языкознания. Действительно, проф. Скафтымов и его коллеги что-то изучают, что-то пишут, а жизнь, знай себе, идет и проходит»¹³.

Об этой статье Пермякова Оксман писал: «<...> хулиганскую выходку в «Литературной газете» принял очень спокойно. Уколы и удары такого рода я рассматриваю очень трезво и профессионально, без всяких преувеличений. Мне гораздо было большее умолчание обо мне в книжке Ираклия (Андроникова. — Е.К.) — именно потому, что он мог не умолчать. В последние месяцы нельзя было мне не учесть изъятие ссылок на мои работы в книжках Блока, Базанова, В.Н. Орлова. Именно «изъятие», ибо все они меня обильно цитировали и упоминали даже в верстке. Сами понимаете, что факты эти я не мог воспринимать спокойно. Шельмование в «Литературной газете», поскольку оно лишено политической и методологической остроты, меня поэтому не очень огорчило — все-таки фамилию пустили в оборот! В дореволюционных условиях за это некоторые авторы даже платили Пермяковым из «Синего журнала» или «Биржевки»<...> Но есть и обратная сторона в этой рецензии. В саратовских условиях она может иметь самый неприятный резонанс, дискредитируя меня в местных культурных организациях»¹⁴.

И действительно, местные «культурные организации» не заставили себя ждать. Под давлением обкома на филологическом факультете было устроено публичное обсуждение статьи Пермякова с приглашением городских властей. Но, вопреки ожиданиям, привычного процесса над учеными не получилось — собрание встало на их защиту. 16 октября 1949 г. Оксман писал: «В пятницу очень бурно проходило общефакультетское открытое собрание, на котором обсуждался фельетон Пермякова. Заседали до трех часов ночи с семи вечера. Я выступал очень горячо, о чем сейчас жалею. Но самое неприятное — это была студенческая демонстрация в мою честь, очень бурная и единодушная. Я очень боюсь, что городским властям это крайне не понравилось. Разумеется, если бы я знал о настроениях студентов, я побеседовал бы с активом и не допустил бы ни оваций, ни выступлений против «Литературной газеты». Впрочем, сейчас об этом говорить уже поздно»¹⁵.

«Хроническое ощущение бед и неприятностей», преследующее ученого, не обманывает его. В марте 1950 г. состоялось заседание бюро обкома партии, где разбиралось «неудовлетворительное состояние научно-исследовательской работы на историческом, филологическом и хими-

ческом факультетах Саратовского университета». В протоколе заседания записано: «Серьезные недостатки и ошибки в научно-исследовательской работе являются следствием незрелого политического руководства этим важнейшим участком со стороны ректора университета т.Голубкова и секретаря парткома т.Ильина<...> Несмотря на то, что за последнее время «Ученые записки» университета неоднократно подвергались резкой критике в печати, ректорат и партком не позаботились об укреплении состава редакции «Ученых записок». До сих пор в составе редакции записок находятся аполитичные люди<...> «Ученые записки» издаются крайне небрежно, на низком научно-теоретическом уровне, с грубыми политическими ошибками и идеологическими извращениями<...>

Научно-исследовательская работа на кафедрах филологического факультета<...> направлена на изучение вопросов далекого прошлого, которое, к тому же, не всегда трактуется с марксистско-ленинских позиций»¹⁶. Бюро обкома постановляло: «Потребовать от ректора университета т.Голубкова и секретаря парткома т.Ильина безусловного выполнения решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, проведения беспощадной борьбы с аполитичностью, буржуазным объективизмом, космополитизмом и всякого рода извращениями марксистско-ленинского учения в научной работе»¹⁷.

В результате двойного — административного (отказ ВАКа) и партийного — давления ректор подписывает приказ о переводе Оксмана с должности профессора на должность старшего преподавателя. А в 1952 г. его переведут на должность ассистента...

Его имя по-прежнему изымается из научных изданий, запрещаются ссылки на него. «Кривая, уходящая с головокружительной быстротой вниз, — вот мой график 10/X 1950»¹⁸, — пишет ученый. А на вопрос, как вы чувствовали себя в Саратове все эти годы, он ответит: «Как еще живая чернобурка в меховом магазине».

Особенно обостряется положение ученого в июне 1952 г. Он пишет: «Лучше самому вовремя отойти от “зла” и избавить себя тем самым от возможности увольнения. Дальше нет сил терпеть того, что делается в нашем университете. Ни морально, ни материально моя работа меня уже второй год не устраивает. Неужели я так уже никому не нужен, что не найду работы в более человеческих условиях? Пока еще я в состоянии работать по-настоящему... Но каждый год в Саратове стоит с 1949 г. пяти лет нормальной жизни. Печатных возможностей здесь никаких, людишки из ректората — мелкота, но ядовитая, от них каждый день могу ждать только подвохов, а не поддержки. На днях всерьез беседовал с ректором — и понял, что мне рассчитывать не на что — лучше уйти с осени самому, а иначе “доймут”»¹⁹.

И летом 1952 г. Оксман уезжает в Москву — подыскивать новое место работы.

Именно к этому времени — августу 1952 г. — относится письмо В.В.Виноградова — академика-секретаря Отделения языка и литературы АН СССР, директора Института языкознания АН — на имя министра высшего образования с просьбой перевести Ю.Г.Оксмана из Саратовского университета в один из филиалов Академии наук.

По воле случая, Виктор Владимирович и Юлиан Григорьевич родились в один и тот же день. Но совпала не только дата рождения — в чем-то схожими были и судьбы двух ученых. Виноградов, так же как и Оксман, знал периоды взлетов и падений, сидел, только, в отличие от Оксмана, не в разгар «большого террора», а раньше. Синусоиды двух судеб не раз пересекались, хотя фазы их не совпадали. И одним из таких «сплетений судеб» станет письмо Виноградова о Юлиане Григорьевиче. Копия этого письма находится в личном деле Оксмана, и так как оно ранее не публиковалось, приводим его текст полностью.

«12 августа 1952 г.

Министру высшего образования СССР

№ 339–6

Доктор филологических наук Юлиан Григорьевич Оксман, известный своими специальными работами по истории русской литературы XIX в., хотел бы перейти из Саратовского государственного университета, в котором он работает в настоящее время, на научно-исследовательскую и научно-организационную работу в один из филиалов АН СССР.

Ю.Г.Оксман является одним из очень квалифицированных и продуктивных научных работников. Его последние исследования о Белинском получили высокую оценку в советской печати («Вестник АН», 1951, № 10, «Ученые записки ЛГУ», 1952, «Советская книга», 1951, № 12). Целесообразное использование Ю.Г.Оксмана как исследователя литературы, как опытного педагога и руководителя молодых научных кадров могло бы принести существенную пользу развитию советской филологической науки.

Директор Института языкознания АН СССР,
академик В.В.Виноградов»²⁰.

Зам. министра высшего образования М.А.Прокофьев отказался удовлетворить эту просьбу. Вместо перевода в систему АН он предложил Оксману работу в одном из прибалтийских университетов — в Риге или в Тарту.

Но хотя ожидаемого действия письмо не оказало, оно дало другой эффект — сработали другие «каналы». Когда текст письма был доведен до сведения первого секретаря Саратовского обкома партии Г.А.Боровкова, тот, по словам работника обкома С.А.Каськова, тут же наложил резолюцию (устно): «Если Оксман может работать в системе Академии наук, почему же он не может работать в СГУ?!»

И когда в конце августа 1952 г. жена ученого Антонина Петровна Оксман пришла на прием к ректору университета (им был тогда уже Р.В.Мерцлин) с вопросом: «Что делать Юлиану Григорьевичу? Имеет ли смысл возвращаться из Москвы?» — Роман Викторович ответил, поглаживая свою знаменитую бороду: «Приближается первое сентября, ему нужно выходить на работу». Тут же Антонина Петровна дала телеграмму в Москву: «Ректор считает необходимым твое появление в университете».

Оксман был «спасен», по крайней мере, оставлен на работе. Выражаясь словами ученого, «кривая судьбы» затормозила свое «головокружительное скольжение вниз». Правда, профессором ученый станет снова только после смерти Сталина — в апреле 1954 г.

А в 1958 г. он получит наконец возможность вернуться в Москву — на работу в Институт мировой литературы им.Горького. В его судьбе до новых преследований и повторного исключения из Союза писателей в 1964 г. снова наступил взлет. В 1962 г. его даже выдвинули в члены-корреспонденты АН. Но он так и не был избран, так как не представил документы на конкурс, ибо не допускал ни малейшей возможности своего избрания. И как оказалось, напрасно: в комиссии были Н.И.Конрад и М.П.Алексеев, полностью готовые поддержать Оксмана.

Что же касается Саратова, «культурные организации» типа обкома партии не оставались равнодушными к Оксману и после его смерти. Когда в 1971 г. вышел первый номер сборника «Освободительное движение в России» со статьей Ю.Г.Оксмана «Пушкин и декабристы», членам редколлегии была устроена длительная проработка на всех уровнях. В обком вызывали секретаря парткома университета, директора издательства, проректоров, редакторов сборника.

На заседании членам редколлегии были вынесены партийные взыскания за то, что «редколлегия сборника и издательство университета опубликовали сборник без официального согласования состава авторов сборника с вышестоящими партийными органами»²¹. Хотя и прошло уже двадцать с лишним лет, все это напоминало 48-й год, когда для публикации необходимо было иметь визу из Москвы...

До конца 80-х гг. имя Оксмана оставалось в Саратове запрещенным, а на лекциях по русской литературе на филфаке СГУ его не упоминали до 1994 г.

* * *

Что касается другой грани жизни ученого, его личности, такой, как она предстает из его статей и книг, думается, здесь плодотворен путь Я.С.Лурье, озаглавившего последнюю свою книгу «После Толстого»: значимость фигуры Оксмана позволяет рассматривать развитие исторической и литературоведческой науки «после Оксмана». Вот лишь несколько фактов.

В Саратове, работая над лекциями «Пушкин и декабристы», ученый, по его выражению, «набрел в своих бумагах» на две пачки материалов, собранных много лет назад, когда для «Библиотеки поэта» он готовил книгу «Нелегальная поэзия первой половины XIX века». Просматривая старые выписки и черновики, Оксман снова загорелся этим замыслом и начал работать над статьей о политической лирике и сатире Пушкина. Впоследствии, в 1955 г., эти материалы лягут в основу его доклада на Пушкинской конференции. В статьях, а потом и в докладе Оксман останавливается на трех вопросах: хронология — датировка стихотворений «Вольность» и «К Чаадаеву»; их жанр; соотношение эволюции политических взглядов Пушкина и деятельности «Союза спасения» и «Союза благоденствия».

Ученый говорит о том, что и ода «Вольность», и послание «К Чаадаеву» по сути своей являются политическими прокламациями. Поэтому традиционная датировка стихотворений соответственно 1817 г. и 1818 г. представляется ему сомнительной — ведь стали они известны, как можно судить по воспоминаниям современников, только в 1819 г. («Вольность») и в 1820 г. («К Чаадаеву») гг. Произведения же такого рода, по убеждению ученого, «не пишутся в стол, они рассчитаны на *немедленное* воздействие на читателя»²². (На что Б.В.Томашевский во время доклада бросил: «Видно, у Вас большой опыт в распространении прокламаций»²³.) Не обсуждая уместности этой реплики в 1950-е гг., отметим, что в сущности Томашевский был не далек от истины — реальность XX в. помогала глубже понять век XIX. И сам Оксман выдвигал очень интересную мысль — что анализ распространения самиздата позволил бы исследователям увидеть много нового в распространении нелегальных произведений начала XIX в.²⁴

Спор о датировке обоих пушкинских стихотворений объясняется отсутствием автографов в архивах. Анализ же единственного сохранившегося авторского списка «Вольности», а вернее — второй его половины, подкрепил догадку ученого: стихотворение, датируемое впоследствии автором 1817 г., было написано на бумаге с водяным знаком 1818 г.²⁵

Очень интересна и концепция ученого о десятой главе «Евгения Онегина». В расшифрованных строфах он видит не дневник Онегина и не продолжение «романа в стихах», а отрывки большого произведения поэта об Александровской эпохе. Антиправительственный текст требует строгой тайны — отсюда и зашифрованные строки. Ученый здесь снова опирается на документы — на письма Пушкина, дневники П.А.Вяземского.

К сожалению, до сих пор не все материалы докладов и статьи Ю.Г.Оксмана опубликованы. Многие находятся в черновиках. По двум причинам: внешней — опала ученого и внутренней — работу над пушкинской темой ученый считал настолько своей, что ему казалось, будто написать о Пушкине он успеет всегда. И он редактировал академические

издания Герцена, Тургенева, Краткую Литературную Энциклопедию, готовил к изданию письма В.Ф.Раевского, о которых говорил: «Пушкина я всегда успею написать, а письма Раевского, если бы не были закончены, никогда бы уже не были приведены к общему знаменателю»²⁶.

О широте научных интересов Оксмана говорит обнаруженный в его личном деле список печатных трудов (до 1953 г.), включающий более 140 наименований. Этот список составлен самим ученым, и его значение неопределимо, так как в России до сих пор полная библиография его трудов не составлена.

Ученым не была написана монография о Пушкине. Однако в Саратове находятся очень ценные материалы — черновики книги ученого «Пушкин и декабристы», переданные вдовой Ю.Г.Оксмана его ученику и коллеге В.В.Пугачеву. Необходима подготовка этой рукописи к изданию — ее публикация введет много нового в декабристоведение и пушкиноведение.

Эренбург писал о своем времени: «Распалась связь между отцами и дедами, но зато восстановилась между детьми и дедами». Сегодня и эта связь утрачена. И тем более поражает умение Оксмана быть «своим» в каждом слое времени: с легкостью переноситься в XIX век, быть «своим» по отношению к учителям (например С.А.Венгерову, в семинаре которого он занимался²⁷), по отношению к ученикам и коллегам и, наконец, не утратить новизны первооткрытия и сегодня.

Примечания:

- ¹ Письма Ю.Г.Оксмана к Г.П.Струве / Публ., предисл. и коммент. Л.Флейшмана // *Stanford Slavic Studies*. 1987. Vol.1.
- ² Там же. Р.45.
- ³ О сложной истории подготовки к изданию юбилейного собрания сочинений Пушкина свидетельствуют сохранившиеся в рукописном архиве Института русской литературы стенограммы заседаний редколлегии (Ф.244. Оп.27. № 58).
- ⁴ См. об этом эпизоде подробнее в статье: Динес В.А., Пугачев В.В. «А все-таки она вертится!» // *Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли*. Вып. 5. Ч. 2. Саратов, 1989. С.38–39.
- ⁵ Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев // *Ключевский В.О. Очерки и речи*. Пг., 1918. С.25.
- ⁶ Ю.Г.Оксман в Саратове: (Письма 1947–1957 гг.) / Публ. К.П. Богаевской // *Вопросы литературы*. 1993. № 5. С.233.
- ⁷ *Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР)*. М., 1994.
- ⁸ «По данным агентурной и оперативной техники...»: Справка КГБ СССР об академике Л.Д.Ландау // *Исторический архив*. 1993. № 3. С.151–161.
- ⁹ Копия письма из ВАКа находится в личном деле Ю.Г.Оксмана, хранящемся в Архиве Саратовского госуниверситета (Д. № 45. С.48).
- ¹⁰ Ю.Г.Оксман в Саратове. С.244.

- ¹¹ Там же. С.247.
- ¹² Там же. С.244.
- ¹³ Пермяков Г. «А жизнь, знай себе, идет и проходит...»: (Об «Ученых записках Саратовского университета», 1948, т. XX) // Литературная газета. 1949. 5 окт. С.7.
- ¹⁴ Ю.Г.Оксман в Саратове. С.256.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Протокол заседания бюро обкома КПСС от 24 марта 1950 г. // Саратовский областной архив. Ф.594. Д.1326. С.52–52.
- ¹⁷ Там же. С.56.
- ¹⁸ Ю.Г.Оксман в Саратове. С.259.
- ¹⁹ Там же. С.263.
- ²⁰ Личное дело Ю.Г.Оксмана. С.56.
- ²¹ Протокол заседания бюро Кировского райкома партии г. Саратова от 21 октября 1971 г. // Саратовский облпартархив. Ф.1327. Д.27. Оп.63. С.27–28.
- ²² Оксман Ю.Г. Пушкинская ода «Вольность»: (К вопросу о датировке) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1989. С.2.
- ²³ К сожалению, стенограммы пушкинских конференций на данный момент не найдены в архивах Пушкинского дома. Они цитируются по копиям, хранящимся в личном архиве В.В.Пугачева.
- ²⁴ См. изложение пушкинских взглядов в статье В.В. Пугачева и В.А. Динеса «А все-таки она вертится!» (С.49).
- ²⁵ Оксман Ю.Г. Пушкинская ода «Вольность». С.7.
- ²⁶ Ю.Г.Оксман в Саратове. С.247.
- ²⁷ См. об этом: Депретто К. Литературная критика и история литературы в России конца XIX — нач. XX в. // История русской литературы: XX век: Серебряный век /Под ред. Ж.Нива, И.Сермана, В.Страда и Е.Эткинда. М., 1995. С.257.

*Денис Букалов
(Донецк, Украина)*

ОСТАРБАЙТЕРЫ ДОНБАССА

Во время второй мировой войны миллионы советских граждан были вывезены на работу в Германию или в оккупированные ею страны. По сведениям Донецкого областного архива, только из Донецкой области было насильно угнано более 250 000 человек. Многие из них потеряли здоровье от непосильного труда, некоторые по возвращении на родину попали в советские концентрационные лагеря. Большинство людей после возвращения из Германии прошли через фильтрационные лагеря, где их проверяли органы НКВД. Некоторых отправляли в ГУЛАГ, других отпускали домой. Однако даже если человека впоследствии не трогали власти, факт пребывания на работах в фашистской Германии вызывал к нему подозрения у окружающих.

Только в последние годы отношение к этим людям стало меняться в лучшую сторону. Немалую роль в этом сыграло Общество «Мемориал». При его участии была поднята проблема выплаты компенсаций бывшим «восточным рабочим» («остарбайтерам») за время рабского труда в Германии. Белоруссия, Россия, Украина и ФРГ подписали соглашение, которое предусматривает выплату Германией одноразовой материальной помощи лицам, пострадавшим от фашистского режима.

На Украине в 1993 г. был создан национальный фонд «Взаимопонимание и примирение». В п.2 Устава этого фонда сказано, что он «создается с целью организации выплат компенсаций гражданам Украины, которые в годы Великой Отечественной войны стали жертвами нацистских преследований». Одним из основных документов фонда является и «Положение о порядке и критериях определения компенсационных выплат гражданам, которые пострадали от национал-социалистских преследований в годы второй мировой войны».

Согласно «Положению», в число тех, кому выплачивается компенсация, входят узники концлагерей и гетто, граждане, насильно вывезенные на принудительные работы в Германию, насильно вывезенные дети до 16 лет, а также дети, родившиеся в плену. Тем, кто поехал в Германию добровольно, компенсация не выплачивается.

Размер выплаты составляет от 400 до 1000 немецких марок. Величина выплаты зависит от места и характера содержания в Германии, возраста на тот момент, от состояния здоровья в настоящее время.

«Положение» также определяет очередность получения выплат, содержит перечень документов, которые могут подтвердить факт нацистских преследований.

Сбором документов — заявлений и необходимых справок — для получения выплат занимаются отделы социального обеспечения (собесы). Собранные материалы затем направляются в региональные представительства фонда, которые функционируют в каждой области Украины, а оттуда — в Киев, где их рассматривает экспертная комиссия фонда. Комиссия выносит окончательное решение о выплате компенсации и ее размерах. В спорных случаях можно подать жалобу в кассационную комиссию.

Первоначально предполагалось закончить прием заявлений 31 декабря 1994 г., а все выплаты произвести до июля 1996 г., но в связи с тем, что многие граждане не успели собрать необходимые справки, срок приема заявлений продлен.

Поскольку «Мемориал» несколько лет назад занялся проблемами «остарбайтеров», многие ассоциативно связывают его с проводимыми выплатами. По этой причине в «Донецкий Мемориал» часто обращаются жители Донбасса с просьбой помочь в оформлении документов или получении справок о пребывании в Германии.

Существующая государственная система учета этой категории граждан и оказания им помощи слишком формальна и неэффективна, и «Донецкий Мемориал» всегда оказывал консультативную помощь обратившимся гражданам, но его возможности в проведении этой работы ограничены. Поддержка Фонда им. Генриха Бёлла позволила нам более широко и всесторонне осуществить проект «Помощь остарбайтерам Донбасса».

Выполнение проекта предусматривало оказание консультативной помощи гражданам, а также сбор и систематизацию сведений обо всех гражданах-остарбайтерах, обратившихся в «Мемориал». На основе этих сведений предполагалось создать банк данных об остарбайтерах Донбасса.

На первом этапе выполнения проекта в ответ на обращение «Донецкого Мемориала» правление фонда «Взаимопонимание и примирение» предоставило свой Устав, «Положение о порядке и критериях определения компенсационных выплат...», образец заявления-анкеты и другие необходимые документы.

На основании этих материалов нами была написана статья, в которой содержалась информация об условиях и порядке оформления документов и получения компенсационных выплат от Германии, а также о возможности получения консультативной помощи в «Донецком Мемориале». Поскольку в настоящее время на Украине многие граждане, особенно преклонного возраста, не могут себе позволить выписывать более одной газеты, текст статьи был отправлен более чем в 50 известных нам районных, городских, шахтных, профсоюзных, студенческих и других газет. Мы также обратились с просьбой в редакции этих газет пересылать

в «Донецкий Мемориал» письма граждан, которые обратятся за помощью непосредственно в газету.

Судя по полученным нами письмам, статью опубликовали более половины газет (точное число определить сложно). В некоторых публикациях редакции внесли в текст несущественные изменения и поместили его без авторской подписи.

В ответ на эти публикации нами получено уже более 680 писем, и они продолжают поступать. Чаще всего авторов интересует, какие документы нужны при подаче заявления, где их можно получить, каков порядок обращения за компенсацией от Германии, критерии, по которым определяется размер выплаты, сроки получения денег.

Большинство обратившихся к нам граждан не знают, с чего начинать хлопоты, к кому обращаться. Есть очень сложные вопросы, на которые трудно найти ответ. Например, Стадник Татьяна Константиновна из г. Тореза Донецкой области была угнана в 1942 г. в Германию, а в 1945 г. освобождена американскими войсками, которые заключили ее в лагерь, где она ждала отправки на родину. Лагерь охранялся американскими войсками. Там она родила дочь. Имеет ли дочь Татьяны Константиновны право на получение компенсации? Приравнивается ли пребывание в американском лагере к плену?

О другом случае рассказывается в письме жителя Донецка Гелевского Давида Яковлевича. Оказавшись на занятой немецкими войсками территории, он был арестован немцами, отправлен в лагерь, бежал. Скрывая национальность (он — еврей), жил под чужим именем как Пустовой Иван Андреевич. С августа 1944 г. по февраль 1945 г. работал в электромастерской Эмиля Вэйма в городе Остэрроде, округ Алленштайн, Восточная Пруссия. Как сегодня подтвердить свое пребывание и работу в Германии, он не знает. Восточная Пруссия теперь принадлежит России, жил он под чужой фамилией, свидетелей его пребывания в Пруссии разыскать практически невозможно.

Большинству обратившихся граждан нам удастся помочь, выслав текст «Положения» или бланк запроса в Арользен о пребывании в Германии, либо посоветовав, куда им следует обратиться для получения нужной справки на Украине. Нуждающимся в информации нами выслано 480 экземпляров текста «Положения», 320 бланков для направления запроса в Арользен.

Одновременно всем обращающимся в «Донецкий Мемориал» предлагается заполнить анкету для составления банка данных об остарбайтерах Донбасса. Помимо паспортных данных, в анкете мы просим указать место, откуда человек был вывезен в Германию, даты отправки и освобождения, пункты пребывания в Германии. В настоящее время собраны сведения более чем о 500 бывших «восточных рабочих», проживающих ныне в Донецкой области.

Интенсивность потока писем граждан в «Мемориал» позволяет сделать вывод, что еще многие из лиц, насильственно угнанных на работу в Германию, не обратились за компенсацией. Чаще всего это связано с отсутствием у них достаточной информации о процедуре ее получения, отсутствием подтверждающих документов, необходимостью писать в Арользен, откуда приходится подолгу ждать ответа.

Нередко в службах, занятых приемом и оформлением заявлений на получение компенсаций, дают гражданам неверные разъяснения. Например, одной женщине ответили, что, так как во время отправки ей было двадцать два года и она могла уйти к партизанам (!), компенсация ей не положена. Консультативная помощь «Мемориала» в таких случаях бывает очень кстати.

По сведениям Донецкого представительства фонда «Взаимопонимание и примирение», к 1 июня 1995 г. компенсации поступили на 6000 человек, выплачивают их банки Донецкой области. На 5000 человек документы отправлены в Киев в экспертную комиссию и еще 5000 — находятся в стадии оформления в Донецке. Заявления продолжают поступать.

Второй большой частью нашей работы было исследование обстоятельств отправки советских граждан в Германию в годы войны. Были люди, которые уехали на работу в Германию добровольно. Однако по материалам Донецкого областного архива (выражаю огромную благодарность его директору Надежде Метальниковой за оказанное содействие) установлено, что за годы оккупации 252 239 человек из Донецкой области были угнаны насильственно. Нами получены именные списки примерно на 35 000 человек, составленные властями сразу после войны по опросам свидетелей.

Наиболее массовой была отправка 1942 г. Только за период с 15 февраля по 19 апреля 1942 г. было отправлено из Донбасса 50 эшелонов с 50 000 жителей.

Газета «Донецкий вестник», выходящая в Донбассе во время оккупации, писала в номере за 8 февраля 1942 г.: «Приглашение отправиться на работу в Великую Германию вызвало живейший отклик среди безработных г.Юзовки (название Донецка во время войны. — Д.Б.). На сегодня записалось уже свыше 6000 человек. <...> желающим быть отправленными в первых партиях следует поспешить, так как в ближайшие дни запись будет прекращена».

В номере за 22 февраля опубликована фотография, на которой запечатлена отправка эшелона в Германию, и сообщается, что, «желая удовлетворить возможно большее количество безработных, желающих поехать на работу в Великую Германию, биржей труда в недалеком будущем будут дополнительно организованы пункты по записи в гг. Мариуполе, Горловке, Чистяково, Краматорске».

Публикует газета и письма из Германии. В апрельском номере приведено письмо Анастасии Ашитовой, которая, в частности, пишет: «Перед

нами стояла иная земля, держащая на себе громадные, аккуратно построенные заводы, фабрики, красивые дома, с зеркально-чистыми улицами, с хорошими и образованными людьми. Этого мы никогда не видели в России. Здесь мы действительно убедились, что Великая Германия, освобождая нас от большевистского ига, принесет нам счастье, свободу и культуру. И в этом нет никакого сомнения».

Газета выходила под контролем немецких властей, и понятно, почему публиковались именно такие письма.

А вот образец письма из Германии, не публиковавшегося в газетах, хотя и подвергнувшегося перлюстрации: «Дорогие родители, у нас идут ужасные дожди, приходится спать по 3 часа в ночь. Жива буду, увидимся, если не постигнет такая судьба, как некоторых русских, проживавших в Германии».

После войны очевидцы рассказывали, как проводилась отправка в Германию эшелонов с «добровольцами». В архиве хранится, например, свидетельство жителя г.Артемовска Донецкой области Корзуна Ивана Никифоровича: «Цехендорф и руководимая им жандармерия и полиция на протяжении всего времени до августа 1943 года путем вызовов под видом регистрации, а также проведением облав, всех задержанных при облавах и прибывших на регистрацию насильно отправляли в Германию».

Сам начальник жандармерии Отто Цехендорф во время допроса 11 октября 1947 г. показывал: «Жандармерия и полиция под моим руководством оцепили со всех сторон город, и каждая квартира и дом полицией тщательно были обысканы с целью задержания здоровых советских граждан для угона в Германию».

В то же время отрядами полиции в селах района проводились облавы. В результате облавы в городе и районе были схвачены до 50 советских девушек, которые под охраной полиции были направлены в Сталино для отправки в Германию.

Я отлично понимал, что всякий принудительный труд впоследствии превращал человека в неполноценного в физическом отношении или приводил его к смерти».

По-разному молодые люди старались избежать отправки в Германию. В одном из писем, которые сейчас приходят в «Мемориал», описывается, как девушка натирала себе тело перцем, вызывая жар и повышение температуры, чтобы не быть отправленной в Германию. Во второй раз она облилась кипятком, но в Германию так и не уехала.

Письма граждан в «Мемориал», сообщающие подробности процедуры угона в Германию, касающиеся обстоятельств жизни и работы там, повествующие о том, как сложились судьбы «остарбайтеров» после войны, — неоценимый исторический материал, свидетельство тяжелейшего периода в истории двух стран.

ПРОБЛЕМА ЭМИГРАЦИЙ КРЫМСКИХ ТАТАР В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX — 30-х гг. XX в.

Политическая акция, обозначенная Манифестом 8 февраля 1783 г. о присоединении Крыма к России, стала поворотным событием в истории крымских татар (ПСЗ. 15708).

Что это были за годы в составе России? Время политического упадка, период оседлости, внешне мирного взаимодействия с Россией. Но при этом — почти непрерывный эмиграционный процесс, потеря земли, явное или скрытое вытеснение из Крыма. И вместе с тем — начало духовного возрождения в конце XIX в., вновь не без влияния России на формирование национальной татарской интеллигенции.

Образование в 1921 г. Крымской АССР стало новым важным этапом в жизни крымскотатарского народа, который после десятилетий «политического бесправия почувствовал себя хозяином, ответственным за судьбы собственной культуры и государственности» (Губогло, Червонная. Т.1. С.71*). Однако депортация 1944 г. положила конец надеждам на равное положение в «семье народов».

Следы этой истории в XIX в. остались в естественнонаучной, географической, статистической, мемуарной литературе, в 20–30-х гг. XX в. — в научно-исторической. И именно это сложное сочетание свидетельств, отрывочных упоминаний, преданий сложилось в полную лагун и мифологем систему представлений о крымскотатарском народе — не всегда точных, а порой и превратных.

И хотя литература эта составляет огромный массив, сколько-нибудь серьезному историографическому исследованию она не подвергалась. Собственно историографических работ было столь немного, что рассмотрение их не займет большого пространства нашей работы.

Одна из первых попыток такого рода — весьма, как кажется, робкая — была предпринята в 1856 г. в небольшом очерке Б-на «Крым» (Б-н). Автор характеризует несколько работ о Крыме, в основном научно-популярных. Однако источники он рассматривает с резко критической интона-

* Полное библиографическое описание источников, на которые даны отсылки в скобках, см. в приложенном к статье «Списке использованных источников и литературы».

цией, не всегда последовательно и логично, к тому же, на наш взгляд, слишком эмоционально, чтобы претендовать на научность. Тем не менее работа заслуживает внимания как едва ли не самый ранний опыт, положивший начало историографической традиции в крымоведении.

Историографические обзоры, основная цель которых — представить степень изученности проблемы к моменту написания авторами их собственных работ, содержатся в двух серьезных монографиях по истории крымскотатарского землевладения (Блюменфельд. С.1–6; Лашков. С.1–XVI). Историографический очерк в книге Лашкова подробнее и обстоятельнее, но в нем пропущено, в частности, издание Особой комиссии о вакуфах 1886 г., выпущенное в 1892 г. (Частно-вакуфное владение в Крыму). В целом же складывается впечатление, что эта часть работы носит чисто вспомогательный характер по отношению к основной — исторической.

В опубликованной в 1930 г. статье (Чернышов) рассматривается историография проблемы эмиграции крымских татар в 1860 г. Автор подробно анализирует работы А.И.Маркевича, А.Озенбашлы, А.С.Сергеева, С.А.Усова, останавливаясь главным образом на предложенной ими трактовке причин эмиграции. Однако критика аргументов коллег постепенно превращается в этой статье в оценку их идеологических принципов. Согласно партийной логике Е.Чернышова, С.А.Усов оказывается «методологическим реакционером», А.Озенбашлы — националистом, А.И.Маркевич — «великодержавным шовинистом». Анализируя взгляды предшествующих авторов сквозь призму «единственно верной» марксистской теории, Е.Чернышов, похоже, и не подозревает об ограниченности такого подхода применительно к решению сложных и многоаспектных исторических проблем.

Что касается работ самого последнего времени, можно назвать историографический очерк по истории крымскотатарского национального движения в уже упомянутой книге (Губогло, Червонная. Т.1. С.12–53). Авторы представляют обзор источников и историографии по проблеме — как русскоязычных, так и иностранных. Четкая и логичная структура работы позволяет проследить в динамике эволюцию взглядов и позиций по теме. Анализ наиболее серьезных книг зарубежных историков Э.Олворта и А.Фишера придает работе дополнительную ценность, библиографическое значение имеют упоминаемые авторами публикации на иностранных языках, историографически пока не изученные. Этот небольшой обзор, наметивший общие направления историографического рассмотрения проблемы, несомненно, может стать основой для крупного и обстоятельного труда по истории крымскотатарского национального движения.

Таковы историографические работы, связанные с изучением истории крымских татар. Однако обобщающих трудов, историографической макроструктуры, в которой содержалась бы попытка обозреть весь литера-

турный массив, проанализировать его основные идеи и мотивы, пока не создано. Работа такого масштаба явно не под силу одному человеку, что вовсе не означает, что этим не следует заниматься.

Остановимся на том — очень пунктирно и общо, — как и в каких исторических условиях складывался историографический комплекс, связанный с жизнью крымских татар с 1783 г., в период существования Крыма в составе России.

Научное изучение Крыма с конца XVIII в. было связано прежде всего с необходимостью освоения, закрепления новой территории, сохранения ее богатств. Правительственный интерес стимулировал инициативу первых посетителей российского Крыма — государственных сановников, дипломатов, ученых, иностранцев, оставивших многочисленные свидетельства о пребывании на этой земле.

На рубеже XVIII—XIX вв. многие из них пытались осмыслить древнюю историю Крыма (Паллас; Нарушевич; Сестренцевич-Богуш), запечатлеть его географические, природные, топографические особенности (Габлиц; Зуев; Паллас), изучить археологические памятники (Кеппен; Муравьев-Апостол; Мурзакевич), причем исследования такого рода зачастую проводились при материальном содействии российской власти.

Освоение новой территории происходило и на частном уровне, что нашло отражение в многочисленных источниках мемуарного характера (Броневский; Демидов; Клееман; Корф; Кравен; Людольф де; Письма Иосифа II; Ромм; Сегюр; Сумароков 1800, 1805), большая часть которых приходится на конец XVIII — первую половину XIX в. Путевые очерки, записки, воспоминания о Крыме появляются и в последующие годы, но они, пожалуй, более ценны с точки зрения изучения эволюции российского общества, становления, духовного созревания ее интеллигенции.

Ко второй половине XIX в. относятся первые попытки осмыслить историю Крыма и крымских татар в составе России (Андриевский; Гольденберг; Горчакова; Кондараки 1883, 1883—1884; Хартахай). Поводом для рефлексии такого рода становятся значительные, переломные события в жизни татар, в той или иной степени затрагивающие интересы России (эмиграции, 100-летний юбилей присоединения Крыма) и вызывающие тем самым реакцию в российской общественной и литературной жизни.

Но очевидно, что интерес как к Крыму, так и к его первобытным обитателям в этот период неустойчив, спорадичен, и красноречивым подтверждением этой мысли является полное равнодушие мэтров российской историографии — С.М. Соловьева и В.О. Ключевского — к истории крымских татар после падения Крымского ханства в 1783 г. Та же тенденция просматривается в более поздних обобщающих трудах по истории XIX в., в которых Крым упоминается лишь в контексте важнейших сюжетов истории Российского государства (Бочкарев; Кизеветтер; Корни-

лов), а также при разработке восточного и национального вопроса (Жигарев; Милюков).

Тем не менее, благодаря усилиям местных историков и краеведов, таких как Ф.Ф. Лашков, Ф. Хартахай, А.И. Маркевич, Н.Ф. Андриевский, В.Х. Кондраки, во второй половине XIX в. некоторые проблемы истории крымских татар, возникавшие в период жизни российского Крыма, — эмиграции, состояние образования, религия, духовная жизнь, поземельный вопрос, — получили более глубокое теоретическое и научное обоснование, произошла их нюансировка. А о том, что местная историческая наука существовала, что велась активная исследовательская и публикаторская деятельность, свидетельствуют печатные органы Одесского общества истории и древностей Черноморского побережья (с 1839 г.) и Таврической ученой архивной комиссии (с 1887 г.) — «Записки ООИД» и «Известия ТУАК». Сокровищницу крымоведения во второй половине XIX в. дополнили значительные работы, явившиеся результатом быстрого развития статистической науки (Вернер; Скальковский; Ханацкий), этнографии и антропологии (Кеппен; Кондраки; Мережковский; Харузин), а также труды, отразившие ход археологических изысканий (Брун; Кулаковский; Тизенгаузен; Фабр; Фоменко).

К концу XIX в. осмысление совместного существования Крыма и России началось в среде зарождающейся крымскотатарской интеллигенции, что отразилось, в частности, в работах И. Гаспринского (Гаспринский 1896, 1991), в которых четко сформулирована дорогая автору идея о необходимости сближения России и мусульманского мира.

Важным источником, отразившим эволюцию духовной жизни российского мусульманства является издававшаяся И.Гаспринским в Бахчисарае газета «Терджиман». Несколько попыток изданий такого рода для тюркских народов предпринимались и ранее, однако все они до революции 1905–1907 гг. оказывались недолговечными — арестовывались и закрывались. «Терджиман» же выходил как при жизни Гаспринского, так и после его смерти в 1914 г. (1883–1918). Кроме того, в Бахчисарае на крымскотатарском языке издавались газета «Миллет» (Нация) и еженедельный журнал для женщин «Алеми нисван» (Женский мир) (См.: Климович 1987. С.173).

Начавшееся в 1920-е гг. интенсивное и целенаправленное изучение культуры, истории, этнографии крымскотатарского народа уже в 30-е гг. фактически сошло на нет. Развитие исторической науки в Крыму в этот период — сюжет из числа почти неразработанных и требующих отдельного изучения. Однако и сейчас совершенно очевидно, что эти два десятилетия в корне отличаются друг от друга.

1920-е гг. — время активного развития крымоведения. Лучшие научные силы Крыма, России, Украины — археолог А.А.Бертъе-Делагард, историки Г.В.Вернадский и ставший впоследствии академиком Б.Д.Греков, возглавивший в 1919 г. Крымский центрархив; востоковеды Ю.И.Крчак-ков-

ский и А.Е.Крымский, эпиграфист О.Акчокраклы — сосредоточились в этот период вокруг основанной еще в 1887 г. Таврической ученой архивной комиссии, преобразованной в 1923 г. в Таврическое общество истории, археологии и этнографии — ТОИАЭ. Председателем этого признанного центра крымоведения многие годы был выдающийся крымовец А.И.Маркевич, ставший в 1927 г. членом-корреспондентом АН СССР, а с 3 апреля 1930 г. комиссию возглавил археолог Н.А.Эрнст.

Возникали и новые организации, считавшие своей основной задачей всестороннее изучение Крыма. В октябре 1922 г. в Москве по инициативе группы известных ученых и общественных деятелей — профессора А.В.Цингера, врачей А.В.Кузнецова, А.А.Литкенса, публициста и общественного деятеля Е.Д.Лейтнекера — состоялось учредительное собрание Российского общества по изучению Крыма (РОПИК). В конце 1924 г. было организовано Ленинградское отделение РОПИКа во главе с профессором Н.И.Кузнецовым. Отделения общества создавались в городах и поселках Крыма и объединяли около 900 крымоведов. В 1925–1929 гг. РОПИКом издавался общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым», в десяти номерах которого опубликовано большое число научно-популярных статей по истории, археологии, этнографии, географии, курортному строительству.

Однако уже в конце 1920-х гг. общее изменение ситуации в советской исторической науке коренным образом отразилось и на развитии краеведения в Крыму.

Процесс 1929–1931 гг. по делу группы историков во главе с С.Ф.Платоновым положил начало разгрому профессиональной исторической школы не только в стране, но и в республиках. Особенно усердствовали в борьбе с представителями немарксистского направления в историографии ученики и сподвижники М.Н.Покровского, занявшие в 20-х гг. руководящие позиции в советской исторической науке. Уже в 1930 г., в статье С.А.Пионтковского, ученика Покровского, одного из наиболее радикально настроенных по отношению к «ученым академикам», наряду с проходившими по делу С.Ф.Платоновым, С.В.Бахрушиным, М.С.Любавским, подвергается нападкам и А.И.Маркевич, многие годы возглавлявший ТУАК-ТОИАЭ, — за «великодержавность и шовинизм», свойственный «всем буржуазным историкам России» (Пионтковский). В 1931 г. деятельность ТОИАЭ прекратилась, многие его члены были арестованы и погибли, а старейший историк Крыма, 82-летний А.И. Маркевич, в 1937г. вновь стал объектом разоблачительной кампании на страницах газеты «Красный Крым» — на этот раз как автор «контрреволюционных трудов» по краеведению (См.: Гарагуля).

Чистки 1930-х гг., проходившие теперь уже под знаком борьбы с представителями школы М.Н.Покровского, довершили разгром крымской исторической науки. В эти же годы по обвинению в национализме были

уничтожены представители крымскотатарской научной элиты — этнограф и художник У.Боданинский, историк и эпиграфист О.Акчокраклы, историк Я.Кемаль, филолог Б.Чобан-заде, писатель А.Ляtif-заде и другие.

Насколько результативными и несомненно ценными с научной точки зрения были достижения крымоведов в 1920-е гг., настолько же скудными они стали в 1930-е, когда наиболее квалифицированные исследователи подверглись репрессиям, а занятия историей — в соответствии с формулой «история есть политика, опрокинутая в прошлое» — превратилось в дело политическое и отнюдь не безопасное.

* * *

На фоне тотальной неизученности истории крымских татар проблема эмиграций кажется одной из наиболее разработанных, однако при детальном знакомстве с историографией становится очевидной ошибочность этих представлений. Можно смело сказать, что литература по теме больше ставит вопросы, чем дает ответы. При том, что проблема эмиграций единодушно признана исследователями одной из самых трагичных страниц в истории татар после падения Крымского ханства, полной ясности по ее узловым моментам (причины, масштабы каждого из движений, хронологические рамки) — пока нет.

Именно поэтому цель данной работы мы видим не только в том, чтобы проследить изменение мотивов, оценок, трактовок предшествующих авторов в связи со всеми эмиграционными движениями татар в составе России с 1783 г., то есть исследовать собственно историографический аспект, — но также и в том, чтобы определить историографическое пространство проблемы и наметить пути ее дальнейшего изучения. Мы рассмотрим каждую из упомянутых в историографии эмиграций в отдельности, независимо от масштабов движения и степени отраженности в историографии.

Характеризуя историографический комплекс в целом, можно отметить следующее.

При определенной, хотя и неравномерной по каждой из волн, обеспеченности историографическими источниками (не менее 20 работ по исследуемому периоду) проблема требует детального изучения каждого из движений. Свидетельства о них — в большей или меньшей мере — оставались в различных нарративных источниках — официальных, публицистических, мемуарных, исторических. Однако, судя по введенным в научный оборот и нашедшим отражение в историографии источникам, они оказались недостаточно репрезентативными для точной реконструкции интересующего нас исторического континуума (Крым в конце XVIII — начале XX в.) и исследования конкретной проблемы.

О слабой изученности темы свидетельствуют прежде всего неясные хронологические рамки эмиграционных движений татар. Так, границы

первой эмиграции обозначают 1784–1800 гг. (Озенбашлы. С.70), 1785–1788 гг. (Марков. С.320; Мартьянов. С.699), а в «Памятной книжке Таврической губернии» указано, что данное эмиграционное движение было «приостановлено в 1804 году при Ришелье» (Вернер. С.124).

Вторую эмиграцию, проходившую, очевидно, между 1800 и 1812 гг., о которой, по мнению Е.Маркова, существуют только «изустные предания» (Марков. С.322), большинство исследователей не упоминают вообще, что связано как с недостатком источников, так и с отсутствием подлинно научного интереса к проблеме. А. Озенбашлы полагает, что вторая эмиграция приходится на 1804–1805 гг. (Озенбашлы. С.72), В.Х.Кондараки — на 1807 г. (Кондараки, 1883. Т.5. С.132), П.К.Мартьянов — на 1812 г. (Мартьянов. С.699).

А.Копчевский второй эмиграционной волной называет движение татар во время Крымской войны (1853–1856 гг.), а третьей — переселение 1862 — 1865 гг., вовсе не упоминая об эмиграции начала XIX в. (Копчевский. С.251).

Хронологические очертания третьей волны эмиграции — при внешней обеспеченности историографическими источниками — также недостаточно четки. Называются 1860–1862 гг. (Озенбашлы. С.71), 1860 г. (Чернышов. С.93), 1859–1860 гг. (Гонение...). Видимо, при обозначении границ данной эмиграции логичнее всего будет принять крайние цифры, не игнорируя при этом движение во время Крымской войны, то есть 1854–1862 гг. Такие же хронологические рамки предлагает М.Пинсон (Pinson) — автор одной из серьезных зарубежных монографий по теме.

Еще хуже обстоят дела с последующими движениями. Эмиграция 1874 г. представлена двумя работами (Мартьянов; Муфтий-Заде), а конца XIX — начала XX в., пик которой отмечен в 1902–1903 гг., — газетными публикациями (Об эмиграционных планах...; Волынец; К вопросу о движении...). А поскольку данные переселения особым интересом исследователей не отмечены, то и их хронологические рамки — вопрос дискуссионный.

Таким образом, разноречивость в определении временных границ первых трех волн, впрочем, как и непротиворечивость хронологических очертаний двух последних свидетельствуют о том, что проблема эмиграций нашла скорее публицистическое отражение, чем научное изучение и ждет детального исследования. Для решения этого вопроса необходимо привлечение архивных материалов, в том числе из зарубежных архивохранилищ — Турции, Румынии, Польши, куда прибывали иммигранты.

Очевидно неравномерное историографическое наполнение источниками, большая часть которых приходится на первое (1800–1812 гг.) и третье (1850–1860 гг.) эмиграционные движения. Об эволюции оценок и взглядов авторов можно говорить, пожалуй, только применительно к первой и, особенно, к третьей эмиграции, в отношении которой, в свою очередь, сложилась определенная историографическая традиция, преемственность,

что отмечено в работах исследователей (Чернышов. С.3–13; Озенбашлы. С.69).

Обобщающих трудов по проблеме нет. Среди опубликованных источников, специально посвященных этой теме, преобладает публицистика (Щербань; А.У.; Мартянов; Озенбашлы; Левицкий; Тотлебен; Гонение...; Вольнец и др.). Попытка научного рассмотрения проблемы предпринята в работах А.Маркевича и Е.Чернышова. Многочисленные упоминания, составляющие крупный пласт фрагментарных сведений из различных источников, нуждаются в тщательном, весьма скрупулезном анализе.

Перейдем к рассмотрению узловых моментов каждой из эмиграций, ее основных сюжетов и мотивов.

Вполне естественно, что все исследователи останавливались на причинах эмиграций татар, изучали обстоятельства и масштабы каждого из движений.

Основными причинами первой эмиграции, последовавшей вскоре после аннексии Крыма — в 1784 г., большинство исследователей считают боязнь перемен, связанных с установлением российской властью «нового экономического и правового порядка жизни» (Маркевич. С.385), и — как следствие — «убеждение, что правительство <...> не будет держать их в Крыму и допустит различные меры к изгнанию» (Жондараки 1883. Т.5. С.76); а также тяготение «к единоверной Турции, подстрекательство духовных лиц и мурз» (Лашков. С.124) и даже непривязанность татар к земле (Маркевич. С.385).

Противоположную позицию в данном вопросе занимает А.Озенбашлы, считая религиозные и националистические причины второстепенными. Называя главным виновником всех эмиграционных движений татар царское правительство, «путем утонченных приемов <...> государственного аппарата» проводившего в жизнь политику «выпираания туземного населения из насиженных им уголков» (С.71), он предполагает, что эта эмиграция «соответствовала видам правительства и самого Потемкина, увлеченных «греческим проектом», преследовавшим цели восстановления на Черноморском побережье бывшей Византийской империи с монархом из Российского императорского дома во главе» (С.70).

Нет единого мнения и относительно масштабов первой эмиграции. Многие исследователи отмечают широкий диапазон численности отошедших в Турцию, ссылаясь на противоречивые сведения предшественников, но к собственным расчетам не приступая, — от 4000–5000 до 300 000 (Ханацкий. С.187), от 50 000 до 140 000 (Скальковский. С.45), от 350 000 до 500 000 (Озенбашлы. С.45). На основании подсчета численности населения Крыма накануне присоединения к России в 1783 г., составлявшего 260 000–280 000, А.И.Маркевич предполагает, что число эмигрантов первой волны не превышало 80 000. Таким образом, он ставит под сомнение наиболее популярную цифру историков XIX в. — 300 000.

Еще менее отражена в историографии вторая эмиграция — между 1800 и 1812 гг. Е.Л.Марков сомневается в наличии статистических сведений о данном событии (Марков. С.311), в то время как П.К. Мартынов не только сообщает число ушедших — 3199, но и связывает эту эмиграцию с заключением Бухарестского мирного трактата 1812 г., по которому Россия обязана была не препятствовать переходу в Турцию буджакских и эдисанских татар (Мартынов. С.701).

Наиболее освещена в русскоязычной историографии третья эмиграция крымских татар — 1854–1862 гг.: подробнее отражена событийная сторона проблемы (Гонение...; Левицкий; Тотлебен; Щербань), определено число эмигрировавших за 1860–1862 гг., составляющее, по официальным сведениям, 192 360 человек. И хотя спектр мнений по этим вопросам довольно широк, здесь, как кажется, можно даже говорить о некоторой эволюции оценок по мере временного удаления от события.

В работах 60-х гг. XIX в., написанных в разгар эмиграции и вскоре после ее окончания, преобладающим является мотив скорейшей колонизации Крыма славянским и частично немецким населением (Щербань; Переселение татар...). Авторы выдвигают многочисленные предложения по спасению края (Щербань. С.213–228; А.У. С.256–259), открыто декларируя антиатарские настроения: «... задерживать на нашей почве племя, которое не хочет жить с нами и будет только в тягость нам, значит хлопотать о том, что невозможно и невыгодно» (Переселение татар... С.372; см. также: Щербань. С.212). Из соображений государственной выгоды рекомендуется «отлив татарского населения» — для «пополнения края более одаренною породою» (Щербань. С.212), поскольку «татары по их мусульманско-азиатскому характеру чужды усовершенствованию» (Ханацкий. С.214). Признается, однако, что «как рабочая сила, сроднившаяся с естественными условиями», татары «имеют значительное преимущество» — правда, «при условии, что главное руководство будет находиться в руках просвещенных людей» (Ханацкий. С.214).

В числе причин этой эмиграции называются религиозный фанатизм (Щербань. С.211; Маркевич. С.377), страх перед преследованиями за «двусмысленное поведение» во время войны (Ханацкий. С.214), низкий культурный уровень татар (Крым: Путеводитель. С.114; Маркевич. С.377), нежелание отбывать воинскую повинность и «националистические тенденции» (Маркевич. С.377).

Протатарскую позицию демонстрируют авторы двух очерков, написанных в период этой эмиграции — в начале 1860-х гг., но опубликованных много позже (Тотлебен; Левицкий). Для обеих работ характерен исторический подход к проблеме. Описываемое эмиграционное движение авторы считают отнюдь не мгновенным иррациональным побуждением, а естественным результатом тяжелого материального положения татар, связанного с отсутствием земли и своеволием многочисленных российских

начальников. «Помещики <...> часто присваивают себе земли, принадлежавшие татарам... 30 лет назад в Крыму почти не было другого землевладения, кроме свободного татарского и небольшого количества лиц, владевших садами на южном берегу и в долинах» (Тотлебен. С.536); «вопиющая несправедливость отличала все распоряжения местного начальства, как только дело касалось поземельной собственности татарского народонаселения», «ничто не избегнуло насилия и произвола, ни леса, ни вода» (Левицкий. С.602–603).

Размышляя о жизни татар в составе России до начала Крымской войны в 1853 г., Левицкий с удивлением констатирует, что «даже русское народонаселение не перенесло бы без ропота или явного сопротивления и десятой доли обид и несправедливостей, претерпенных татарами, которых, однако ж <...> считают вредными и дурными». Подлинной причиной такого отношения Левицкий считает «желание исторгнуть Крым из рук татар и заселить его населением православного исповедания» (Левицкий. С.604).

Сходную позицию по данной проблеме занимает герценовский «Колокол», резко критически оценивая роль правительства в этой эмиграции и не скрывая своих симпатий по отношению к татарам: «По окончании войны правительство сообразило, что инородное и иноверное население Крыма может быть опасно в случае новой войны и что надо принять меры к заселению этого края русскими или, по крайней мере, болгарями. Поэтому запрещено было отклонять татар и ногайцев от переселения в Турцию...». Татары вдруг «обнаружили, что правительство не принуждает их оставаться в России» (Гонение...)

Среди причин этой эмиграции, по мнению Э.И.Тотлебена, — «известие о намерении правительства выселить татар из Крыма во внутренние губернии» и распространение слухов «о перекрещении татар в христианскую веру» после учреждения в Мелитополе новой епархии (С.537); а также толки о том, что татары наравне с жителями прочих губерний будут подвергнуты рекрутскому набору. Не отвергает Тотлебен и религиозный фактор, полагая, что переселение в Турцию ногайцев Кавказа, которые «проходили через Керченский полуостров и в Керчи и в Феодосии садились на корабли <...> невольно возбудило в татарах желание последовать за своими единоверцами в Турцию» (С.537).

Г.П.Левицкий, задаваясь вопросом, каковы же причины столь панического бегства, что же могло подвигнуть на это целый народ — «терпеливый, верующий в догмат фатализма» и, следовательно, «довольно нравственно направленный», Левицкий называет несколько обстоятельств.

Так, во время Крымской войны казацкие патрули, разъезжая по губернии, захватывали татар (под предлогом, что те намеревались перейти к неприятелю) и в случае отказа откупиться представляли их начальству как изменников. В результате множество татар было выслано в Орловскую, Курскую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии.

Другой причиной Левицкий называет «неуравнительность пособий» за убытки, понесенные во время войны. Выплаты «производились самым несправедливым образом и сильно поколебали привязанность татар к русскому правительству» (С.607–608).

Не последнюю роль сыграли, по мнению Левицкого, и затянувшиеся на многие десятилетия земельные неурядицы. К 50-м гг. XIX в. «стремление исторгнуть из рук татар всю поземельную собственность стало столь сильным, что захват наследственных участков государственных крестьян из татар и превращение этих участков в общественную, а затем и поземельную собственность стало законом» (С.614). Исследователь указывает также на «тягость налогов и повинностей», подробно их характеризуя (С.614–617), на «неудовлетворительность судоустройства и судопроизводства, несообразных с духом и характером этого народа» (С.617).

Как видим, причины, выдвинутые Левицким, в основном экономического характера.

Э.И.Тотлебен воздерживается от поиска виновных, лишь вскользь замечая, что переселение было ускорено администрацией края, но пишет при этом, что вследствие злоупотреблений местного начальства «татары заслуживают особого покровительства правительства, подобного тому, которое им оказывал граф Воронцов» (С.543).

Более радикальную позицию занимает в данном вопросе «Колокол»: «Правительство вытесняло из Крыма преданное ему татарское население, чтобы заселить его русскими — и только когда не стало 100 тысяч татар, догадалось оно, что русские в Крым не пойдут» (Гонение...). Всю вину за случившееся «Колокол» возлагает на правительство в лице министра М.Н.Муравьева.

В работе Ф.Хартахая, написанной вскоре после эмиграции 1854–1862 гг., появляется мотив конца истории крымских татар в Крыму: «За крымскими татарами сохранится теперь только их историческое значение, впрочем, немаловажное для нас» (С.220).

В публикациях более позднего времени — в особенности научно-популярного и мемуарного характера — возникает нота сожаления по ушедшим татарам: «Вместо того, чтобы гнать и расстреливать воров-чиновников, у нас гнали <...> самое честное из всех крымских племен — татар. Никого так не обидели в эту войну, как это тихое и полезное племя. Его опозорили изменой, его заставили покинуть древнюю родину <...> Крым погиб после удаления татар» (Марков. С.303). Преобладающим становится мотив ностальгии по Крыму ориентальному, персонифицированному в сохранившихся татарских местечках и в оставшихся татарах. «На Отузах лежит особый стиль — милый, давний крымский стиль... Татары вносят известную долю мягкости и ласки в Отузскую долину» (Елпатьевский. С.75–76).

В дореволюционной историографии последующего времени в качестве парадигматической утвердилась точка зрения Г.П.Левицкого, считавшего, что основные причины эмиграции были экономического свойства. По Левицкому трактует эту проблему и К.И.Вернер (Памятная книжка...), чью оценку, в свою очередь, считают наиболее доказательной авторы очерка, претендующего на концептуальное обобщение вопроса (Статистический справочник...).

В советской историографии довоенного периода была предпринята новая попытка осмысления причин эмиграции крымских татар 1854–1862 гг. (Чернышов). Написанная на основе архивных материалов III Отделения Канцелярии е.и.в., работа оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, автор ставит перед собой задачу научного рассмотрения проблемы, анализирует большое число источников и архивных материалов, с другой, в ней уже проявляются черты публикаций 30-х гг., когда практика навешивания ярлыков становится нормой. Агрессивная критика предшественников и их аргументов, занимающая в работе значительное место, предпринята автором для доказательства истинности главной, по его мнению, причины эмиграции — «классовых противоречий и классовой борьбы татар, которая развернулась на территории Крыма в результате новых капиталистических отношений» (Чернышов. С.126). Совершенно очевидно, что эта причина не может стать исчерпывающим объяснением данного движения, хотя для ограниченного классовым подходом системы мышления историка-марксиста такой вывод оказывается единственно возможным.

Довольно глухо отражены в историографии эмиграция 1874 г. и эмиграционные движения последующего времени.

О первой известно, что она связана с сообщением о введении всеобщей воинской повинности и возникшим в связи с этим брожением среди татарского населения. Одной из мер, предпринятых правительством для предотвращения новой волны эмиграции, стало учреждение специального крымского эскадрона, для которого были «изменены некоторые положения и правила строевой службы» и введены «порядки внутренней службы», учитывающие национальные и религиозные особенности крымских татар (Муфтий-заде. С.4; см. также: Мартьянов). Еще слабее изучены эмиграционные процессы конца XIX — начала XX в. Есть данные, что в разгар движения — 1902–1903 гг. — Крым ежедневно покидали 600–800 татар (Крым: Путеводитель. С.146). Некоторое представление об эмиграционном движении этого времени можно составить из сообщений местной периодической печати (Об эмиграционных планах...; К вопросу о движении татар на юге России; Волынец), но сколько-нибудь серьезных исследований по данной проблеме нет.

Таким образом, наиболее освещены в отечественной историографии XIX — 30-х гг. XX в. первая и третья волны эмиграции крымских татар, только намечены — вторая, четвертая и пятая. В исследовании последних

представляется необходимым прежде всего создание репрезентативной источниковедческой базы, которая позволила бы начать научное рассмотрение этих движений. В отношении лучше изученных — первой и третьей — предстоит освоение новых источников: архивных документов и материалов печатных изданий, в том числе из библиотек и архивов стран, куда прибывали выехавшие татары — Турции, Румынии, Польши. Важным в предстоящих исследованиях представляется и применение современных методик и подходов — этнопсихологических для выяснения причин эмиграций, количественных — для расчета их масштабов.

Список использованных источников и литературы:

- А.У. О заселении Крыма новыми поселенцами // Русский вестник. 1866. Т.5. С.256-269.
- Андриевский А.А. Крым и крымские татары. Киев: Тип. губ.правл., 1883. 61 с.
- Б-н И. Крым // Библиотека для чтения. Т.35. М., 1856. Январь. С.3-15.
- Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса: тип. «Одесского вестника», 1888. 112 с.
- Бочкарев В.Н. История России XIX столетия. М., типо-лит. Рихтер, 1912. 436 с.
- Броневский В. Обзорение южного берега Тавриды в 1815 г. Тула: тип. губ. правл., 1822. 192 с.
- Брун Ф.К. Черноморье. Т.2. Одесса, 1880. 404с.
- Волынец А. Выселение татар в Турцию // Крымский вестник. 1901. Ноябрь. № 313.
- Габлиц К.И. Физическое описание Таврической области по ее местоположению и всем трем царствам природы. СПб., 1785. 200 с.
- Гарагуля В.К. А.И.Маркевич // Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны: По архивным материалам. Симферополь: Бизнес-Информ, 1994. С.255-267.
- Гаспринский И. Русско-восточное соглашение. Бахчисарай: Терджиман, 1896. 20 с.
- Гаспринский И. Русское мусульманство // Звезда Востока. 1991. № 4. С.105-119.
- Гольденберг М. Крым и крымские татары // Вестник Европы. 1883. Ноябрь. С.67-89.
- Гонение на крымских татар // Колокол. 1861. Декабрь. №117.
- Горчакова Е. Воспоминания о Крыме. Ч.1-2. М., 1883-1884. Ч.1. 1883. 189 с.; Ч.2. 1884. 215 с.
- Губогло М.Н., Червонная С.М. Крымскотатарское национальное движение. М., 1992. Т.1. История, проблемы, перспективы. 331 с. Т.2. Документы. Материалы. Хроника. 339 с.
- Демидов А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым. М.: тип. Семена, 1853. 543 с.

- Елпатьевский С. Крымские очерки. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1913. 149 с.
- Жигарев С. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX в., критическая оценка и будущие задачи). М., 1896. Т.1. 465 с.; Т.2. 532 с.
- Зуев В.Д. Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 годах. СПб., 1787. 275 с.
- К вопросу о движении татар на юге России // Крым. 1893. Ноябрь. №325.
- Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических. СПб., 1837. 411 с.
- Кеппен П.И. Этнографическая карта. СПб., 1852. 153 с.
- Кизеветтер А.А. История России: XIX в. М., 1915. 235 с.
- Клеemann П. Путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, также в земли Бюджетских татар и во весь Крым и пр., 1768–1770 гг. СПб., 1783. 115 с.
- Климович Л. На службе просвещения: О первой тюркоязычной газете «Терджиман» и ее издателя И. Гаспринском // Звезда Востока. 1987. № 8. С.170–186.
- Кондарак В.Ф. В память столетия Крыма. Т.1–4. М.: тип. В.В.Чечерина, 1883. Т.1. 145 с.; Т.2. 313 с.; Т.3. 135 с.; Т.4. 196 с.
- Кондарак В.Ф. В память столетия Крыма. Т.1–5. М.: тип. В.В.Чечерина, 1883–1884. Т.3. 1883. 572 с.
- Кондарак В.Х. Обычаи крымских татар // Новороссийские ведомости. 1870. Март. № 66.
- Копчевский А. Прошлое и настоящее в песнях Крыма // Забвению не подлежит. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. С.250–254.
- Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: Мысль, 1993. 446 с.
- Корф Б.А. Пребывание в Крыму // Сын Отечества. 1834. Т.41. Ч.143. № 4. С.249–262.
- Кравен Е. Путешествие миледи Кравен в Крым и Константинополь в 1786 г. М., 1795. 525 с.
- Крым: Путеводитель. Симферополь, 1914. 382 с.
- Кулаковский Ю.А. Заметки по истории и топографии Крыма //Археологические известия и заметки. Т.4. № 1. М., 1896. С.1–6.
- Лашков Ф.Ф. Исторический очерк истории крымско-татарского землевладения. Симферополь: Тавр.губ.тип., 1897. 203 с.
- Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. 1882. Октябрь. С.596–639.
- Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т.2. Март. С.155–201.
- Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Л., 1928. № 4. С.375–405.
- Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. Изд.3. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1903. 520 с.; ил.

- Мартыанов П. Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 году // Исторический вестник. 1886. Т.24. № 6. С.698–708.
- Мережковский К.С. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 году // Известия Русского географического общества. Т.17. Вып. 2. 1881. С.104–130.
- Милюков П.Н. Национальный вопрос: Происхождение национальности и национального вопроса в России. Прага, 1925. 192 с.
- Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб.: тип. Особ. канц. м-ва внутр. дел, 1823. 337 с.
- Мурзакевич Н.А. Поездка в Крым в 1836 году // Журнал Министерства народного просвещения. Кн. 13. 1837. С.625–691.
- Муфтий-Заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 г.: По архивным материалам // Симферополь, 1900. 25 с. Отд. отт.: Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. № 30.
- Нарушевич А. Таврикия, или Известия древнейшая и новейшая о состоянии Крыма и его жителей до наших дней. Киев, 1788. 172 с.
- Об эмиграционных планах крымских татар // Крымский вестник. 1893. Март. № 52.
- Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // Забвению не подлежит. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. С.69–73.
- Паллас П.-С. Краткое физическое и топографическое описание Таврического полуострова. СПб., 1795. 72 с.
- Паллас П.-С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793–1794 годах // Записки Одесского общества истории и древностей. Т.12. Одесса, 1881. С.62–208; Т.13. 1883. С.35–107.
- Памятная книжка Таврической губернии / Под ред. К.И.Вернера. Симферополь, 1889. 460 с.; ил.
- Переселение татар и черкесских ногайцев // Русский вестник. 1860. Т.28. С.371–373.
- Пионтковский С.А. Великодержавные тенденции в историографии России // Историк-марксист. Т.17. М., 1930. С.21–26.
- Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. 2. С.356–372.
- Полное Собрание Законов. Т.21. № 15708.
- Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1941. 79 с.
- Сегюр. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. 215 с.
- Сестренцевич-Богуш С. История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем-Богушем. СПб., 1806. 440 с.
- Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1–2. Одесса: тип. Нитче, 1850–1853. Ч.1. 1850. 366 с.; Ч.2. 1853. 552 с.

- Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1731–1823. Ч.1–2. Одесса, 1836–1838. Ч.1. 1836. 289 с. Ч.2. 1838. 351 с.
- Статистический справочник Таврической губернии / Сост. Ф.Н.Андриевский. Под ред. М.Е. Бененсона. Симферополь, 1915. 103 с.; ил.
- Сумароков П. Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803–1805. Ч.1. 1803. 226 с.; Ч.2. 1805. 244 с.
- Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году с историческим и топографическим описанием всех мест. М.: унив. тип. Ридигера, 1800. 238 с.
- Тизенгаузен В.Г. О сохранении и возобновлении крымских памятников древности и об издании описания и рисунков оных // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т.8. С.363–403.
- Тотлебен Э.И. О выселении татар из Крыма в 1860 году // Русская старина. 1893. Т.78. С.531–550.
- Фабр А. Достопамятнейшие древности Крыма. Одесса, 1859. 97 с.
- Филиппов С.Н. По Крыму: Отражения. М.: тип. А.Левенсон и К', 1889. 469 с.
- Фоменко К. Пещерные храмы в Крыму // Труды Киевской духовной академии. Т.3. Киев, 1894. С.385–409.
- Ханацкий К.В. Памятная книжка Таврической губернии. Вып.1 / Сост. под ред. К.В.Ханацкого. Симферополь, 1867. 519 с.; ил.
- Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1866. Июнь. С.182–236; 1867. Июнь. С.140–174.
- Харузин А.Н. Татары: Кефалометрические наблюдения над татарами Южного берега Крыма // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т.68. 1890. С.14–36.
- Частно-вакуфное владение в Крыму. Симферополь, 1892. 411 с.
- Чеглок А.А. Красавица Таврида. М.: К.И. Тихомиров, 1910. 283 с.; ил.
- Чернышов Е.И. Причины эмиграции крымских татар в Турцию в 1860 году: Очерк по архивным материалам // Труды Общества изучения Татарстана. Казань, 1930. Т.5. С.93–128.
- Щербань Н. Переселение крымских татар // Русский вестник. 1860. Т. 12. С.211–229.
- Pinson M. Russian Policy and the emigration the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854–1862. Istanbul, 1974.

*Е.Ю. Садовская,
Э.А. Толоконников
(Воронеж)*

МЕТОД ГРУППОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОСТАНКОВ ЖЕРТВ МАССОВЫХ РАССТРЕЛОВ

«Точное место захоронения неизвестно» — таков стереотипный ответ органов КГБ—ФСБ на бесчисленные запросы родственников тех, кто стал жертвой массовых расстрелов сталинских времен. И ответ этот не содержит лукавства: в актах о приведении в исполнение приговоров к высшей мере наказания (ВМН) время расстрела указано с точностью до часа, а место расстрела — лишь с точностью «до города».

И все-таки в тех случаях, когда захоронения имеют групповой характер (что связано с групповым характером приведения в исполнение ВМН), по нашему мнению, еще остается надежда снять «проклятие безымянности» с мемориальных зон и кладбищ жертв политического террора. В частности это относится к мемориальному кладбищу у поселка Дубовка в двадцати километрах от Воронежа. Здесь под сенью полувековых уже сосен покоятся в расстрельных ямах останки нескольких тысяч жителей Центральной России — воронежцев, белгородцев, липчан и других, — казненных в 1937–1938 гг.

В марте 1938 г. охотник-любитель Иван Текутев обнаружил по просевшей оттаявшей земле ясно видимые следы 103 ям. Эту тайну он хранил пятьдесят лет. Только в августе 1989 г., используя его показания, поисковая группа «Риф» установила точное местоположение нескольких могил и произвела совместно с «Мемориалом», местным КГБ и Краеведческим музеем первые их вскрытия.

Принцип групповой идентификации

В нашей географической зоне сравнительно легко осуществить раскопки — не только с целью ритуального перезахоронения погребенных (тела их просто свалены в расстрельные ямы), но и для проведения научных исследований, направленных на установление имен расстрелянных. Конечно, речь не идет о персональной идентификации останков каждого человека с данными о его внешности с целью опознания. Это дорогостоящая процедура, и едва ли она может быть рекомендована для массовых захоронений. Мы предложили принципы так называемой групповой идентификации. Существо ее сводится к установлению соответствия

между группой лиц, расстрелянных в один и тот же день, группе останков, извлеченных из одного и того же шурфа (ямы).

Такая идентификация не позволяет персонифицировать останки, но она достаточна для того, чтобы победить упомянутое ранее «проклятие безымянности» при создании на местах расстрелов городских мемориальных кладбищ.

Разработанную нами методику групповой идентификации останков мы попытались реализовать на практике в Воронеже. Частично эта работа была выполнена при создании базы данных о расстрелянных жертвах политических репрессий. База данных создается в соответствии с проектом студентки ВГПИ Елены Садовской, включенным в программу «Поддержка молодых ученых», осуществляемую обществом «Мемориал» и Фондом им. Генриха Бёлла.

Исходный принцип групповой идентификации останков основан на предположении, что трупы тех, кто поименован в одном и том же акте о приведении в исполнение ВМН, были погребены после расстрела в одной яме. В дальнейшем эта предпосылка может быть изменена в сторону усложнения на основании более полного изучения самих процедур расстрелов и захоронения. Однако для уяснения принципа групповой идентификации достаточно ограничиться принятым выше предположением.

Далее установленные судебно-медицинской экспертизой данные о возрасте и поле погребенных в одной вскрытой яме сопоставляются с теми же признаками расстрелянных, поименованных в актах приведения в исполнение ВМН и в архивно-следственных делах осужденных. Таким образом осуществляется групповая идентификация каждой расстрельной ямы с актами расстрелов и тем самым определяются имена погребенных в соответствующей яме.

Схематически методика групповой идентификации подразумевает следующую последовательность:

1. Изучение порядка приведения в исполнение ВМН и захоронения расстрелянных в данном регионе.
2. Составление каталога копий актов о приведении ВМН в исполнение (расстрельных актов).
3. Выделение идентификационных признаков и определение их значений для каждого из расстрельных актов. Составление идентификационных описаний актов.
4. Определение местоположения расстрельных ям.
5. Поиск и проведение раскопок расстрельных ям.
6. Проведение судебно-медицинской экспертизы останков погребенных в каждой яме с целью определения признаков для ее идентификации. Составление идентификационного описания ямы.

7. Определение коэффициентов идентичности ямы и расстрельных актов путем математической обработки признаков идентификации, определение наиболее вероятного акта.

8. Рассмотрение дополнительных признаков идентификации.

9. Составление заключения по результатам идентификации.

Рассмотрим более подробно эту методику, используя при ее изложении примеры из опыта работы в мемориальной зоне поселка Дубовка. Однако сначала изложим кратко существо самого математического приема, лежащего в основе определения идентичности ямы и расстрельного акта.

Предположим, что вскрыта одна из расстрельных ям. После этого судебно-медицинская экспертиза позволяет определить пол расстрелянного и его возраст на момент смерти с некоторой интервальной точностью, например в десять лет, так что каждый шурф (расстрельную яму) можно охарактеризовать вектором-строкой с набором значений следующих семнадцати признаков (координат вектора):

1. Общее число останков в шурфе — №.
2. В том числе определяемых как мужские — M.
3. Из них в возрасте до 20 лет — M₁.
4. Из них в возрасте от 20 до 29 лет — M₂.
-
9. Из них в возрасте свыше 70 лет — M₇.
10. Общее число останков, определяемых как женские — F.
11. Из них в возрасте до 20 лет — F₁.
12. Из них в возрасте от 20 до 29 лет — F₂.
-
17. Из них в возрасте свыше 70 лет — F₇.

Приведем пример записи вектора-строки для одного из подвергавшихся экспертизе шурфов:

Номер шурфа (ямы): 24

№	M	M ₁	M ₂	M ₃	M ₄	M ₅	M ₆	M ₇	F	F ₁	F ₂	F ₃	F ₄	F ₅	F ₆	F ₇
44	44	0	5	4	9	14	11	1	0	0	0	0	0	0	0	0

Известно, что приведение ВМН в исполнение всегда удостоверялось актом, в котором поименно указывались лица, расстрелянные в определенный день. Располагая архивно-следственными делами казенных, можно составить для каждого расстрельного акта вектор-строку, элементами которой будут такие же признаки, что и в вектор-строках шурфов:

Номер акта: 241

№	M	M ₁	M ₂	M ₃	M ₄	M ₅	M ₆	M ₇	F	F ₁	F ₂	F ₃	F ₄	F ₅	F ₆	F ₇
67	66	0	2	8	17	24	10	3	1	0	0	0	0	1	0	0

Предположим теперь, что мы располагаем вектор-строками всех расстрельных актов. Тогда после вскрытия очередной ямы, составив по результатам судебно-медицинской экспертизы содержащихся в ней останков описание ее вектор-строки и сопоставляя этот вектор с векторами актов, можно выявить совпадение вектора ямы с вектором одного из актов и сделать вывод о том, что обнаруженные в яме останки есть останки лиц, перечисленных в соответствующем акте.

Возмущающие факторы

При полном соответствии действительной процедуры приведения в исполнение ВМН принятой гипотезе и при безошибочности установления пола и возраста такая процедура идентификации была бы детерминированной и дала бы однозначные и абсолютно достоверные результаты. Алгоритм ее выполнения был бы прост и основан на установлении точного равенства значений координат вектора шурфа и вектора расстрельного акта.

Однако на практике мы должны учитывать целый ряд случайных факторов, действие которых приводит к тому, что точное равенство векторов может явиться лишь редким исключением и рассчитывать на него мы не вправе.

Как правило, существует целый ряд обстоятельств, затрудняющих идентификацию. Среди них можно назвать следующие:

1. При большом числе одновременно расстрелянных их захоронение произвели в нескольких ямах.
2. Несколько групп расстрелянных в разное (но близкое) время и оформленных несколькими актами захоронили в одной яме.
3. К группе расстрелянных по определенному акту добавлены при захоронении отдельные «случайные» лица.
4. Из группы арестантов, приговоренных к ВМН, исключили отдельных лиц и их расстрел и захоронение произвели отдельно.

Нельзя исключить и случайные возмущения, связанные с ошибками экспертизы, нарушением неприкосновенности расстрельных ям еще до момента официального вскрытия, с ошибками при раскопках.

При этом элементы векторов, описывающих останки в расстрельных ямах, становятся случайными величинами, а проблема идентификации принимает характер математико-статистической задачи, ставящей целью оценить близость случайных векторов и выбрать наиболее близкие пары с наименьшей вероятностью ошибки.

Принципиально возможны и неточности в указании возраста расстрелянных в архивно-следственных делах, что влечет за собой неточности элементов вектора, описывающего расстрельный акт.

Рассмотренные «возмущения» сравниваемых векторов заставляют отказаться от поиска их равенства и требуют введения оценки их разнос-

ти. В качестве такой оценки может быть использована среднеквадратическая разность векторов R , выражающаяся формулой:

$$R_i = \sqrt{(N - N_i)^2 + (M - M_i)^2 + \sum_{k=1}^7 (M_k - M_{k,i})^2 + \sum_{k=1}^7 (F_k - F_{k,i})^2}$$

где не отмеченные индексом признаки относятся к вектору вскрытого шурфа, а отмеченные — к вектору i -го акта приведения в исполнение ВМН.

По минимальной разности R_i можно определить самую вероятную идентифицированную пару векторов и сделать вывод о том, что останки, обнаруженные в данном шурфе, с наибольшей вероятностью принадлежат лицам, поименованным в данном акте.

На пути от теории к реальности

Уяснив принцип групповой идентификации, рассмотрим основные этапы ее реализации, опираясь на опыт воронежского «Мемориала».

Разработка эффективного алгоритма идентификации должна базироваться на сведениях о самой процедуре расстрела и захоронения, анализе расстрельных актов во всей их совокупности и данных, получаемых по результатам вскрытия ям.

Некоторые данные о расстрелах репрессированных Воронежским УНКВД содержатся в следственном деле № 89118018 по факту обнаружения массовых захоронений в районе поселка Сомово (лесной квартал 73 у поселка Дубовка), начатом 13.09.1989 г. прокуратурой Воронежской области. Эти материалы могут быть дополнены некоторыми более поздними (1994 г.) показаниями Е.А. Молчанова — бывшего шофера Воронежского ОТО ПП ОГПУ-УНКВД, служившего там с лета 1929 г. по осень 1938 г.

Кроме того мы имеем копии небольшого числа актов о приведении в исполнение ВМН и результаты вскрытия 25 расстрельных ям в указанном районе. (Всего здесь в настоящее время зафиксировано более 50 ям.)

Приведем некоторые сведения о расстрелах в Воронеже, которые могут быть учтены при разработке более сложных алгоритмов групповой идентификации, учитывающих «факторы возмущения» сравниваемых векторов ям и актов.

1. Расстрелы производились в подвале дома УНКВД по ул. Володарского, 41а. Одновременно расстреливали от нескольких человек до нескольких десятков человек (не более 80).

В 1937–1938 гг. операции по приведению в исполнение ВМН выполнялись под руководством коменданта УНКВД Якова Луткова. Судя по актам приведения в исполнение ВМН, расстрелы производились поздно вечером или в полночь. Трупы вывозились грузовыми автомобилями (до четырех машин за ночь) за город в район поселка Дубовка, где УНКВД

четырёх машин за ночь) за город в район поселка Дубовка, где УНКВД имело свои летние лагеря, дачи, стрельбище и отведенную для захоронений территорию слева от дороги, идущей от платформы Дубовка между рекой Усманкой и шоссе.

Трупы вывозились сразу же после расстрела. Кровь стекала сквозь щели кузова, образуя при сильном морозе кровавые сосульки. Утром, по пороше, кровавые следы тянулись от ворот вдоль улицы Володарского. Гараж был общий, так что Е.А.Молчанов, оставлявший свою легковую машину в гараже, часто наблюдал эту картину.

2. Были случаи расстрелов отдельных лиц или небольших групп (2 человека) и их захоронения в иных местах. «По Задонскому шоссе отдельных лиц вывозили. Хоронили где-то километрах в одиннадцати от Воронежа, там еще недалеко хутор Ветряк был», — вспоминает Е.А.Молчанов.

3. Имели место случаи «неактивированных» расстрелов, например священнослужителей. Эта «традиция» Воронежской ЧК тянется с 1919 г., когда в Митрофановом монастыре без суда и следствия расстреляли группу монахов.

Наличие среди останков в шурфах «случайно расстрелянных», то есть лиц, не поименованных в актах, подтверждается, например, тем, что в одной из вскрытых ям был обнаружен большой серебряный наперсный крест. Едва ли священник, прошедший предварительное заключение, следствие, расправу в подвале, транспортировку и «погребение», мог сохранить на себе столь заметный и привлекающий внимание предмет. И действительно, люди, знавшие главного исполнителя расстрелов Якова Луткова, говорят, что он рассказывал, как однажды отправил в яму случайно подвернувшегося под руку сельского священника из близлежащей деревни (вероятно, Сомово).

4. Часть шурфов были неглубокими, и в некоторых местах останки были потревожены, по всей видимости, во время пахоты и при посадке лесонасаждений в 1951–1952 гг. Однако при отсутствии явных следов повреждений захоронения (воронок, раскопов) едва ли следует опасаться исчезновения из ям отдельных останков. Хотя не исключены «потери» из-за небрежного вскрытия ям и неаккуратной проработки их контуров.

5. Наиболее надежными параметрами идентификации следует признать пол и возраст расстрелянного.

Установление пола расстрелянного предпочтительно проводить по остеометрическим показателям бедренной кости и диагностическим коэффициентам (ДК) И.Найниса*. В качестве измерительных признаков в этом случае берутся следующие параметры:

* См. в кн.: Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам / Изд. Саратовского ун-та. Саратов, 1978.

а) длина бедренной кости в естественном состоянии, то есть расстояние от наиболее высоко расположенной точки бедренной кости до плоскости, проходящей через наиболее низко лежащие точки латерального и медиального мыщелков, плотно прижатых к вертикальной стенке остеометрической доски;

б) степень изгиба, то есть расстояние от наиболее выступающей кверху точки на передней поверхности диафиза до остеометрической доски, на которой бедренная кость располагается своей задней поверхностью;

в) ширина дистального эпифиза, то есть расстояние между удаленными друг от друга точками на боковых поверхностях медиального и латерального мыщелков;

г) окружность середины диафиза, определяемая металлической лентой;

д) окружность головки, измеряемая по краю суставной поверхности металлической лентой.

Затем полученные значения показателей, выраженные в миллиметрах, сравнивают с данными таблицы, в которой указаны значения диагностических коэффициентов, соответствующих измеренному параметру. После этого найденные по таблице диагностические коэффициенты складываются. Так как значения коэффициентов могут быть как положительными, так и отрицательными, то и получающаяся сумма может оказаться положительной или отрицательной.

Если суммарный коэффициент (независимо от того, получен ли он по одному или нескольким признакам и независимо от комбинации признаков) оказался больше +128, то исследуемая часть считается принадлежащей женщине. Если же суммарный коэффициент имеет отрицательное значение, превосходящее по абсолютной величине число 128, то принимается решение о принадлежности кости мужчине. При этом считается, что вероятность ошибки не превышает 5%. При суммарном ДК, выходящем за интервал ± 200 , вероятность ошибки составляет 1%, а за интервал ± 300 — 0,1%, то есть выражается в одной ошибке на 1000 экспертиз.

Определение возраста при уже известной половой принадлежности может быть осуществлено по методике, предложенной в 1954 г. Г.Ганzenом. В качестве критерия для определения возраста берется удаленность костно-мозговой полости от вершины большого вертела бедренной кости (в мм). При этом возраст определяется по специальной таблице интервалов значений удаленности. Определив, в какой интервал попадает измеренное значение удаленности, однозначно устанавливают возраст умершего.

Этот сравнительно недорогой метод при хорошей сохранности скелета и при десятигодовом возрастном интервале, с точностью до которого ведется определение возраста по Ганзену, по утверждению экспертов, гарантирует 99,99% правильности результата. Однако опыт практической диагностики первых 20 шурфов показал невероятно большое число женщин среди расстрелянных (до 40%), что фактически дискредитировало

экспертизу. Так что, даже учитывая небрежность работы исполнителей, мы не в праве сбрасывать со счетов указанный фактор, приводящий к «возмущению» векторов ям.

Использование метода Г.Ганзена для определения возраста погребенного по удаленности костно-мозговой полости от вершины большого вертела бедренной кости обеспечивает достаточно высокую десятилетнюю интервальную точность в диапазоне от 20 до 70 лет.

Если принадлежность останков к тому или иному полу установлена, то для повышения достоверности групповой идентификации можно использовать данные о росте расстрелянного. Эти данные легко получить в процессе судебно-медицинской экспертизы, например методом К.Пирсона и В.Дюпертки, то есть по наибольшей длине бедренной кости.

Однако сведений о росте расстрелянного архивно-следственные дела, как правило, не содержат, получить их можно только в отдельных случаях от родственников и знакомых расстрелянного. Малая достоверность таких данных делает нецелесообразным включение роста в число координат (элементов) сравниваемых векторов. И все-таки полностью отказываться от этого показателя в процессе экспертизы не следует, особенно при обнаружении останков явно очень высокого человека.

Проведенный анализ условий идентификации показывает, что ее алгоритм должен предусматривать как возможность нахождения в разных ямах останков лиц, указанных в одном акте, так и обратную ситуацию: помещение в одну яму останков лиц, указанных в нескольких близких по времени составлении актов. Однако при выполнении идентификации с помощью ЭВМ это не может служить серьезным затруднением. В этом случае алгоритм идентификации может быть усложнен и кроме алгебраических действий при определении показателя идентичности будет включать в себя логические операции.

В заключение следует заметить, что при вскрытии ям обычно обнаруживаются поврежденные прижизненно части скелета, отдельные предметы, способствующие идентификации: остатки одежды и обуви, курительные принадлежности (трубки, мундштуки), предметы туалета (мыльницы, зубные щетки, расчески и т.п.), нательные кресты.

Наиболее важными находками являются пластмассовые предметы с выцарапанными на них инициалами или даже частями фамилии. Не исключена возможность обнаружения документов, например квитанций, выданных при аресте и изъятии личных вещей и денег.

В качестве примера таких находок можно назвать упомянутый выше наперсный крест в яме № 5, свидетельствующий о захоронении в яме священника, расческу с инициалами, зубную щетку с предположительной надписью «А.Замятин», курительную трубку с инициалом «Ш» или «Е», многочисленную посуду, лист казенной бумаги из какой-то амбарной книги и, наконец, записку с отчетливо прорисованной частью фамилии

или имени «Аниси». В последнем случае с высокой степенью достоверности удалось установить, что в 18-й могиле захоронен белгородский крестьянин Тимофей Иванович Анисимов. В ночь под Новый, 1938-й, год он и еще 66 его товарищей были расстреляны Лутковым в подвале Воронежского УНКВД.

Надо ли говорить, каким мощным орудием идентификации мог бы стать групповой метод в сочетании с такими находками?

Однако практика показала, что небрежность раскопок и судебно-медицинской экспертизы, безынициативность в исследовании останков и опознании предметов, порой просто недостаточность средств могут погубить любую методику и заставляют отказаться от идентификации даже при весьма вероятном ее успехе. В частности, в случае с упомянутой 18-й ямой эксперимент был сорван из-за частичной утери образцов в бюро судебно-медицинской экспертизы и смешения останков из нескольких ям.

Устная история

Наталья Герасимова
(Саратов)

СОБИРАЯ УСТНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА...

Профессора и студенты 1960-х

Записывая и систематизируя воспоминания о начале студенческого движения в 1960-е гг., я столкнулась с необыкновенным многообразием духовного, нравственного, политического опыта людей, с замечательными типами правдоискателей, сформированными не просто провинциальной жизнью, а невероятным порой переплетением исторических и современных случайностей в жизни человека и в жизни города (Пермь, Нижний Новгород, Саратов).

Ценность таких мемуарных свидетельств видится мне в двух аспектах. Прежде всего меня интересовали *конкретные судьбы* людей, стремившихся в годы тотального вранья прорваться к истине — в политике, в науке — и устоять в истине. Многие из них впоследствии обрели Истину в христианской вере, и потому их пути были интересны мне и с точки зрения многообразия духовного опыта. Но и для специалиста, стремящегося восстановить *историческую картину времени*, мне думается, будут важны эти портреты людей, отразивших психологию их поколения, той эпохи.

Почему я решила обратиться именно к *устным* мемуарам? Во-первых, воспоминания устные, спонтанные «*независимее*» письменных, потому что, когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать и редактор, и цензор (при этом цензура может быть не только политической, но и этической); у него возникает стремление выдержать свои воспоминания в определенном жанре, и он отказывается от многих «*боковых*» подробностей, между тем как одна такая деталь может очень ярко высветить эпоху. Скажем, знаменитый историк-античник Моисей Семенович Альтман вспоминал, как в 1930-х гг. он видел в Ленинграде у черного входа в Зимний дворец объявление: «Царевубийцам сегодня выдается повидло». Никогда и нигде он об этом не написал, а ведь такие детали передают «воздух времени».

Во-вторых, многие из мемуаристов просто не оставляют письменных воспоминаний. Одни — по идейным соображениям, считая, что не следует заниматься саморекламой, поскольку это — суета. Другие не найдут времени для написания мемуаров по причине занятости своей работой. А сохранить их свидетельства для истории представляется важным.

Основу собранных мною материалов составили воспоминания известного историка профессора Владимира Владимировича Пугачева. Владимир

Владимирович — человек судьбы по-своему характерной для нашего века, но в то же время и уникальной.

Родился он в 1923 г., и среди его родственников были, по его выражению, и «Муравьевы, которых вешают, и Муравьевы, которые вешают». Его родственников по материнской линии раскулачили, дед погиб в Караганде, над матерью всегда висела опасность оказаться «дочерью кулака», и был среди братьев его отца тот, кто раскулачивал (вернее, под предлогом раскулачивания отбирал самогон), но был среди них и Константин Савельев, убежденный троцкист, открыто пытавшийся противостоять сталинизму в рамках коммунистической партии и также погибший в лагере. Сверстники Владимира Владимировича — мальчишки, гордившиеся в 1930-е гг. тем, как храбро их отцы воевали на гражданской войне, — уже накануне войны Отечественной разочаровались (не все, конечно) в Сталине, хотя еще и продолжали верить в систему.

Уже после войны молодому историку иногда приходилось идти на компромиссы в частностях ради сохранения исторической истины, в полемике с противниками пользоваться их же словесным оружием. Все это не может быть понято вне контекста времени. И вместе с тем В.В.Пугачев из тех людей, которые до конца не могут вписаться *ни в какое* время, которые всегда противостоят ему, прорываются сквозь него. Воспоминания его показывают жизнь в таких парадоксальных переплетениях судеб, ситуаций, что, будь это описано в художественном произведении, автора упрекнули бы в «сюжетной перегрузке».

Разумеется, субъективность устных воспоминаний необходимо учитывать. Моисей Семенович Альтман как-то раз, цитируя слова Тынянова о том, что все источники искажают истину, иронически прокомментировал: «Значит, будем искажать источники». Моисей Семенович, известный парадоксалист, оказался, как и во многих случаях, прав: поневоле приходится иногда если не «искажать», то мысленно *корректировать* одни источники другими, и важно при этом не упрощать картину, не пытаться выстроить все факты в одну линию, но максимально добросовестно их зафиксировать для воссоздания *образа времени*.

Знакомство с устными мемуарами порой разрушает традиционные представления об этом жанре. Считается, что любой мемуарист задним числом стремится себя «обелить». Но мне довелось столкнуться с противоположной ситуацией, когда люди со своих сегодняшних позиций судили свое прошлое гораздо строже, чем это могли сделать другие. А.И.Романов, отбывший в заключении шесть лет по 70-й статье, говорил мне: «Мы все сидели *за дело*. Мы сидели не за “антисоветскую пропаганду и агитацию”: у каждого из нас были свои грехи, за которые мы несли наказание». В подтверждение своих слов он цитировал стихотворение Ю.М.Даниэля, выразившее, по его мнению, психологию многих правозащитников:

*И не за то, что я кричал,
Меня теперь осудят судьи, —
За то, что на свою печаль,
Как пластырь, клал чужие судьбы...*

Такие мемуарные свидетельства, будучи документом *двух* времен — того, о котором мемуарист вспоминает, и того, когда он осмысливает прошедшее, — приближают к более объемному видению конкретной человеческой личности и истории в ее динамике.

Устные мемуары ценны для истории самой случайностью сцепления фактов, густотой мелочей, не прореженной самоцензурой. В.В.Пугачев вспоминает, например, как, приехав работать в Горьковский университет из Саратова в 1960 г., поразился, что классифицируемое в Саратовском университете по разряду «вражеская вылазка» здесь воспринимается вполне спокойно. По мемуарам восстанавливаются существенные различия в атмосфере разных городов и даже вузов в одно и то же время.

В атмосфере г.Горького (Нижнего Новгорода) сказывалось, что это город рабочих (их независимые настроения проявились, например, на автозаводе, когда во время забастовки из-за отсутствия продуктов люди кричали присланному к ним А.И.Микояну: «Ты-то что можешь сказать?! Давай нам Хруща!»). Сказывалось и необычное происхождение самого Горьковского университета.

В Нижнем Новгороде был политехнический институт — очень крупный, очень независимый по отношению к советской власти. Многие профессора, и в частности проректор института профессор Чорба, советскую власть не признавали. Тогда у А.В.Луначарского или у кого-то из его единомышленников возникла идея: институт закрыть, а на его базе создать, под видом модернизации, Нижегородский университет. Сюда в начале 1930-х гг. приехала из Москвы группа талантливых физиков: А.А. Андронов, ставший потом академиком, М.Т.Грехова (впоследствии — директор НИРФИ)... На их работы по радиолокации, электромагнитным колебаниям обратили внимание, когда американцы в туманную ночь благодаря локации уничтожили японский флот. Вот тогда Андронову, А.И.Бергу были поручены работы по радиолокации. Бергу в 1955 г. дали полного адмирала, Андронов стал не просто депутатом Верховного Совета СССР, но членом Президиума.

Крупные радиофизики, радиохимики задавали тон в Горьковском университете. Их независимость, широта мышления создавали особую атмосферу. Из людей старшего поколения многие «отсидели». Например, химик Григорий Александрович Разуваев, сказавший, что Солженицын в «Одном дне Ивана Денисовича» изобразил курорт. У Разуваева за плечами были десять лет лагерей. Впоследствии, как он вспоминал, для занятий своей научной темой ему приходилось приезжать в Москву на консультацию к академику А.Н.Несмеянову (президенту АН СССР в 1950-е гг.), который тайно клал ему в карманы необходимые химические реактивы.

Разуваев защитил, несмотря на преграды, кандидатскую и докторскую диссертации, был избран членом-корреспондентом АН СССР и только в 1960-е гг., когда «стране понадобились» специалисты в его области, стал действительным членом АН СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий, Героем Социалистического Труда¹.

Такие люди, конечно, не испытывали никаких иллюзий относительно советской системы. Впрочем, как и ученые более молодого поколения, видевшие, что успехи советской космонавтики сильно преувеличены. Крупный радиопизик Казимир Станиславович Станкевич прямо говорил об этом Владимиру Владимировичу.

Свободомыслящие ученые работали в 1960-е гг. и на историко-филологическом факультете Горьковского университета: Алексей Исаевич Гуковский, Петр Андреевич Зайончковский, Юлиан Григорьевич Оксман. Ю.Г.Оксман, дважды исключенный из Союза писателей, отсидевший десять лет на Колыме, изгнанный из Института мировой литературы в Москве, в Горьком был профессором-консультантом по двум кафедрам — истории СССР и русской литературы. С его приездом факультет стал новым культурным центром, новым очагом вольномыслия. Опального пушкиниста, находившегося под постоянным надзором КГБ, по требованию же КГБ и обкома КПСС в 1968 г. уволили. Это была одна из «мер» после появления в университете листовок, приветствовавших «Пражскую весну» (власти решили, что главным «вдохновителем» этого был Оксман)².

Разумеется, никто из преподавателей не «руководил» студенческим правозащитным движением, возникшим в Горьковском университете в 1960-е гг., но в созданной ими атмосфере оно просто не могло не зародиться. Одной из главных фигур его стал Михаил Капранов, который в 1963 г., будучи студентом первого курса истфака, «сформировал» новое правительство из таких же студентов-свободолюбцев, и на демонстрации 7 ноября они выбросили лозунг о свержении правительства Хрущева и о создании их правительства. Программа — расширение демократии, выдвижение на выборах хотя бы двух кандидатов на одно место — «как в Венгрии». Новых «министров» исключили из университета и отправили на завод — «перевариваться в рабочем котле», — однако вскоре, по решению того же КГБ, в университете они были восстановлены.

Михаил Капранов пошел специализироваться в спецсеминар к В.В.Пугачеву, но одновременно с этим занимался созданием новой политической партии. В КГБ узнали об этом из перехваченного его письма, в котором он излагал программу партии. Капранов был исключен вторично, буквально за считанные недели до защиты дипломной работы. Но этим дело не кончилось. Весной 1968 г. на зданиях университета, отмечавшего свое 50-летие, появились листовки, призывающие к солидарности с «Пражской весной». Только через год, после многих обысков и допросов, КГБ удалось доказать авторство Капранова. Михаил Сергеевич Капранов

был осужден на семь лет лагерей строгого режима. В лагере он стал глубоко верующим человеком и, выйдя на свободу, полностью посвятил себя служению Церкви. Сейчас он священник в Барнауле.

Путь М.С.Капранова в какой-то мере типичен для его поколения. В августе 1991 г. мне довелось присутствовать при совместном интервью корреспонденту газеты «Саратов» отца Михаила (Капранова), бывшего проездом в нашем городе, и двух его друзей, с которыми судьба свела его в лагере, — саратовцев Александра Ивановича Романова и Валентина Ивановича Кирикова, входивших в конце 1960-х гг. в «Группу Революционного Коммунизма». Все участники этой группы, объединявшей студентов разных вузов, за изучение работ Ленина и стремление вернуться к «истинному ленинизму» были арестованы и осуждены по 70-й статье. А.И.Романов отбыл в неволе шесть лет, В.И.Кириков — два с половиной года. Выйдя на свободу, А.И.Романов — историк, поэт — работал кочегаром в котельной, приемщиком в химчистке, не оставляя и своих занятий философией. Закончить университет он смог только после реабилитации, через двадцать с лишним лет после ареста. В.И.Кириков — юрист, работает в проектном институте...

В лагере, столкнувшись с политзаключенными, иные из которых сидели еще со сталинских времен, многое перечитав и передумав, А.И.Романов и В.И.Кириков разочаровались в марксизме и пришли к православной вере. Их, как и отца Михаила, привели к этому стремление найти неизблемую правду и любовь к человеку. Система отрицала самоценность человека. Правдоискатели 1960-х гг. пытались противопоставить ей «неискаженный» коммунизм, но, поняв его подлинную сущность, обратились к действительно неизблемым основам нравственности.

Отрывок из этого совместного интервью был опубликован в газете «Саратов» 20 августа 1991 г., в самый трудный день путча, вместе с текстом знаменитого Указа Президента России. Полностью беседу этих трех людей, кроме меня и корреспондента, никто не слышал. И мне подумалось тогда, что такие живые свидетельства необходимо сохранять не только для полноты картины прошлого, но и для поддержания должного нравственного «градуса» в обществе в наше время.

Живые воспоминания непосредственных участников событий ценны еще и тем, что они помогают избавиться от упрощенного восприятия прошлого, подгоняемого под одну схему: противостояние власти и общественности, КГБ и правдолюбцев. Психология людей, по этой схеме, укладывается только в два амплуа — злодея или героя. А ведь с обеих сторон были люди сложные. Первый секретарь Горьковского обкома КПСС в 1960-е гг. К.Ф.Катушев, впоследствии секретарь ЦК КПСС по «странам народной демократии», — один из главных инициаторов ввода советских войск в Чехословакию. Казалось бы, фигура однозначная. Но в «деле Капранова» он повел себя неожиданно. В 1967 г., после вторичного исключения из университета, Ми-

хаил Сергеевич записался на прием к Катушеву. Разговор был любопытный. Катушев сидел рядом со своим помощником.

— Это ваш охранник? — спросил Капранов. — Он боится, что я вас убью?

— Нет, это мой помощник.

Капранов изложил Катушеву свою программу. Тот сказал:

— Вот я старше тебя. Мне в твои годы не на что было купить брюки, я ходил грузить. У тебя брюки есть, тебе делать нечего, ты занимаешься болтовней.

Но после этого визита последовал звонок Катушева ректору университета И.А.Коршунову, смысл которого был: восстанавливать Капранова сейчас, конечно, неудобно, но парень он с головой, со временем его надо будет восстановить.

Здесь сказала, видимо, одна из характерных черт провинции, где, с одной стороны, многие московские директивы «претворялись в жизнь» с еще большей рьяностью, чем в столице, а с другой — отдельные их исполнители, в силу своего природного здравомыслия, могли повести себя неожиданно порядочно, на что в Москве просто не решились бы.

И еще одно наблюдение, которое позволяют сделать устные мемуары. Наличие разных жизненных «слоев», проходящих через один небольшой промежуток времени (а порой и пространства). В. И.Кириков рассказывал мне, что, когда в начале 1950-х гг. Саратовским архиереем был назначен митрополит Вениамин (Федченков) — из первой волны эмиграции, бывший епископом во Франции, США, вернувшийся после войны в Россию, — он провел по одной из центральных улиц города — улице Ленина — огромный крестный ход, каковых в Саратове к тому времени уже больше тридцати лет не проводилось. На улицу Ленина выходят окна корпусов Саратовского университета. Я спрашивала студентов тех лет, что они знали про этот крестный ход. Ничего не знали, как и про ту хрущевскую антирелигиозную кампанию конца 50-х-начала 60-х гг., в преддверии которой он происходил, — самую тяжелую после сталинских «безбожных пятилеток» 1930-х гг. Для них время после XX съезда было только временем освобождения и подъема политического сознания. Явления, о которых идет речь, оставались тогда вне поля их восприятия.

Сейчас, думается, задача состоит в том, чтобы собрать как можно больше *разных* свидетельств того времени, представляющих как бы съемку в разных ракурсах, которая помогает приблизиться к полноте правды.

Примечания:

¹ О Г.А.Разуваеве см.: In memoriam: Ист.сб. памяти Ф.Ф.Перченка. М.; Спб.: Феникс; Atheneum, 1995. С.195.

² Пугачев В.В. Опальный пушкинист в Горьком: Ю.Г.Оксман и «Пражская весна» // Волга. 1995. № 5/6.

*Татьяна Косинова
(Санкт-Петербург)*

СОБЫТИЯ 1956 г. В ПОЛЬШЕ ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ

Предлагаемая вниманию читателей публикация составлена на основе устных интервью с советскими диссидентами и политзаключенными. Интервью записывались автором в России в период 1992–1994 гг. в рамках программы НИЦ «Мемориал» (С.-Петербург) и Восточного Архива (Варшава) «Диалог. Польско-советские диссидентские и культурные связи и взаимовлияния 1950–1980-х гг.». В период с июля 1994 г. по июнь 1995 г. работа над проектом проводилась при финансовой поддержке Фонда им. Генриха Бёлля.

Для многих людей в бывшем СССР середина 1950-х гг. ассоциируется с различными событиями в Польше, с развитием польского ревизионизма, польской прессы и кино. В процессе опросов Л.Н.Краснопевцева, Н.Г.Обушенкова, М.А.Чешкова, В.А.Козового, В.Б.Меньшикова, Б.П.Пустынцева, Э.С.Орловского, И.С.Вербловской, А.П.Лавута, С.Н.Ханженкова, В.А.Гершуни было установлено, что для определенной части оппозиционно настроенной советской интеллигенции то, что происходило тогда в Польше, а затем в Венгрии, стало одним из самых значительных поколенческих переживаний. Основной задачей интервью была попытка максимально восстановить взгляды, представления и переживания того времени, отстраняясь от сегодняшней точки зрения на те события и современного уровня информированности.

Июнь 1956 г. Познань

ЛЕВ КРАСНОПЕВЦЕВ: Летом 1956 г. мы с большой группой студентов отправились в Казахстан на уборку урожая пшеницы. Информация о событиях в Познани была только официальная. После XX съезда обстановка в Польше и Венгрии становилась все более накаленной, и в партийном руководстве как-то пытались ее снизить — убирали старых секретарей. В то время я особенно пристально старался следить за всеми перестановками. После познанских событий произошли изменения в руководстве ПОРП. Появился Охаб — такая невыразительная промежуточная фигура центристского толка, его мало кто помнит. Но как-либо овладеть положением в стране коммунистам уже не удалось. Я старался быть в курсе происходящего, иметь возможно более полный объем инфор-

мации для последующего анализа. До этих событий у нас не было никаких оснований интересоваться чем-то новым в польском опыте: железная система Циранкевича—Берута, опиравшаяся на госбезопасность, держала Польшу очень жестко. Но летом 1956 г. в наших кругах появился огромный интерес к Польше.

Я принадлежал к той части молодой, только что сформировавшейся интеллигенции Москвы, которая стала самостоятельно задумываться над общественно-политическими проблемами в конце 40-х — начале 50-х гг. в связи с острыми идеологическими конфликтами и преследованиями культуры и науки. Наша активность особенно возросла после корейской войны, которая показала нам истинное положение в мире. Но до 1953 г. эти настроения практически не выходили на поверхность, зрели внутри. В 1955—1956 гг. студенческая молодежь Московского университета заметно активизировалась, сам университет стал напоминать тогда бурлящий улей, оппозиционность настроения была очень большой.

БОРИС ПУСТЫНЦЕВ: Мы всецело поддерживали Познань 1956 года. Тем летом польские события явились импульсом, каким-то поворотным моментом для меня и моих друзей. Мы решили тогда, что надо пытаться что-то сделать. В наши двадцать лет это выглядело вполне естественно: казалось, все можно изменить. Правда, быстро пришло понимание того, что мы в этой стране одиноки, как та коза Робинзона Крузо. Массами владел абсолютный шовинизм, 99% населения кричали: «Зиг хайль!», разделяя все имперские устремления власти, даже многие антисталинисты тогда одобряли любые выверты режима... Но остановиться мы, конечно, уже не могли. Польский Октябрь и революция в Венгрии были уже инерцией событий. Логическим завершением был наш арест весной 1957 г. — меньше, чем через год. Выступления в Познани показывали, что все это не на век: в цитадели появились трещины, значит, можно пытаться расширить их, ломать ее дальше.

НИКОЛАЙ ОБУШЕНКОВ: В сентябре 1956 г. я впервые был в Польше. Это была своего рода премия за работу в качестве ответственного секретаря приемной комиссии исторического факультета Московского университета.

Мне рассказывали о том, что происходило в Познани в июне, что происходит в других городах. В то время шли процессы по Познанскому делу. Мое отношение к тем событиям было двойственным. Мне было страшно читать в польских газетах о тех диких эксцессах, которые происходили на улицах Познани. Например о том, как молодые люди, дети репрессированных, интернированных поляков, брали следователей и членов их семей, водили по городу, раздевали до пояса и жгли на их теле газеты, не спеша, постепенно зажаривали людей... Несколько человек погибли. Такие вещи могут вызвать возмущение у любого здравомысляще-

го, не злобного человека. Мне была непонятна такая первобытная жестокость польской молодежи. И обвиняемые, по советским меркам того времени, получили «детские сроки» — пять, четыре, три года заключения.

Еще я услышал о том, что молодежь разнесла вдребезги вертушку-глушилку, которая мешала слушать западное радио. Конечно, их интересовали не политические передачи, а западная музыка. В этом молодежном бунте было очень мало политики по замыслу и содержанию, но он был политическим по значению — это стало открытым выступлением против общества. Так вот, с одной стороны, меня возмущала жестокость молодых поляков, но, с другой стороны, я понял, что все это свидетельствовало о начале большого кризиса всей социалистической системы.

МАРАТ ЧЕШКОВ: На меня произвело большое впечатление не столько само выступление в Познани, сколько реакция ПОРП на эти события. Правда, это не были непосредственные оценки лета 1956-го. Они были высказаны позднее. Абсолютно поразило то, что отношение Гомулки к выступлениям молодежи было положительным. В то время я был младшим сотрудником Института востоковедения. Помню, на комсомольском собрании мы все это обсуждали. Часть комсомольцев сочувствовала познанскому восстанию. Мы считали, что и у нас снизу пора что-то делать, достаточно уже обещаний было. Политику и позицию Польской объединенной рабочей партии мы считали правильной. Таким было наше отношение к тем событиям, и все это было высказано. Это очень возмутило наших партийцев, они вопили, кричали, неистовствовали. Но все обошлось бурными разговорами.

ЭРНСТ ОРЛОВСКИЙ: Познань я заметил, конечно, и сразу стал смотреть, как это освещают польские газеты. Но я не могу сказать, что уделил этому событию очень много внимания. Получилось так, что намного важнее в тот период для меня было все, что происходило в Югославии, — югославская пресса, их газета «Борба», которая появилась у нас в начале 1956 г. Это настолько поглощало все мое внимание, что я не мог спокойно заниматься ни своей диссертацией, ни чем-то другим. Потому, наверное, летние события в Познани у меня не оставили особенных впечатлений.

Осень 1956 г. Октябрьский пленум ЦК ПОРП. Владислав Гомулка

НИКОЛАЙ ОБУШЕНКОВ: Я наблюдал обстановку накануне октябрьских событий. В маленьком курортном городке, где я отдыхал, в экскурсионном автобусе нас очень часто возили вместе с министрами польского правительства, которые находились там в отпуске. Это были представители консервативного крыла из группы Рокоссовского и Новака. Они были возмущены напором ревизионизма. Очень обиженные, рассказывали о том, что их уже практически выставили, что они только формально

являются министрами и заместителями министров и после отпуска уже не вернутся в свои кресла в правительстве, откуда их вытеснили сторонники Гомулки. А сам Гомулка был тогда едва реабилитирован.

Позднее я был в курсе всего, что происходило на Октябрьском пленуме ЦК ПОРП. То, что было непонятно из советских сообщений, например почему все воеводские собрания, только что сменившие свои партийные руководства, посылают приветственные телеграммы в ЦК ПОРП, — комментировали чуть позднее знакомые поляки, с которыми мы все тогда особенно искали контактов. Мы знали из газет о броске танков Рокоссовского и о рейде кораблей Балтийского флота в Гдыне. Варшавский комитет польской партии оказался на высоте событий настолько, что призвал людей выйти на улицы строить баррикады... Все это меня очень интересовало и как историка, и как начинающего маленького политического деятеля, авантюрного плана, правда, но все-таки. Я увидел, что все это довольно простая вещь, убедился в возможности этого.

На собраниях нашей группы я рассказывал о программных установлениях польской партии, о том, как они собираются реформировать польский социализм. Взгляды польских коммунистов, польский ревизионизм были очень сильным стимулятором нашего духовного развития, формирования нашей идеологии. Мы тогда считали, вслед за Гомулкой, еще более вслед за радикальными деятелями типа Элигиуша Лясоты, что социализм можно и нужно реформировать, что есть возможности для этого. Пример Польши в 1956 г. был для нас доказательством.

Потом, уже в лагерных дискуссиях я отличался тем, что продолжал верить в возможность перемен сверху, говорил, что в нашей партии достаточно много людей, склонных к оппозиции, к реформированию, что она не представляет собой единства. Опираясь на пример Гомулки и прогрессивного крыла ПОРП, я выступал за то, чтобы добиваться завершения процесса формирования блока демократических сил, в который обязательно войдут и силы КПСС, а не объявлять тотальной войны коммунистам.

ЛЕВ КРАСНОПЕВЦЕВ: С большим напряжением я следил за теми осенними событиями. В Польше разгорелся колоссальный политический кризис. Все лето ситуация там постепенно накалялась. В октябре все вспыхнуло — прошел знаменитый Октябрьский пленум, вернувший к руководству партией Гомулку, Зенона Клишко — в профсоюзы. Спыхальский взял в свои руки армию, гомулковцы заняли ведущие посты в экономике. Полетели Берман, Минц, Новак — все сталинисты.

Естественно, все мы были очень рады этому. Гомулка вернулся почти из тюремной камеры. Все понадеялись, что пережитое не прошло ему даром, что многое изменилось в его коммунистических взглядах и настроениях. Первые сведения о Гомулке появились у нас в период Отечественной войны, когда стало известно, что в Польше есть некий «товарищ

Веслав», который руководит борьбой коммунистов с немцами, является организатором Армии Людовой... Насколько я понял по беседам с Ляской, Польша была в восторге от Гомулки еще летом 1957 г.

Восстание в Будапеште своей трагичностью и размахом заслонило польские события. Нашим, моим иллюзиям именно тогда пришел конец. Мы поняли, что там стреляли в нас, нас давили танками, наших единомышленников, там погибали наши товарищи и наше будущее. Венгрия стала для нас каким-то лучом света.

Что касается поляков, то мы поняли, что они совершили тактически очень верный шаг, пойдя на консолидацию с Гомулкой. Гомулка тогда оградил Польшу от того, от чего Имре Надь не смог оградить Будапешт, он спас своих соотечественников от расправы будапештского типа. Тем не менее мы всегда очень критически и подозрительно относились к личности этого «железного» человека. Хотя понимали, что поляки под крышей гомулкинского режима очень много добились: частная собственность в сельском хозяйстве восторжествовала, развивалась частная торговля, был достигнут высокий уровень свободы информации. К этому времени относится осознание необходимости борьбы с существующей системой. Я отошел от активной комсомольской деятельности, пошел в архивы и библиотеки, где занимался не столько своими аспирантскими обязанностями, сколько личными делами. Я начал писать свою работу по истории демократического движения в России, за которую и получил, собственно говоря, свой лагерный срок.

ИРЭНА ВЕРБЛОВСКАЯ: К Гомулке было очень хорошее отношение. Его приход воспринимали как большой сдвиг влево. Он сменил совершенно кондового, железобетонного Берута и был окружен ореолом мученичества. Сталинский мученик! — естественно, его идеализировали у нас. И разобраться тогда объективно в том, что он по сути из себя представляет, было практически невозможно. Симпатии к нему сохранялись довольно долго, пожалуй, вплоть до антисемитской кампании 1968 г.

ВЛАДИМИР ГЕРШУНИ: С именем Гомулки связан один эпизод, о котором рассказал мне мой друг Владимир Тельников, диссидент и политзаключенный; сейчас он эмигрировал, работает на Би-Би-Си. Володя очень независимого характера, и когда он сидел во Владимирской тюрьме, то постоянно грызся с надзирателями. Однажды вертухай не выдержал и сказал: «У меня сам Гомулка таскал парашу! А ты кто такой?!» У него была своя, ментовская гордость: когда-то он охранял Владислава Гомулку, покрикивал на него, заставлял выносить парашу... Всю революцию 1956 г., конечно, ассоциировали прежде всего с Гомулкой, с тем переворотом в ПОРП, который он возглавил. Как же хорошо он начинал!.. Во всяком случае, так нам казалось сначала... Но 1968 г. отравил мне всю жизнь, когда тот же Гомулка в марте запретил «Дзяды» Мицкевича.

Источники информации. Роль польской прессы

АЛЕКСАНДР ЛАВУТ: С 1956 г. я регулярно читал польские газеты. В то время там была большая заварушка, в результате которой пришел к власти Гомулка, — первое очень заметное обновление в соцстранах, многое там стало другим. Особенно это было видно по газетам. Я стал выписывать и читать их, вначале — что попало, а потом уже регулярно читал «Политику». Из разных публикаций знал, что одним из самых популярных изданий был журнал «По просту», но его здесь не было, да и просуществовал он очень недолго: либеральный по меркам того времени Гомулка его быстро закрыл. А «Политика» хотя и была партийной газетой — ее издателем считался ЦК ПОРП, — но с очень широкой информацией и свободой изложения, сравнимой с нашими изданиями 1987 г. Читая, я начал понимать и устную речь. И потом уже все время старался следить за тем, что происходило в Польше, читал газеты, иногда что-нибудь еще. Выписывал «Политику» вплоть до середины 70-х гг., пока подписку на нее не запретили у нас.

ЭРНСТ ОРАОВСКИЙ: Газету «Трибуна люду» я пробовал читать еще в 1954 г., когда у нас впервые появилась в продаже пресса стран народной демократии, но она мне показалась совершенно неинтересной, совпадающей с нашими, даже менее привлекательной, чем газеты ГДР того времени. Потом, в начале 1956 г. вдруг в ней и в «Штандар млодых» стали появляться интересные статьи. Тогда я регулярно читал «Зешиты теоретичны-политичны» — очень интересный политический журнал, типа дайджеста.

В Польше выходило еще одно совершенно замечательное издание Польского института международных вопросов — «Збюр документув». Там печатали многие интереснейшие материалы, которые у нас вообще практически невозможно было достать, например программную речь президента США, полный текст резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, документы из Китая, Индии и тому подобное. Параллельно печатались два текста: оригинал и его перевод на польский. Если оригинал был на польском, тогда перевод был на русский или английский язык. Эти сборники, несмотря на то, что выходили с большим опозданием, были для меня особенно важными, потому что я не люблю рассуждения философские и социологические, я люблю точные факты.

В то время я не собственно Польшей интересовался, а прежде всего польской печатью, потому что через польские издания мог получить обширные сведения о многих вещах и событиях. Например, если польские коммунисты не поддерживали итальянских или еще каких-нибудь ревизионистов, то они все равно информировали об этом, подробно излагали их взгляды. Одно время я выписывал польские журналы «Пшиязнь» и «Польша». Были периоды, когда у нас вообще запрещали подписку на «Польшу», это тоже очень интересный журнал. Тогда я впервые стал

делать переводы с польского для различных подпольных изданий, начиная с «Информации» — такого маленького бюллетеня, который мы составляли вместе с Револютом Пименовым и Ирэнной Вербловской.

ИРЭНА ВЕРБЛОВСКАЯ: Мы успели выпустить шесть или семь номеров «Информации». С польского большинство переводов делала я, некоторые — Эрнст и даже сам Револют. Размножали их на печатной машинке. В них были различные сведения и факты, о которых умалчивали советские средства информации. И польская пресса была для нас одним из самых важных источников. Польский язык я начала учить задолго до этого, когда в университете выбрала себе специализацию по истории польского рабочего движения. Я довольно хорошо знала историю Польши, всегда ею интересовалась.

В Ленинграде угол Невского проспекта и улицы Бродского, рядом с гостиницей «Европейская», стал в середине 1950-х гг. очень важным местом. Человек двадцать-тридцать там ежедневно стояли в очереди в газетный киоск, дожидаясь, когда подвезут прессу соцстран. Расхватывали, кто — какие. Вначале совершенно не брали венгерские газеты по причине незнания языка, но наступил октябрь 1956 г. и венгерские тоже стали разбирать. А в ближайшем сквере на площади Искусств их разворачивали и «соображали на троих» — кто сколько слов знал — так переводили, совершенно незнакомые друг с другом люди. Я не могу сказать, что все подряд читали польские газеты, такого не было. Но мы очень жарко обсуждали все, что там происходило.

Самыми важными для меня, не считая ежедневных газет, были журналы, особенно «Пшегленд культуральны». Политические новости интересовали меня намного меньше культурных преобразований в Польше в том году.

НИКОЛАЙ ОБУШЕНКОВ: После возвращения из Польши, в начале октября 1956 г. я в течение месяца научился читать по-польски, стал регулярно выписывать польские газеты, познакомился с «Трибуна люду», с «По просту», с другими серьезными журналами. Часть получал в библиотеке, часть — от студентов и аспирантов нашего факультета. Помню, буквально через несколько дней после выхода у меня появился журнал «Новы дроги» — политический орган ЦК ПОРП — с подробнейшим изложением знаменитого пленума 19–21 октября 1956 г., и все выступления, в том числе объяснения Рокоссовского по поводу продвижения наших войск к Варшаве, у меня были. Я с удивлением и интересом ловил все сведения о Польше.

В обвинительном заключении или в приговоре, не помню, есть фраза о том, что на одном из собраний группы, которое проходило у меня на квартире, я делал переводы с польского. Я переводил для товарищей доклад Гомулки и какие-то документы ПОРП, опубликованные в польской прессе... Польские издания я продолжал потом выписывать в лагере.

МАРАТ ЧЕШКОВ: У меня лично в середине 50-х гг. никаких источников информации, кроме нашей, советской, прессы и каких-то слухов, которые ходили в студенческой среде, не было. Зато потом в лагере информация о польских делах была лучше, чем на свободе в 1956 г. Первое время там разрешали получать иностранную прессу. Я читал «Юманите» и всю информацию черпал оттуда. Многие наши ребята выписывали польские журналы и газеты. Кто-то, по-моему, Коля Обушенков, даже учил итальянский и получал итальянскую прессу. В то время для нас не менее важным было все, что происходило в итальянской компартии, ее позиции по различным вопросам, — в частности, отношение итальянских коммунистов и мирового коммунистического движения к тем же событиям в Польше были очень значимыми для нас.

СЕРГЕЙ ХАНЖЕНКОВ: Разумеется, в конце 50-х гг. я начал учить польский язык, потому что появилась газета «Политика», которую мне захотелось читать. С десяти лет я регулярно читал газеты. А с информацией у нас всегда было плохо. Тут я установил, что если в наших газетах о каком-либо событии написана одна строчка, то в польских — уже колонка. Там будет многое расписано, будут упомянуты какие-то люди, то есть что-то можно почерпнуть для дальнейшего анализа. Исключительно в этих целях я купил польский словарь и углубился в изучение польской прессы.

БОРИС ПУСТЫНЦЕВ: В моем случае было полегче с получением информации — я слушал Би-Би-Си и «Голос Америки» на английском, английский эфир у нас тогда не глушили. С друзьями мы пытались слушать «голоса» и на русском, где удавалось пробиться через глушилки.

Могу сказать, что очень многие в те годы сбились с пути истинного благодаря польской прессе. Правда, чтобы начать читать что-нибудь подобное, человек уже должен был получить какой-то толчок извне или изнутри, должен был появиться интерес. Но потом люди вчитывались, им хотелось, чтобы у нас было так, как там, потому что понимали — там свободнее, хотя бы потому, что информационный барьер не такой плотный. Польские ревизионистские издания находили горячий отклик в юных марксистских сердцах. А в те далекие времена, в середине 50-х гг., тем более еще раньше, при жизни «вождя и учителя», практически вся оппозиция была марксистского толка — социалистическая. Я был белой вороной даже среди своих, на меня смотрели как на недоразвитого, потому что я не был марксистом. И это, наверное, естественно: после нескольких десятилетий пропаганды коммунистических идей недовольство режимом и осмысление происходящего совершались под девизом: «оплевано прекрасное». Поэтому такой успех имели югославские идеи времен раннего социализма: рабочие советы, самоуправление и так далее. Сюда же относится и польское влияние.

Я читал «По просту» в основном. Был такой общественно-политический, литературоведческий и философский журнал. Его выписывал мой приятель. Самые обычные польские журналы, например «Пшекруй» или «Доокола свята», содержали информацию, которую здесь мы могли получить, только слушая всякие «голоса» через глушилки. А в лагере это вообще был единственный источник информации. Почти все там учили польский. Нам разрешали получать польские и другие издания до 1961 г., до введения нового Уголовного кодекса. Естественно, они приходили с большим опозданием, но все равно это была какая-то отдушина. Они давали информацию, не столь дистиллированную, как советские органы печати — она была и экстенсивнее и интенсивнее. Тогда я знал польский язык на уровне чтения. До сих пор понимаю прекрасно речь, могу объясниться, читаю, как по-русски.

ВАДИМ КОЗОВОЙ: Польский язык я выучил, читая польские газеты в 1956 г. С 1955 г. стала выходить «По просту», и я стремился читать ее, а также «Штандар млодых», литературные журналы, например «Жиче литератце». Читал я их, чтобы следить за политическими событиями, которые меня глубоко волновали, потому что я в то время уже был отпетым антикоммунистом. С другой стороны, это было для меня какое-то культурное окно на Запад, если можно так сказать. В лагере из журнала «Фильм» я узнавал о том, что происходит в кино. О многих событиях истории, не только польской, я тоже узнавал впервые из публикаций в польской прессе. Я внимательно следил за процессом реабилитации, воскрешения истории. Несмотря на то, каким было мое отношение к тем или иным персонажам, мне было интересно следить за тем, как совершенно забытая, зачеркнутая история возрождалась заново. В польских изданиях этот процесс шел несравнимо глубже и шире, чем у нас, даже в период оттепели. Меня волновал процесс идейного, идеологического обновления в Польше, с огромным интересом я читал историко-философские, теоретические статьи. Через польскую прессу я соприкасался впервые со многими течениями социологической и философской мысли.

Польская культура. Кино

ВЛАДИМИР ГЕРШУНИ: В тот год родилась острота, потом применяемая и к другим странам восточного блока: «Польский барак — самый веселый в нашем лагере». Очень воодушевляли художественные выставки, где поляки первыми стали выделяться своим авангардом. Мы сразу почувствовали: жизнь там пошла веселее, чем у нас. Хотя очень быстро начался откат: Гомулка дал погулять всего несколько месяцев. Я помню его слова: «Пора за работу, хватит митинговать». Рассказывали, что он не любил театра, плевался и чертыхался, когда бывал на спектаклях. Это был тупой, черствый функционер, замкнутый в партийных делах, интригах

и дрязгах, совершенно чуждый культуре. Он очень напоминал Никиту. Тем не менее именно со стороны Польши в то время получали мы не только информацию о последних художественных течениях, но и наглядные примеры развития современного искусства.

НИКОЛАЙ ОБУШЕНКОВ: В моем доме всегда была тяга к польской литературе, польскому языку. Кроме газет и журналов мы с женой, сотрудницей Института славяноведения, специалистом по истории Польши, всегда читали польские книги, и детям тоже привили любовь к ним. Они читают по-польски, особенно любят детективы. В нашем доме польский стал будничным, домашним языком.

БОРИС ПУСТЫНЦЕВ: Я выписывал польский журнал «Экран», следя по нему за развитием мирового кинематографа. О всех польских фильмах мы многое знали задолго до того, как они выходили на советские экраны. Никогда не забуду, как вдруг совершенно неожиданно нам в лагере показали «Покушение» Пассендорфера... Польское искусство я воспринимал прежде всего как способ противостояния существующему режиму. Оно всегда носило какой-то оппозиционный налет, иногда откровенно оппозиционный характер. К сожалению, как я сейчас понимаю, оно не воспринималось нами как искусство, само по себе. Наше отношение ко всем вопросам носило политизированный, идеологический характер. И в польском искусстве мы видели прежде всего вызов системе. Это было одним из тех элементов, которые помогали выжить.

ВАДИМ КОЗОВОЙ: Для определенной части интеллигенции в Советском Союзе Польша с 1955–1956 гг. служила мостом в Европу, в европейскую культуру — начиная с культуры самой отвлеченной, культуры идей и вплоть до политической культуры. То что было запрещено или не допускалось советской цензурой, доходило до нас в Москве через Польшу, через польские книги, журналы, кино и театр. Все это было на польском языке, с польскими акцентами и нюансами. И так получилось потому, что поляки добились сохранения относительной свободы в области культуры даже в период сталинского режима. И это не может быть забыто.

Нечто подобное происходило и в Венгрии, что-то там тоже печаталось, несомненно. Но, думаю, будет довольно трудно найти кого-нибудь в бывшем Союзе, кто бы впитывал все это в венгерской интерпретации.

Если говорить о кино, то в польском кино 50-х гг. есть примеры подлинного искусства. «Канал» Вайды я впервые увидел в лагере — очень трагический, прекрасный фильм. Позднее в лагере нам показали фильм Ежи Пассендорфера «Покушение» — очень хороший фильм, снят в строгой, документальной манере. Уже тогда поляки умели делать отличное кино. В их фильмах остро и трагически был изображен конец целой эпохи, границей которой и стал, на мой взгляд, 1956 г.

В польских журналах я впервые прочитал многие философские труды, новейшие произведения западной литературы, стихи и романы — Фолкнера, к примеру. Этого я не забуду полякам, в хорошем смысле, я им многим обязан. Я не просто следил тогда за развитием польской общественной жизни, культуры в особенности, это являлось частью моего существования с середины 50-х гг.

ЭРНСТ ОРЛОВСКИЙ: Именно к культуре — музыке, живописи, архитектуре — у меня интерес был небольшой. Не только польское искусство меня не интересовало, но и русское. Честно. На польское кино я, конечно, ходил, фильмы Вайды очень люблю. Но, скажем, намного важнее того же фильма «Пепел и алмаз» для меня была книга Анджеевского, которую я прочитал гораздо раньше... Вот книги — да! Совершенным потрясением для меня было в 1956 г. заглавие книги, которую я увидел и сразу же купил: «Обзор боевых операций Войска Польского в 1946–1949 гг.». У нас никогда не бывало подобных книг. Конечно, я сразу стал ее читать.

Я старался следить за развитием польской литературы постоянно. Очень гордился, когда, кроме газет, смог осилить первую книгу на польском. Это был один из детективов Збигнева Ненацкого. Я стал выписывать журнал «Новые польские книги» (он выходил на русском языке), чтобы быть в курсе всех новинок. В журнале «Польша» тогда был опубликован репрезентативный отрывок из романа Казимежа Брандыса «Матка Крулей». Эту книгу я считаю особенно важной, просто необходимо перевести ее на русский. Это одна из немногих книг, где глубоко, талантливо изображена психология если не прямых виновников, то соучастников репрессий — партийных работников, авторов доносов и так далее. С тех пор Брандыс, скажу вам, важен для меня ничуть не меньше Льва Толстого. К ним двоим я обращаюсь постоянно. До сих пор мне кажется, что польская литература во многом глубже нашей в психологических сторонах, там чаще и больше эти темы затрагиваются — рефлексия, осмысление прошлого и настоящего. Мне очень много дали польские художественные и исторические, юридические источники.

ИРЭНА ВЕРБЛОВСКАЯ: Для нас настоящей революцией стала статья Яна Котта в журнале «Пшеглэнд культуральны», забыла ее название. В ней впервые был подвергнут сомнению социалистический реализм. Это было неслыханно! Представьте, что нам вбивали в голову: искусство должно отражать только то, к примеру, что я сейчас вижу за окном, но немножко красивее. Смешно, да? А Ян Котт писал о том, что допустим иной взгляд на реальность — не только из чувственных восприятий, но из какого-то другого потока сознания... Я лихорадочно бросилась переводить эту статью, чтобы всем-всем быстрее рассказать об этом.

Это было время воздействия двух киношкол — польской и итальянской. Не знаю, какое воздействие имело польское кино в политическом плане, но в нравственном, безусловно, должно было иметь. Залы были переполнены, люди выходили потрясенными. Но, думаю, все же это не было, как говорят физики, каким-то нуклеарным воздействием, потрясением до основ.

Примеры связей, впечатления от контактов с поляками. «По просту»

ВЛАДИМИР ГЕРШУНИ: Очень важными для меня были встречи с поляками в лагере. Массовая репатриация тогда еще не началась, и их было много в Карлаге. Среди них встречались такие, кто в полной мере соответствовал выражению «гордый поляк». Независимые, с развитым, не сравнимым с нашим чувством собственного достоинства. Там были разные люди, из разных сословий и поколений, но всех отличали чувство собственного достоинства и способность до конца сопротивляться.

Освободился я в 1955-м. Поэтому, когда через год в Польше началась революция, я был внутренне совершенно готов к этому, я как будто бы ждал чего-нибудь подобного именно от поляков.

БОРИС ПУСТЫНЦЕВ: Я общался в Ленинграде с польскими студентами. Я очень увлекался джазом. Поэтому когда приезжали какие-то музыканты, а в основном, они приезжали из восточно-европейских стран, с ними тоже стал быстро общаться. Мы говорили о многом — что-то из наших сведений подтверждалось, что-то корректировалось. Приезжавшие поляки, самые радикально настроенные из них, утверждали: «Все может быть по-другому. У нас — уже по-другому. Если вы будете бороться, то и у вас будет так...»

НИКОЛАЙ ОБУШЕНКОВ: В нашей группе довольно тесные контакты с поляками имел Вадим Козовой, но об этих контактах я знаю понаслышке. Все контакты Меньшикова и Краснопевцева не были их личными инициативами: они предварительно обсуждались и согласовывались всей группой. Я имел многочисленные встречи, беседы и приятельские отношения со многими молодыми поляками во время своего пребывания в Польше. Я бывал во многих домах, участвовал в их развлечениях. Они доверяли мне, оберегали от возможных столкновений. Я этого не чувствовал, но они говорили, что мне лучше не надо оставаться одному, потому что могут быть неприятности, не от них — от кого-нибудь другого.

Были потом встречи и в Москве. У студенток нашего факультета были знакомые поляки. Когда они приезжали, то я обычно участвовал в этих вечеринках, чтобы девушки не были скомпрометированы, и заодно узнавал все последние польские новости. В университете мы очень активно общались с польскими и венгерскими студентами. Постоянно шел обмен

информацией и взглядами. Я вел группу дипломников, почти целиком это были венгры, поляки, восточные немцы. Думаю, приехавшие к нам поляки представляли потом у себя на родине все то лучшее, что было в ревизионистском движении. Лидерами они не стали, но определенную роль большинство из них сыграли.

МАРАТ ЧЕШКОВ: Когда я учился на историческом факультете, в период с 1950 по 1955 г., у нас было двое поляков. Оба они жили в общежитии, поэтому я не мог с ними контактировать. По-моему, они ничем не выделялись, особенно какими-то оппозиционными взглядами, я не заметил этого, они были типичными советскими студентами, компанейскими парнями. А вот студенты из Венгрии, наоборот, выделялись своей политизированностью из общей массы.

Но потом, учась в аспирантуре на экономическом факультете, я заметил, что, в отличие от нашей любви к марксистской теории, умения разбираться в основных догмах, поляки старались отстраняться от этого, как бы не принимали такого теоретизирования всерьез. У нас, лично у меня, на этой почве возник комплекс превосходства. В среде советских ревизионистов он существовал весьма устойчиво и довольно долго. Нам казалось, что мы намного лучше владем марксистской теорией. Это должно было вызывать у поляков отнюдь не чувство собственной ущербности, а скорее иронию. Марксистские догмы они тогда не отвергали открыто, но как бы отодвигали их. Вот так: «Не столь уж это важно в конце концов...» И очень часто уже тогда излагали новейшие западные идеи.

В середине 50-х гг. возникли связи, обусловленные событиями в Польше 1956 г. и нашими реакциями на них. Но конкретного очень мало. Тогда любые контакты с поляками были исключительно важны для нас, главным образом ради получения информации и обмена мыслями и соображениями. Организационных связей мы не налаживали. Помню, как Меньшиков просил меня приехать в общежитие на Ленинских горах к польским студентам, чтобы вести с ними разговоры в ревизионистском духе и узнать, что у них реально происходит. Несколько раз он просил меня найти в общежитии кого-нибудь из польских студентов или аспирантов, с кем было бы интересно побеседовать. Но получалось так, что я ездил туда главным образом в клуб, на танцы. У меня даже была одна знакомая полька, Магда Жимайтис. Но я не помню, чтобы мы вели с ней политические разговоры. Это было приблизительно во второй половине 1956 г.

Тот же Володя Меньшиков познакомил меня с польской журналисткой Левандовской. Но я не помню, о чем конкретно мы с ней говорили. Тогда мы обсуждали разные польские идеи. Особенно нас интересовал их специфический способ кооперации в сельском хозяйстве, который не настаивал на коллективной собственности. У них в то время возникли и действовали рабочие советы, что тоже было весьма интересно.

ВАДИМ КОЗОВОЙ: Краснопевцев хотел, чтобы я начал создавать какие-то кружки подпольные международные. Я был единственным студентом в нашей компании. У меня были приятельские отношения с несколькими поляками, которые учились у нас. То что можно назвать чем-то более-менее последовательным — контакты с польскими журналистами из «По просту» и «Штандар млодых», — возникло позднее, весной 1957 г. Занимались этим в основном Краснопевцев с Меньшиковым.

Из Польши Лев Краснопевцев привез сборник статей из «По просту» за 1955–1956 гг. издания и подарил его мне. Потом с этой книжкой была история, когда в Харькове кагэбэшники искали ее в доме моих родителей.

ВЛАДИМИР МЕНЬШИКОВ: Международных связей, кроме контактов с поляками, у группы не было. Нами руководило тогда естественное желание общаться с единомышленниками. Общество было настроено консервативно, мы находились как бы в вакууме. И контакт с людьми, которые думают так же, как мы, был очень интересен и важен для нас. Других международных контактов не возникало. С чехами ничего подобного быть не могло — они были все ортодоксальны. Венгры — да, но знакомых венгров не было, и я сомневаюсь в том, что венгерский студент осмелился бы открыть рот в Москве. Кроме поляков не было никого. Да и эта связь возникла по чистой случайности задолго до Московского фестиваля, где мы собирались развить бурную деятельность. Одна девушка с нашего факультета, за которой я в свое время ухаживал, подружилась с польским студентом. Имея достаточно четкое представление о моих настроениях, однажды она пригласила меня на встречу с главным редактором тогдашней левой газеты «По просту» Лясотой. Каждый студент тогда имел свою комнату в двухкомнатной квартирке в общежитии на Ленинских горах, что было крайне удобно. Соседка моей знакомой отсутствовала, в нашем распоряжении была вся квартира. Там и состоялась первая встреча. Со мной были ребята из тех кружков, которые я вел. При Лясоте — два паренька. Насколько помню, в нашем деле говорится об этой связи, о «По просту», об этом потом даже в газетах написали.

Зачем нам это было нужно? При первой встрече не было разговора о подпольной группе, но очень четко обозначились политические позиции обеих сторон. Полякам было сложно: их главный говорил по-русски, остальные двое — нет. Он переводил. Разговор проходил в бесконечных извинениях из-за форм обращения, принятых в польском языке. Постоянно произносилось: «“Панове” — отнюдь не означает “господа”, мы — товарищи! Об этом не может быть и речи, мы истинные коммунисты!..» Они подробно рассказывали о том, как они агитируют, как выбирают темы, раскрывают их — о повседневной журналистской работе оппозиционной группы.

Поляков интересовало абсолютно все: в цитадели коммунистов появляется подпольная группа! Сами они были на последнем издыхании, первый взлет демократизма 1956 г. сходил на нет, Гомулка начал их прижимать, — они это явственно говорили. Но у них все было легально: Лясота — депутат Сейма, открыто выпускал оппозиционную газету... Совершенно иная картина. Если сравнить, это похоже на ситуацию 1989 г. у нас.

Потом перед фестивалем Лев Краснопевцев съездил в Польшу в составе какой-то студенческой делегации. Там, имея мою рекомендацию, он встречался с Лясотой и другими людьми из «По просту». Все прошло успешно, они договорились об обмене литературой. Но он носил односторонний характер: Лясота вывез в Польшу экземпляр Левиной книжки — на этом обмен завершился.

Через какое-то время после этого меня нашла польская журналистка Ирэна Левандовская. Представилась, что она от «По просту», но, Бог ее знает, от кого она была на самом деле. Очень активно шла на контакт. Но эти контакты были абсолютно пустыми: она дала мне почитать какие-то материалы ПАП — Польского агентства печати, они были достаточно критические и резкие.

Позднее приезжал их философ, молодой парень — Колаковский. Было известно, что он был марксистом, и мы очень хотели с ним встретиться, но этого не получилось. Мы даже связались с одной полькой, знакомой Левандовской, приготовили квартиру, разработали какую-то идиотскую детскую методику нелегальной встречи с ним. Но та полька сказала по телефону, что «за Лешеком очень жесткая слежка, и наша встреча исключена».

ЛЕВ КРАСНОПЕВЦЕВ: Связи служили главным источником информации. В университете училось достаточно много польских студентов и аспирантов. Держались польские студенты, в общем, независимее, резче, в отличие от чехов или венгров. Но в студенческой среде у меня практически не было контактов...

У нас на историческом факультете учился один парень — Эрнест Скальский. С ним и с его женой, Лией Новиковой, позже было связано много событий. Через них были установлены основные контакты нашей группы с поляками.

С Элигиушем Лясотой я встречался, когда был в Польше в составе молодежной делегации. В мае в Москве была одна полька, журналистка Левандовская. Меньшиков, Скальский и другие ребята несколько вечеров беседовали с ней. Мы знали, что молодежное движение в Польше активно развивается и имеет очень серьезные позиции. Тогда уже было известно, что я поеду в Варшаву, и Володя попросил Левандовскую договориться о моей встрече с главным редактором «По просту» Лясотой — очень авторитетным человеком среди молодой интеллигенции.

Когда я был в Польше, меня поразила открытость, раскрепощенность поляков, уровень их культуры казался мне недостижимым для нас. Такие были первые впечатления. Лясота был тогда в обращении со мной предельно демократичен и контактен. Я воспринимал его как единомышленника.

Позднее, в июле-августе 1957 г. мы встречались с группой поляков, которые сами нашли меня во время работы Московского фестиваля молодежи. Тогда мы тоже о многом беседовали.

После нашего ареста госбезопасность первым делом кинулась на наши польские связи. Думаю, им нужен был этот «международный заговор», чтобы придать особый вес нашему делу. Мой следователь Сыщикова ездил в Варшаву со специальным заданием. Материалы «По просту» были включены в дело. Производились обыски у Скальских, там нашли мою работу, насколько помню, и нашу листовку, текст которой мы собирались передать в Польшу. Вскоре после нашего ареста «По просту» была закрыта.

Польский вопрос. Либерально-демократические традиции

МАРАТ ЧЕШКОВ: Для советского студента — а я был обычным, средним советским студентом — проблемы традиции не существовало. Нам, как историкам, вроде было бы и важно ее учитывать, но этого не происходило, насколько я могу сейчас реконструировать наши, лично мои взгляды того времени. Мы активно интересовались политикой, были крайне политизированы. Но при чем тут традиции, когда нами владело сознание первопреходства, даже первородства? Мы все начали сначала, мы не знаем, чем это все может закончиться, как будет развиваться. Да, мы знали о польских восстаниях, декабристах, Герцене. Краснопевцев Ленина сопоставлял с герценовской традицией. Тем не менее для него эталоном оставался Ленин. Традиции оставались в области теоретического знания. Но это не касалось рефлексии. Всерьез к традициям стали обращаться тогда, когда стала более-менее вырисовываться и осознаваться химеричность тех наших марксистских иллюзий.

Если судить о событиях 1939 г., то мы не могли утверждать, что Сталин с Гитлером сговорились и разделили Польшу, так не формулировалось. Но мы считали тогда, что Советский Союз занял «объективно...» — это расхожее выражение тех лет означает «независимо от намерений и существующей обстановки» — «объективно антипольскую позицию». И, будучи историками, расценивали это как продолжение вековой традиции разделов Польши. Интересовались мы и событиями 1920 г., считали поход на Вислу чистой авантюрой, а создание польского ревкома с Дзержинским и Мархлевским во главе — типичным экспортом революции. Не могу сказать, что в рассуждениях мы доводили до конца выражение своей приязни к Польше или откровенную антипатию к внеш-

ней политике большевиков. Но тем не менее, оценивая все в коммунистических категориях, мы считали, что позиция Советской России в польском вопросе не была интернационалистской, не соответствовала понятиям истинного пролетарского интернационализма.

БОРИС ПУСТЫНЦЕВ: Мы прекрасно знали польскую историю. Отношение к Польше, к другим соцстранам, по-моему, является очень важной составляющей частью мироощущения человека. Имперский период я перерос, когда мне было четырнадцать-пятнадцать. Года через два я совершенно серьезно воспринимал лозунг «За нашу и вашу свободу», понимал, что мы делаем одно общее дело, — их оппозиция режиму и наша. Борьба Армии Крайовой с советской оккупационной армией для некоторых из нас, для меня в частности, была примером, моделью. Я постоянно слушал Би-Би-Си на английском и всю ситуацию искренне воспринимал с подачи Лондона. Я был белой вороной среди своих приятелей, ориентированных на прогрессивную модель социализма, потому что мне было интересно все, что касалось польского правительства в Лондоне, армии Андерса, гражданской войны в Польше после 1944 г. Я был заражен польским духом сопротивления. И был у меня огромный комплекс вины уже тогда — не только перед поляками, но и перед другими народами, которым мы учинили столько кривды. Он основывался главным образом на знании истории: я знал, что эти страны оккупированы моей армией. Нет, я не считал ее своей, я всегда говорил «они», а не «мы». Но я ведь не выступал против этого, — значит, был соучастником.

В 1956 г., несмотря на хрущевские разоблачения Сталина, население было не готово к пониманию того, что мы, Советский Союз, можем быть неправы, а уж тем более к комплексу вины перед другими народами. Миф о советской исключительности — результат железного занавеса и информационного вакуума — преобладал в массовом сознании.

ИРЭНА ВЕРБЛОВСКАЯ: Как бы там ни было, они продолжали и после своего Падзерника сидеть под нашим кулаком — все равно все дирижировалось Москвой. Они всегда безумно нас боялись и не любили. Очень боялись и очень не любили. Сколько поляков прошло через наши лагеря!.. Как им не бояться?.. Наши отношения не взаимоадекватны: у них нет оснований для любви к нам. Они симпатизируют только тем из нас, кто определенным образом демократически настроен, с теми они могут искать общее. Но, к сожалению, те, кто демократически настроен, никогда не делали музыку в нашей стране. Демократы здесь играют под сурдинку... Плохо у нас с комплексом вины. У русских вообще плохо с комплексом вины. По отношению ко всем, начиная с самих себя...

ЛЕВ КРАСНОПЕВЦЕВ: Польша всегда была нам особенно близка. Мы — историки. Мы знали об отношении Герцена к полякам, Чернышевского к полякам, социал-демократов, меньшевиков, просто русских интел-

лигентов демократической ориентации. Для нас со времен студенчества, со школьных лет были характерны отношения эмоциональной поддержки польского освободительного движения, союзнические отношения с их оппозицией. Поляки вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с царизмом. Мы считали себя последователями демократической традиции поддержки польского освободительного движения.

Общие оценки событий 1956 г. Развитие интереса к Польше после 1956 г.

БОРИС ПУСТЫНЦЕВ: Все, что происходило тогда в Польше, было невероятно интересно. Практически мы знали, стремились знать все о тех событиях, очень пристально следили за ними. Это казалось началом трансформации большевистского режима. Польша всегда была оплотом оппозиции русскому режиму — и до большевизма, и после. Сравнительно большая страна с развитой культурой, не Болгария и не Венгрия по масштабу, такой перекресток Европы — Восток-Запад. А в 1956 г. Польша воспринималась как островок если не свободы, то полусвободы. Не политической — политические различия были незначительны между нашим режимом и польским, по сути это было одно и то же. Но атмосфера в обществе, этот вольный дух, присущий Польше, заражали и притягивали.

МАРАТ ЧЕШКОВ: Польские события мы очень много и долго обсуждали до ареста и в лагере. Для нас стало очевидным, что сталинская модель социализма не воспроизводится в странах Восточной Европы, а именно в Польше и Венгрии, что она там потерпела поражение и они будут искать свой, индивидуальный путь. Помимо внутренних польских преобразований нас интересовало развитие отношений Польши с Советским Союзом. Мы стали осознавать, что имеются основания для постоянно возникающих противоречий и непонимания, что польская сторона, начиная с руководства ПОРП, все чаще открыто выбирает позицию противостояния. Взять хотя бы положение перед Октябрьским пленумом 1956 г. и сразу после него. Несмотря на то, что отношения Гомулки и Хрущева впоследствии нормализовались, было впервые публично продемонстрировано не просто стремление к независимости, но открытое игнорирование установок Москвы. Это было большой победой Гомулки и необычайно подняло его авторитет в глазах поляков и всех сочувствующих польской революции.

АЛЕКСАНДР ЛАВУТ: Массового интереса к событиям 1956 г. в Польше, тем более массовой полонофилии, в то время я не наблюдал. Круг интересующихся был достаточно узким, — интеллигенция в основном. Их радовали те изменения, которые происходили в Польше, Венгрии, затем в Чехословакии. Польское развитие здесь очень отражалось на умонастроениях, и, конечно, эта связь все время чувствовалась. Может быть, она и проявлялась в чем-то материальном, но довольно слабо. Потому что,

скажем, в подцензурной литературе и публицистике в то время она не могла найти отражение, а самиздата практически не существовало.

ИРЭНА ВЕРБЛОВСКАЯ: Начиная с 1956 г. Польша была одинаково важна для филармонических девочек и джазовых мальчиков, для марксистов и антикоммунистов, для достаточно большой части советской интеллигенции разных поколений. Почему все, что происходило у них тогда и потом, находило здесь такой живой отклик? Может быть, потому, что поляки все же очень близки нам. Они свои, наши. В отличие от чехов или венгров. С ними у нас была общая история, совместный опыт. А совместный опыт, как я думаю, пусть даже отрицательный и самый страшный, — он людей не разъединяет. Допустим, даже лагерь — пример тому. А чужой опыт остается чужим...

СЕРГЕЙ ХАНЖЕНКОВ: В 1956-м моим родителям разрешили выехать с Колымы «на материк». Наша семья обосновалась в столице Белоруссии Минске. Тогда я уже был законченным антисоветчиком. Но открытое сопротивление коммунистической системе, к которому меня влекло, казалось чем-то невысказанным, просто самоубийством. Но уже не привлекали те формы скрытого противостояния, которые появились после «оттепели»: узкие брюки, джаз, кино и другие влияния Запада, Польши в частности. Все это казалось чем-то вроде фиги в кармане, и я смотрел на это несколько свысока.

Поэтому польский ревизионизм того времени я не переживал как-то особенно ярко, и те события в Польше не стали значимыми для моей внутренней биографии. Если говорить о Польше, то намного важнее для меня был провал польской кампании Красной Армии в 1920 г. Большевики говорили тогда: «Варшава — Берлин — Париж!..» И тут — на тебе: вся страна поднялась, и армия Тухачевского была разбита, — это меня восхищало. Идея «мировой революции» провалилась, и это, бесспорно, заслуга поляков, именно они тогда защитили Европу от коммунистического нашествия. Узнал я об этом достаточно рано. Все было прекрасно описано, хотя и старались многого не говорить: ведь это было крупным военным поражением. А польский Пазьдзерник был все же по сути попыткой реформировать существующую социалистическую систему, если не считать извечного стремления поляков к независимости.

ВЛАДИМИР ГЕРШУНИ: Года через два-три после польской революции у нас появилась очень странная книжка. Была она по сути цитатником из польских газет и журналов периода вольности 1956-го. Автор — поляк, некто Кшемь — писал в таком духе: «Обратите внимание, до чего может довести ослепление антикоммунизмом...» И дальше шла цитата на полторы страницы из захватывающих материалов, опубликованных в «По просту» или в «Пшегленд культуральны». Книжка называлась «Против идеологического разоружения партии. По материалам публикаций в поль-

ской печати 1956–1957 гг.». Я носился с ней тогда как с писаной торбой, всем знакомым советовал немедленно ее покупать. Она очень быстро исчезла с прилавков. Абсолютно неважны были куцые комментарии составителя, на них никто не обращал внимания. Вот эта книжка сыграла тогда большую роль.

ВАДИМ КОЗОВОЙ: За всеми событиями 1956 г. я следил очень внимательно. Все, что происходило тогда в Восточной Европе, особенно в Польше, было для меня частью процесса десталинизации и началом краха коммунистической идеологии. И собственно отношение к Польше мало выделялось из общего сочувствия процессам смены сталинского режима. Поэтому тогда у меня не было четко сформулированного отношения к отдельно взятым событиям в Польше, явлениям польской культуры, тем более к польскому вопросу, проблемам польско-русских отношений. Но мало-помалу именно с того времени я стал все больше и больше об этом задумываться.

Польский опыт

НИКОЛАЙ ОБУШЕНКОВ: В 1950-е гг. горячий интерес к Польше был связан с поисками ответа на вопрос: что и как делать? У поляков мы искали образцов поведения.

Чрезвычайно поучительной была моя поездка в Польшу осенью 1956 г. Я был молод и энергичен, у меня было много интересов. Это был самый канун октябрьских событий в Польше и Венгрии. Я впитывал ту предреволюционную психологическую атмосферу предгрозя.

Такое я наблюдал впервые. Дело в том, что как аспирант, начинающий научный работник, я очень интересовался июньскими событиями 1953 г. в Берлине. Но тогда мне еще казалось, что все это — действие «бывших» элементов, продолжение «фашистского похмелья». Так работала пропаганда. Но уже появились сомнения, не было полной уверенности в адекватности официальных советских оценок. Очень смущало активное участие рабочих. И тут вдруг в Польше я увидел совершенно незнакомую мне обстановку... Ведь у нас в Москве это был еще дофестивальный период: боязнь доносов, страх перед любым лишним словом, постоянная оглядка на совершенно реально существовавших тогда, открытых осведомителей — их полно было вокруг нас. А в Польше я увидел, что это уже не работает, или на это никто уже не обращает внимания, что люди раскованны, внутренне свободны, вплоть до того, что свободно бросают лозунги, пусть наивные, неглубокие, — это была уже не иллюзия свободы, это были ее первые признаки, заря свободы в обществе. И это очень сильно повлияло на меня. Появилось желание что-то подобное делать, чтобы достичь такого же уровня раскрепощенности общества у нас.

Особенно интересно было узнать о том, как молодежные группы готовят и разбрасывают листовки, организуют различного рода диспуты, встречи,

маленькие митинги, — словом, создают брожение в обществе. Я понял, что какие-то радикальные изменения — дело вовсе не легендарное, что это вот тут, в нашей среде существует. Я увидел носителей этой идеологии, которые участвовали в подготовке революции и не гордились этим, а рассказывали обо всем так просто, как могли бы говорить, например, о том, как танцевали накануне с прелестной девчонкой. Меня всерьез заинтересовало то, как готовились молодыми поляками преобразования в обществе.

В то время я был морально готов вступить в какую-нибудь нелегальную группу или создать ее. Поэтому, когда вернулся, то буквально в течение пары месяцев мы с Краснопевцевым договорились о формировании своей организации. Потом узнал, что речь шла о моем вхождении в уже реально сложившуюся или складывающуюся группу, а не о ее создании. И мое участие в написании листовки летом 1957 г. было связано не столько с ожиданием каких-то определенных политических сдвигов в нашей стране, — я уже не был настолько наивен, — сколько был расчет на то, что наконец начнется что-нибудь подобное тому, что я видел в Польше.

В лагере от желания адаптировать польский опыт к нашим условиям я перешел к разработке какой-то системы взглядов, более ориентированных на ситуацию в нашей стране. Но и тогда и сейчас их опыт преобразований в экономике, начиная с 1955 г. до сегодняшних дней, очень ценен для меня, я часто использую его в своих работах. Польский опыт — это что-то данное на всю мою сознательную жизнь.

МАРАТ ЧЕШКОВ: Начиная с 1956 г. Польша интересовала меня в нескольких аспектах. Первый аспект: что вносят польские эксперименты, польский опыт в модель социализма — критика сталинской модели, восприятие и попытка усвоения поляками югославской модели. Мы в то время считали, что именно югославский опыт был модельным. Само понятие «модели» вообще тогда не оспаривалось, оно возникло позднее. В принципе, верно ли вообще говорить о каком-то опыте, возводя его в степень модельности? Это уже теоретический вопрос для любителей.

Второе, что было важно лично для меня, — развитие польских общественных наук. Они в значительной степени прогрессировали в то время и были очень важным источником в моей работе, а я все время занимался развивающимися странами. Особенно интересны были работы Ежи Клиера о многоукладной экономике, о соотношении государственного устройства, госсектора с экономикой. Это было очень полезно. В каком-то смысле некоторые наши научные работники занимались тем, что перелагали идеи поляков для местного обихода. Многие мои друзья и коллеги по институту в разное время, после 1956 г., пропагандировали польский опыт. И чем дальше шло дело, тем с большей очевидностью мы понимали, что польские общественные, социологические науки очень сильно прогрессировали по сравнению с нашими. И Польша выполняла

роль не только некоего реле, передатчика западных идей в сфере общественных наук. Главный их вклад в том, что, не отвергая марксистской, истматовской догматики, они снизили ее теоретический статус. Оценивая ее с точки зрения эмпирической науки и с точки зрения реальности, они очень много сделали для развенчания марксистских догм, вплоть до сведения к идее их бесполезности. Это было очень существенно.

ИРЭНА ВЕРБЛОВСКАЯ: Польша имела для нас всегда особое значение, потому что это была связующая нить, которая тянула нас к Западу. Какие бы катаклизмы ни возникали, то, что там происходило, было для нас чем-то вроде зеркала, зачастую мучительного: мы наблюдали и начинали проецировать — а вот у нас могло бы быть так? Наши связи с польским народом неформальны, они идут по очень разным путям. Не зависимо от границ, а в зависимости от разных этапов политической истории ближне-западное, польское влияние было сильнее, чем какое-либо другое. Между Россией и Польшей происходит значительная диффузия. В особенности в момент, когда появляются оттепельные симптомы и тоталитарный режим немножко отступает, — тогда мы лучше, полнее воспринимаем.

В 1956 г. она стала для нас окошечком, калиточкой, каким-то глазочком... Да, впервые оттуда мы о многом узнали, многое увидели. Нам казалось, что многое из опыта их преобразований можно и у нас претворить, нам хотелось этого. Польша была каким-то подобием модели. Мне приходит на ум кокетливое сравнение: Польша была моделью такого прекрасного платья, которое я, конечно, никогда на себя не надену, но как же оно замечательно!..

Биографические справки:

ВЕРБЛОВСКАЯ Ирэна Савельевна, родилась в Ленинграде в 1932 г. Историк, экскурсовод. Арестована в Ленинграде в марте 1957 г. по делу группы своего мужа, Революта Пименова. Приговорена к 5 годам лишения свободы по статье 58-10 ч.1, 2 Уголовного кодекса РСФСР за участие в антисоветской группе, изготовление и распространение антисоветских материалов. Живет в С.-Петербурге.

ГЕРШУНИ Владимир Львович, родился в Москве в 1930 г. Был трижды арестован: в 1949, 1969 и 1982 гг., судимость по политическим статьям, сроки отбывал первый раз — в лагерях, последние два — в спецпсихбольницах. Писал стихи, занимался правозащитной деятельностью. Жил в Москве. Умер в 1994 г.

КОЗОВОЙ Вадим Маркович, родился в Харькове в 1937 г. Поэт, переводчик французской поэзии, до ареста — студент IV курса исторического факультета МГУ. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10 ч.1, 58-11 к 8 годам лишения свободы. Живет в Париже.

КРАСНОПЕВЦЕВ Лев Николаевич, родился в Москве в 1930 г. Историк. Арестован в Москве в августе 1957 г. за организацию антисоветской группы в Московском университете, написание листовки с призывом к забастовке. Осужден по ст.58-10 ч.1, 58-11 к 10 годам лишения свободы. Живет в Москве.

ЛАВУТ Александр Павлович, родился в Москве в 1929 г. Математик, правозащитник, член Инициативной группы защиты прав человека в СССР. Арестован в апреле 1980 г., осужден по ст. 190-1 за изготовление и распространение правозащитных документов на 3 года лагерей общего режима, повторно в 1983 г. осужден по той же статье за антисоветскую агитацию среди заключенных на 5 лет ссылки. Живет в Москве.

МЕНЬШИКОВ Владимир Борисович, родился в Улан-Удэ в 1933 г. Историк. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Приговорен к 10 годам лишения свободы по ст. 58-10 ч.1, 58-11. Живет в Москве.

ОБУШЕНКОВ Николай Григорьевич, родился в Вологодской области в 1929 г. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10 ч.1, 58-11 к 6 годам лишения свободы. Живет в Москве.

ОРАЛОВСКИЙ Эрнст Семенович, родился в Ленинграде в 1929 г. Математик, правозащитник. Подвергался допросам, обыскам и вызовам в КГБ по многим политическим делам, начиная с группы Пименова (1957 г.). Живет в С.-Петербурге.

ПУСТЫНЦЕВ Борис Павлович, родился во Владивостоке в 1935 г. Переводчик, режиссер дубляжа. Арестован в Ленинграде в мае 1957 г. за участие в антисоветской группе Виктора Трофимова и выпуск листовки в поддержку восстания в Будапеште. Осужден по ст. 58-10 ч.1, 58-11 к 10 годам лишения свободы. Живет в С.-Петербурге.

ХАНЖЕНКОВ Сергей Николаевич, родился в лагерном поселке Усть-Утиный Магаданской области в 1942 г. Инженер. Арестован весной 1963 г. в Минске. Осужден на 10 лет лагерей по ст.ст. 69, 65 и 67, ч.1 УК БССР за антисоветскую деятельность, создание антисоветской организации и диверсию — подготовку взрыва глушителя одной из минских радиостанций. Живет в Минске.

ЧЕШКОВ Марат Александрович, родился в Москве в 1932 г. Историк. Арестован в сентябре 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10 ч.1, 58-11 на 8 лет лишения свободы. Живет в Москве.

*Екатерина Белоусова
(Санкт-Петербург)*

НАШИ СОВРЕМЕННОЦЫ О РОДОВСПОМОЖЕНИИ В РОССИИ

Представление женщин о характере родовспомогательной медицины в нашей стране — о врачах и младшем медперсонале, об уровне медицинского обслуживания, о методах отечественной медицины и о причинах, вызывающих её кризисное состояние, до сих пор практически не являлось предметом специального рассмотрения. Это весьма симптоматично само по себе. Результаты подобного исследования должны были бы заинтересовать реформаторов системы здравоохранения, так как без учета взгляда женщин на существующее положение дел в системе принятия родов, их замечаний и пожеланий никакие перемены к лучшему в отечественных роддомах не произойдут.

Исследование представлений женщин о системе родовспоможения в России и о характере ее связи с государством проводилось нами по материалам устного опроса. Всего было собрано 32 интервью. Возрастные и социальные категории представлены следующим образом: 20–25 лет — 3, 25–30 лет — 10, 30–35 лет — 4, 35–40 лет — 5, 40–50 лет — 3, 50–65 лет — 5, 80–90 лет — 2; из них 5 рабочих, 13 служащих, 2 учащихся, 8 домохозяйек, 4 пенсионерки (2 из них — бывшие врачи). Опрос проводился в Санкт-Петербурге, но среди информанток были женщины, рожавшие в разных населенных пунктах бывшего Советского Союза — в Пскове, Киеве, Ростове-на-Дону, Мурманской и Московской областях, Эстонии. Информанткам предлагался список вопросов, как можно более полно затрагивающий разнообразные аспекты представления о родах. При обработке материала нами учитывались как ответы на прямо поставленные вопросы, так и представления, выраженные в ответах лишь имплицитно, причем зачастую они вступали в противоречие друг с другом.

Прежде всего следует оговорить, что при коммунистическом режиме в России существовала единая государственная система родовспоможения, не имевшая альтернатив. Все роддома имели равные предписания относительно методов приема родов, всюду существовали единый режим и система запретов. Главенствующая роль в принятии решений, касающихся медицинской и, в частности, родильной помощи населению принадлежала Минздраву (первоначально Наркомздраву). М. Леви в своей книге «История родовспоможения в СССР» пишет: «...особенность советской

системы родовспоможения заключается в том, что родильная помощь планируется в общегосударственном масштабе. В основу планирования родовспоможения положены методика и нормативы, утвержденные Народным Комиссариатом — ныне Министерством Здравоохранения Союза ССР. Все это обеспечивает учреждениям родильной помощи единую структуру, единое руководство и контроль за выполнением плана и однородные методы работы...»¹. Таким образом, система родовспоможения в нашей стране была неразрывно связана с государственной системой. Пытаясь проследить представление женщин о характере взаимоотношений двух этих институтов, мы столкнулись с двумя основными точками зрения по данному вопросу.

Часть информанток утверждает, что родовспомогательная медицина является жертвой государства, которое непосредственно виновно в ее кризисе. Первое обвинение, предъявляемое женщинами государству, — отсутствие значительных ассигнований на медицину: *«Государство не помогает таким заведениям»* (И11)*. Женщины усматривают прямую связь между этим фактом и дурным обращением с собой, просчетами или бессилием медперсонала. Они пытаются оправдать медиков, указывая на такие последствия мизерности денежных инвестиций в медицину, как низкий уровень жизни (*«Отношение медперсонала — как везде у нас. Их тоже можно понять — они уже тоже озверевшие, как все, по-моему, в нашей стране»* — И8), небольшая зарплата медперсонала и, как следствие, отсутствие у него фактора заинтересованности в работе (*«Все это, конечно, от зарплаты зависит, от условий, в которых люди работают. <...> целая комната детей, и одна сестра еле живая приходит за копейки — ну так что ожидать»* — И8), его усталость от тяжелой и неприятной работы, неприязнь к ней (*«Я понимаю, что у них своя работа, что их достало это — все эти небритые гражданки, но как-то неприятно»* — И18).

Отсутствие стимула к хорошей работе, по мнению женщин, приводит к безразличию медиков к своим обязанностям, к матери и ребенку, к их халатности и недобросовестности. Им приписывают такие качества, как невнимательность: (*«Долго не хотели меня в родильное отправлять, не верили, что у меня там воды отходят — мне это просмотрели»* — И18), равнодушие: (*«Они по-свински относятся. Им было наплевать абсолютно. То есть отношение как к скотине»* — И24), недобросовестность: (*«Она взяла список и начала водить пальцем по строкам, и тут оказалось, что строчки идут не прямо, а косо, и это лекарство, собственно говоря, относится к другой больной»* — И22), желание снять с себя ответственность (*«Меня долго не хотели туда записывать, потому что у меня карточка по беременности была на эстонском языке. Они говорили:*

* Отсылки даны на шифр интервью. В настоящее время интервью готовятся к печати.

повезайте в свое Гарту» — И20), неаккуратность («Кто запаздывал с кормлением — мы уже сидим, ждем, помылись, а они то позже придут, то позже приедут их забирать» — И12).

Бедность, усталость и озлобление с одной стороны и отсутствие страха потерять работу и полная безнаказанность с другой, в свою очередь, приводят к грубым нарушениям медработниками правил врачебной этики. Наиболее часто называются такие злоупотребления, как хамство («Врач, женщина средних лет, фамилии ее я не знаю, очень раздражалась, обзывала меня тупой скотиной и еще как-то» — И1), насмешки и издевательства («Они, вместо того, чтобы объяснить, или резко ответят, или на смех могут поднять — тоже не очень приятно» — И19), обман («Они меня обманули. Они сказали: не волнуйся, мы тебе прокалывать ничего не будем, потому что я заранее еще сказала: ничего мне не надо прокалывать. <...> Врач сказала: видишь руки — у меня нет ничего. Я только посмотрю. И вот она меня проткнула» — И17), вымогание денег («Детский врач, который пришел в первый же день после того, как я родила, начал просто-напросто вымогать у меня взятку за ребенка» — И25), подтасовка медицинских фактов («У девчонки поднялась температура, а она говорит: ладно, мы напишем в журнале, что у тебя нормальная» — И18), «показуха» («Перед СЭС сразу же всем выдали чистые ночные рубашки, постелили какие-то простынки из гуманитарной помощи чуть ли там не шелковые, сразу же появилась горка одноразовых шприцов в процедурной — там многоразовые были» — И18), предоставление личным знакомым особых привилегий («Если бы это было не по знакомству, они вряд ли что-нибудь стали бы делать» — И20), злоупотребление спиртными напитками на работе («Может быть, все еще осложнялось тем, что были майские праздники. Команда была совершенно пьяная» — И23), занятие личными делами в рабочее время («Медсестру было не дозваться — она смотрела «Марию» — тогда этот сериал шел» — И20).

Отсутствие у роддомов необходимых средств для содержания достаточного штата низшего персонала — нянечек и уборщиц, — а также низкая зарплата последних приводят к антисанитарии, влекущей за собой инфекционные заболевания: «Меня очень поразила антисанитария, извиняюсь за выражение, абсолютно засранный сортир» (И1), «Тут мы приуныли и увидели в этот же момент жирного таракана, бегущего по гинекологическому креслу» (И3).

Недостаток средств, выделяемых государством на медицинскую помощь населению, имеет еще и такие последствия, препятствующие налаженной работе роддомов, как недостаточное число в них персонала («С медперсоналом мы мало общались, потому что, естественно, сестер мало в роддомах, врачей тоже, они все заняты своими делами, дел у них много, рожениц тоже» — И25), нехватка в роддомах необходимых лекарств («Выяснилось, что необходимого гормона «Синестрола» в роддоме нет.

Еще они собирались колоть мне «ношу»... ее в роддоме тоже не было <...> больше меня никак лечить не собирались» — И1), отсутствие препаратов («Потеря крови у меня была больше двух литров, и поэтому мне влили ее не положенное количество, а меньшее, поскольку даже в Институте скорой помощи ее оказалось всего литр или полтора, остальное доливали физиологическим раствором» — И23), дефицит одноразовых инструментов («Разговоры медсестер между собой о том, что вот за границей все инструменты одноразовые и уничтожаются после употребления» — И1), недостаток аппаратуры («А после этого на следующий день моего ребенка перевели в детскую больницу. Я думала, что ее повезут в кювете, но, поскольку он был нужен в роддоме, ее просто так завернули и повезли. Она очень плохо перенесла этот переезд, сразу ослабла, и первое, что мне сказали — что она, вероятно, опять не выживет» — И20), нехватка белья, редкая смена его («Ночные рубашки меняли, а постельное белье, естественно, не каждый день и не каждые три дня <...> Естественно, все было залито молоком, это очень неприятно. С подкладными были проблемы» — И19), дурное питание и его недостаточность («Утром меня поразила мерзостная склизкая холодная каша, кусок булки с маслом и чай без сахара, которого всем не хватило» — И1), отсутствие удобной мебели («Правда, к младенцам приходится время от времени вставать, а это-то как раз весьма проблематично при столкновении двух предтопылок — провисающих кроватей и швов» — И1), недостаток телефонных аппаратов и необходимость для женщин звонить за свой счет («ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА ДОРОДОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НЕОБХОДИМО: <...> Жетоны метро для автомата-телефона» — И1).

Весьма ощутимы последствия нехватки средств как для строительства новых роддомов, так и для ремонта и переоборудования имеющихся. Зачастую роддома располагаются в зданиях, решительно не приспособленных для этой функции, результатом чего являются их перезагруженность, нехватка палат, их перенаселенность («Был на полгорода один роддом на Щорса, и там такое творилось...» — И8), отсутствие благоустроенных помещений для соблюдения личной гигиены («Ни помыться, ни в туалет сходить. Туалет без дверей. Ведь после родов это особая проблема» — И6), неудобство и непродуманность расположения помещений («Мы благополучно бежали в душ на другой этаж через темные коридоры» — И2), неналаженное водоснабжение («На Щорса из старого здания сделали роддом — ни помыться, ничего» — И8), плохая система отопления («Там холодно очень было в палате. Наша палата и детская были дверь в дверь, только через коридорчик. Как откроют оттуда дверь, и мы ноги поднимали на кровать скорей — такой холод был» — И9), отсутствие вентиляции («Такая духота — просто там невозможно находиться. Не до конца там все продумано, не все палаты приспособлены» — И19).

Другое существенное обвинение, предъявляемое нашими информантами государству, связано с политикой, проводимой по отношению к «хорошим», высококвалифицированным врачам. С одной стороны, указывается на то, что цвет отечественной медицины был планомерно истреблен в сталинскую эпоху. С другой стороны, и оставшиеся в живых врачи не имели возможности действовать согласно своим убеждениям и были скованы системой предписаний, продиктованных высшими инстанциями. Считалось, что Минздрав при принятии своих постановлений учитывает изыскания научно-исследовательских институтов акушерства и гинекологии. Однако на практике передовые начинания часто пресекались на корню. Одна из наших информанток, бывший сотрудник Института акушерства и гинекологии Российской Академии наук им. Отта, рассказала нам об эксперименте, проведенном группой сотрудников института еще в 1966 году: *«Впервые у нас в институте мы провели работу по совместному пребыванию матери и ребенка. <...> И, в общем, во всех отношениях — мы провели целый ряд исследований — это было очень хорошо. <...> Но над всем тяготел Минздрав, и приехала такая Никончик из Минздрава, прошла по этим палатам — мы ее с восторгом провели, — сделала, как сказала одна наша сотрудница, козью морду и сказала, что нам Минздрав это запретил. Мол, ни к чему» (И29).*

Следующее обвинение состоит в том, что некоторые из злоупотреблений, имевших место в системе родовспоможения и могущих расцениваться исключительно как преступные действия и нарушения прав человека, были вызваны прямыми директивами, поступившими в роддома «сверху». Так, например, известный послевоенный лозунг «Каждый родившийся живым — должен жить!» повлек за собой запрет для врачей сообщать женщинам о патологиях родившихся у них детей и принимать отказы от неполноценных детей: *«Но у нас — ведь это было ужасно — маму заставляли брать такого ребенка. А если она отказывалась, у нее не принимали отказа. В родильных домах было запрещено говорить матери, что у нее больной ребенок, вытихали ее с этим ребеночком» (И29).* Сердобольные сестры иногда нарушали запрет и говорили матерям о постигшем их несчастье, а сочувствующие врачи закрывали на это глаза.

Еще одно обвинение, предъявляемое женщинами государству, связано с порочной политикой в области медицинского образования. При этом указывается на взяточничество, «блат» и попустительство, распространенные при приеме и обучении в медицинских учебных заведениях. В результате дипломированными врачами часто оказываются люди, мало сведущие в медицине. Женщины часто жалуются на низкий профессиональный уровень медиков — некомпетентность, неграмотность врачей, отсутствие элементарных профессиональных навыков у младшего медперсонала (*«Поскольку Лариса была очень молодая и неопытная, мне пришлось самой руководить собственными родами» — И20*), отсутствие у

персонала родовых необходимых для медиков качеств, призвания — в частности, «тяжелая рука» («Ну, кажется, чего там можно больно сделать — а он даже этой дудочкой своей, которой слушает, — он так ей надавит, что заорешь» — И18).

Итак, роддом часто рассматривается женщинами как жертва государства, препятствующего ему в работе. Однако в восприятии женщинами родовспомогательной медицины существует и другая точка зрения: часто в их сознании медицина как бы выступает в роли двойника, пособника и представителя государства. Все пороки роддомовской системы дублируют в миниатюре пороки, присущие государству. В роддомах царят те же тоталитаризм, авторитарность, принуждение, «конвейер», «штамповка», полицейская система, тюремный режим, пренебрежение мнением человека, — все делается с учетом интересов организации в ущерб интересам личности.

На наш вопрос о доверии врачам мы получали порою резко отрицательные отзывы, высказанные как бы от лица всего населения страны: «Врачам я, конечно, не очень доверяла — какой же советский человек доверяет врачам?» (И3). Нередко информантки противоречат сами себе: они говорят, что доверяют врачам, но из их рассказов явствует обратное. Врачи из помощников в сознании женщин превращаются во врагов, неких — буквально — врачей-вредителей, полномочных представителей машины тоталитарного государства, вторгающихся в их частную жизнь с целью подчинить ее общепринятому единому закону. Женщины сбегают из родового отделения, всеми силами стараются избежать приема прописанных им лекарств, отказываются от назначенных процедур и т.п. Они всерьез убеждены в том, что медицинское вмешательство может принести вред здоровью ребенка и их собственному: «Только я не пила — там витамин Е давали, потом еще чего-то, я почему-то не пила, боялась, вылиwała вон» (И9).

Недостаточно оправданное обращение врачей к медикаментам, процедурам и хирургическому вмешательству (эпизиотомия — разрез промежности, амниотомия — разрыв плодного пузыря, кесарево сечение) женщины склонны объяснять их перестраховкой и боязнью ответственности («Может быть, это чисто мое мнение, но мне кажется, что врачи перестраховались — и в послеоперационный период, и в применении лекарств, потому что нам очень много лекарств давали и много антибиотиков. <...> Я разговаривала об этом с врачом, а она сказала: чем калечим, тем и лечим» — И19), желанием облегчить себе задачу («Взяла и проткнула. Без спросу. <...> Я им говорила: я чувствую, что я скоро рожу, зачем это надо? <...> Так они облегчают себе задачу просто» — И17) и отсутствием индивидуального подхода в каждом отдельном случае («Ну, конечно, врачи действуют по схеме, по предписаниям» — И8).

Следует отметить, что зачастую противодействие, оказываемое врачам их пациентками, является результатом различного рода предрассу-

ков и непонимания ситуации. Медработники сталкиваются с весьма серьезной проблемой, успешно справиться с которой им удастся далеко не всегда. В этом отношении они безусловно достойны сочувствия. Однако неграмотность женщин в вопросах физиологии и медицины является тревожным показателем отсутствия контакта между врачом и пациентом. Опрос показал, что ни лекции, ни популярные издания, несмотря на их очевидную пользу, не способны в должной степени систематизировать знания будущих матерей о беременности и родах. Набора общих сведений оказывается недостаточно: женщинам необходимо осмысление их собственного опыта. Если бы врачи в доступной форме объясняли роженицам смысл происходящего, число беспочвенных страхов и волнений несомненно бы резко сократилось. В свою очередь, взаимопонимание было бы достигнуто скорее, если бы женщины могли свободно обращаться к медперсоналу с тревожащими их вопросами, не опасаясь встретить в ответ грубость, раздражение или пустую отговорку.

По отзывам многочисленных наших информанток, врачи проявляют полную авторитарность и безапелляционность, с раздражением отказываются отвечать на вопросы рожениц, обсуждать с ними характер необходимой медицинской помощи: *«Обычно за всю свою жизнь я когда спрашиваю, какое лекарство мне дают, отвечают обычно грубо. И я уже просто стала плохо больницы переносить, я уже старалась просто не спрашивать»* (И19). Женщины также лишены информации о намерениях врачей и возможности обсуждать их целесообразность (*«Врач осмотрела меня на кресле и что-то стала делать — не сказала, что, как всегда. А это она мне пузырь прокалывала, меня не спросила. Я этого не хотела. Если б знала, отказалась бы»* — И1). Характерно, что сама поза, в которой располагается роженица, заранее задана, и никаких вариантов здесь быть не может. Эта поза удобна для врачей, но не обязательно для самой роженицы. К тому же, выяснилось, что она освящена традицией и потому является единственно пристойной для советской гражданки: *«Она встала на четвереньки, потому что ей так было легче, а они ее обругали и сказали, что она находится в приличном месте»* (И1).

Женщин совершенно не устраивает уготованная им в процессе родов пассивная роль. Они оказываются бессловесным беспомощным материалом в руках медиков. Знаменательны эмоции, испытываемые врачами, даже наиболее любезными по отношению к своим пациенткам, — недовольство, раздражение, желание отделаться: *«Я проработала в роддоме больше пятнадцати лет. И, конечно, меня иногда раздражали — я же имею дело с мамой — это же сумасшедший, больной человек, ненормальный. <...> Она вам душу выматывает, а вы ей улыбнитесь в ответ. <...> Мама, пока ребенок здоровый, все хорошо. Как только ребенок заболевает, мама начинает сходить с ума. Она просто держит всех и мешает — мешают лечить, мешают работать»* (И29). Никто не принимает во внимание

мнение женщин, их просьбы и требования: *«Говорю: не кормите их ничем, не кормите, не кормите. Прихожу смотреть на них — у них такая отрыжка по щеке — все измазано, кошмар какой-то» (И17).*

Реакция женщин на собственную беспомощность и бессилие перед медперсоналом, унижение и издевательства болезненно острая, нередко дело даже доходит до слез: *«Я поняла, и у меня как слезы полились просто от какого-то негодования, от какой-то слабости, что я ничего не могу сделать» (И17).*

Сильное внутреннее сопротивление вызывают у женщин установленные в роддомах режим и система запретов. Мать часто подолгу не имеет сведений о ребенке, его состоянии, уходе за ним (*«Мне никто ничего не говорил о моем ребенке — там было все закрыто, что-нибудь у кого-нибудь узнать было невозможно» — И20*), на протяжении всего пребывания в роддоме она даже не имеет возможности осмотреть его (*«Его приносят запеленутого, и нет возможности даже посмотреть, что он из себя представляет, чистенький ли он, какой он, как за ним ухаживают» — И25*). Ей запрещено видеться с родственниками (*«Естественно, никого туда не пускают, — это тоже мне непонятно, почему» — И25*), не разрешается также покидать пределы роддома (*«Она сказала, что уходить категорически запрещено. Я спросила: «Тюрьма, что ли?» — И1*), нельзя выйти подышать свежим воздухом (*«Мы ходили в сортир, открывали форточку, которая была незаколочена, и через нее дышали» — И21*). Существует лимит на передачи (*«В окошко передавали на веревках, якобы тайно, но, конечно, все об этом знают, передачи» — И8*), имеется запрет на некоторые личные вещи — часы, драгоценности, книги, газеты, трусы, вату, цветы, определенные виды продуктов.

При этом медперсонал в любое время имеет право на контроль, осмотр самих рожениц (*«Чтобы подкладные меняли почаще, осматривала прямо на кровати» — И10*), их личных вещей (*«Гумбочки особо не смотрели, но проверяли, чтобы там колбасы не было» — И18*), в том числе, передач и корреспонденции (*«Он попросил сотрудницу, которая передавала передачи, передачи ей не передавать, а передать ему. И когда ему принесли эту передачу, он в передаче нашел записку от отца ребенка. Записку эту он взял себе, а букет роз и коробку конфет передал ей» — И22*).

Медперсонал также распространяет свои полномочия на контроль за моральным обликом женщин. Мать — роль, исполняемая не только в семье, но и в обществе, и это накладывает на женщину определенные обязательства: *«Там какая-то навороченная обложка — какая-то девица голая, совершенно не относящаяся к этому детективу, — ну как сейчас все эти новые книжки издают — такая очень красивая обложка. Медсестры посмотрели, так языком поцокали — срамота какая, а заведующая сказала поучительным тоном, что здесь нельзя читать, а если читать, — то только книги, связанные с детьми» (И18).*

Роддом живет строго по своим законам, и интересы матери и ребенка при этом не учитываются, отступить от заведенного порядка ради их удобства нельзя («После родов я сперва двое суток лежала в коридоре, поскольку у них такая система, что палата заполняется целиком, и то есть пока не будет пяти штук, все лежат в коридоре, а палата стоит пустая» — И23).

Все процедуры выполняются в строго установленное время, и опоздавшему даже по уважительной причине может быть отказано в лечении («Она видит, что я кормлю, мне не оторваться, а она кричит: быстро укол делать! Когда я опоздала на пятнадцать минут, она говорит: знаете, вы вот напрасно так сделали, что опоздали, потому что я уже закрыла кабинет и вас уже больше не пушу» — И17).

В выходные дни бытовое обслуживание рожениц может полностью прекращаться («Там были выходные, значит, — все это закрыто — где все это белье выдавали, и мы лежали в этих ночных рубашках, которые нам в первый раз выдали, — дня четыре мы в них лежали. Простыни тоже, дырки на них немеренные посередине — просто ужас. Кровища, молоко пришло, вся простыня в молоке, потная вся — это было ужасно, на самом деле. А у них выходной, им все по фигу» — И18).

Однако следует отметить, что не все, не устраивающее матерей в роддомах, напрямую связано с тоталитарным характером коммунистического режима. Женщины в России идеализируют систему родовспоможения за границей и ничего не знают о существующих там в этой области проблемах. Тем не менее проблемы эти есть, а это означает, что следует с особой осторожностью отделять явления, специфичные для России, от характерных для традиционного родовспоможения вообще.

Рассмотрим претензии, предъявляемые женщинами на Западе традиционной системе принятия родов. Женщины там борются за право быть главным *действующим* лицом в процессе родов. Их возмущает пассивная роль, уготованная им в родах и авторитарность врачей. Проявляют они недовольство и злоупотреблениями в связи с медицинским вмешательством в процесс родов — чрезмерным увлечением медикаментами, хирургическим вмешательством, использованием громоздкой аппаратуры. Они протестуют против поточного метода приема родов. Неудовлетворенность режимом, системой запретов и бытом связаны с казенностью роддомовской обстановки, отличием ее от привычной, домашней, свободной².

При наличии всех вышеперечисленных недостатков в западной системе принятия родов имеются неоспоримые преимущества перед нашей, отечественной. Прежде всего это возможность выбора. Система родовспоможения не является единой, и беременной женщине предлагается самой заранее выбрать себе тот тип родов, который ее более устраивает.

Далее. В отличие от пациентки российского роддома, у роженицы на Западе существует целый ряд прав, о которых ей неустанно напоминают.

Пассивность западной женщины в родах относительна: официально считается, что она «работает вместе» с врачом и акушеркой. Женщина имеет очень важное право — право на информацию. Руководства по беременности и родам постоянно напоминают женщине, что она может задавать врачам в любое время любые вопросы, касающиеся протекания родов и состояния ее здоровья и здоровья ребенка. Женщина может принимать участие в обсуждении методов родовспоможения и лечения. Она вольна выбрать устраивающий ее тип анестезии или отказаться от нее. Она имеет право сделать соучастниками родов своих родных и близких. Во время родов женщина не только пациентка, но еще и просто *человек*, переживающий важнейшее событие в жизни. Мать становится первым человеком, в руки которого попадает ребенок после рождения — его сразу прикладывают к груди. Она может сама ухаживать за своим ребенком. В случае недовольства режимом роддома и существующими в нем запретами ей предлагается обсудить этот вопрос с администрацией³.

И, наконец, у роженицы в западных странах имеется целый ряд гарантий. Она гарантирована от некомпетентности медиков: система подготовки врачей на Западе чрезвычайно серьезна. Она гарантирована также от плохой работы и недобросовестности медработников — это нелегко, так как они заинтересованы в том, чтобы не потерять свое рабочее место, не остаться без практики. По той же причине женщина застрахована от грубых нарушений персоналом роддомов правил врачебной этики. Сколь бы женщины на Западе не были недовольны засилием техники в системе медицинского обслуживания и злоупотреблением медикаментами, тем не менее оснащенность роддомов современной аппаратурой и наличие в них необходимых медицинских препаратов — факт явно положительный, и в случае осложненных родов роженице и ребенку гарантирована надежная медицинская помощь. К тому же женщины, пользующиеся услугами роддомов, избавлены от откровенных бытовых затруднений.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. В России, как и за ее пределами, существует традиционное родовспоможение, характеризующееся такими признаками, как главенство врача и пассивность роженицы в ходе родов и единство врачебных методов, подразумевающих существенное медицинское вмешательство в процесс родов. В демократических странах авторитарность врача в системе родовспоможения носит более цивилизованный характер (роженица имеет ряд прав и гарантий и застрахована от откровенных злоупотреблений), в то время как в странах с тоталитарным режимом этот фактор может принимать подчас извращенные, уродливые формы, граничить с полным беззаконием и произволом. Что же касается так называемых медикаментозных родов в противовес естественным, то эта черта традиционного родовспоможения целиком зависит от системы принятия родов, сложившейся в каждой конкретной стране, вне зависимости от существующего в ней государственного строя

и режима. В Европе уникальным примером страны, где домашние роды — норма, а в больницах рождают лишь по специальным медицинским показаниям и собственному волеизъявлению, является Голландия.

Еще в XVII веке, когда акушерство только начинало развиваться как научная дисциплина, в его теории и практике наметились два направления: французская школа придерживалась принципов медицинского вторжения в процесс родов, английская — защищала естественное их течение. Воспользовавшись методами, принятыми в обоих направлениях, в XIX веке ведущее место в Европе заняла немецкая школа⁴. Характерной чертой российского акушерства до революции 1917 года являлась «очень осторожная оценка показаний к хирургическим вмешательствам в процессе родов»⁵. Ведущие русские акушеры начала XX века (В. Сутугин, Г. Рейн) рассматривали роды как естественный физиологический акт, не требующий медицинского вмешательства. При советской власти их взгляды стали восприниматься как «лженаучные»⁶. Некоторым образом отношение к медицинскому вторжению в процесс родов связано с научно-техническим прогрессом, однако прямой связи здесь не прослеживается. Высокий уровень науки и возможность предоставить для родов самую сложную и дорогостоящую аппаратуру и препараты зачастую вызывают в обществе неприятие и отказ от медикаментозных родов. В развитых капиталистических странах сопротивление традиции как раз может оказаться сильнее и поиск новых альтернатив быть более активным.

За последние несколько лет система родовспоможения в России претерпела существенные изменения. С падением коммунистического режима, как прямое следствие общей либерализации и гуманизации общества, впервые появилась некая альтернатива традиционным государственным родам — платные роды. Однако, и женщины, и врачи сходятся во мнении, что она оправдала себя лишь частично. Конечно, это уже очень большой шаг вперед. Присутствие при родах отца, раннее прикладывание ребенка к груди, содержание его вместе с матерью в отдельной палате — все это значительные перемены к лучшему, женщины их ценят и готовы платить за соблюдение этих условий. Между тем на практике платное родовспоможение мало чем отличается от прежней системы: просто, как отмечают женщины, предприимчивые кооперативы взяли это дело в свои руки и получают деньги за реально ничего не стоящие услуги — присутствие отца при родах и раннее прикладывание ребенка к груди. Персонал остается тот же, его обращение с женщиной, рожавшей за деньги, либо меняется мало, либо вообще не меняется; бытовые условия практически прежние: *«Уход за ребенком и за мамой и все процедуры — те же самые, и лечат те же самые врачи — все то же самое совершенно, абсолютно, без всякой разницы — и с той же ответственностью»* (И29). Сама система платных родов в корне порочна: врачи реальных денег от роженицы не получают, остаются на зарплате, о чем прямо и говорят в

ответ на претензии: *«А Вы нам лично никаких денег не давали!» (И1)*. Такие удобства, как отдельные палаты и достаточное количество белья, предоставляются за счет женщин, рожаящих бесплатно, — им приходится потесниться: *«Нас было двое в палате, а женщины, рожавшие бесплатно лежали на полу в коридоре, ведущем в туалет. Все их пожитки и еда лежали прямо на полу на дороге, мы через них перешагивали» (И1)*.

Тем не менее ослабление централизованного управления медициной, некоторая свобода, полученная роддомами, и возможность для них организовать у себя платные роды сделали очень важное дело: стереотипы, безраздельно господствовавшие в родильной медицинской помощи, пошатнулись. Это привело к тому, что в настоящее время в некоторых роддомах часть услуг, ранее причитавшихся лишь оплатившим их женщинам, стала перепадать и тем, кто рождает бесплатно, постепенно становясь нормой. К сожалению, пока это касается в основном роддомов в крупных городах страны. К тому же, как уже было сказано выше, пока еще нет кардинальной разницы между прогрессивными платными формами принятия родов и послеродового ухода и отсталыми бесплатными.

Реальной альтернативой государственной системе родовспоможения в сознании женщин являются домашние роды. Стремление подавляемой личности к свободе вполне понятно и закономерно. В последнее время в поведении беременных, уходе за детьми и их воспитании наблюдается особенно сильное стремление уйти от насилия к свободе, природе, естественности. С этим связана и широкая популярность книг Никитиных, неоднократно упоминавшихся нашими информантками. Данная тенденция объясняется, видимо, и религиозным возрождением: многие акушерки, принимающие роды на дому, — «духовные». Их подопечные полагаются на волю Божию, а не на помощь медиков: *«А почему у нас так хорошо заживают пупки? А потому, что мы все делаем с молитвой!» (И3)*. Домашние роды становятся все более распространенными и все более привлекают женщин. Четверо наших информанток, которые собираются рожать еще, склоняются к решению рожать дома в воду. Одна наша информантка поделилась с нами подобным опытом. Она была абсолютно удовлетворена всеми аспектами этого нетрадиционного способа родов и очень хвалила высокий профессионализм акушерки. Особенное внимание в родах уделялось связи между матерью и ребенком. Отец также был не простым свидетелем, но активным участником в процессе появления ребенка. Две информантки, ходившие на занятия, проводимые домашними акушерками, но не решившие воспользоваться их услугами, впоследствии пожалели об этом. Отказ от домашних родов часто связан с испытываемым женщинами страхом перед родами и упованием «в случае чего» на помощь медицинского оборудования. Однако, убедившись в естественности процесса родов при нормальном их течении, женщины меняют свое мнение. К сожалению, этот путь неприемлем для многих женщин, кото-

рым уготованы осложненные роды и которые действительно нуждаются в аппаратуре.

В нашей стране нет возможности соединить свободу, естественность протекания процесса родов и домашнюю обстановку с гарантией безопасности матери и плода. И хотя рассказ о родах И14 очень близок к описанию женщинами родов в клинике Мишеля Одена в Питивьере (Франция), однако там они, ко всему прочему, находятся под покровительством квалифицированных врачей в прекрасно оборудованном медицинском учреждении, в то время как все гарантии, которые может дать домашняя акушерка в нашей стране, — это: *«Бог дал, Бог и взял» (ИЗ)*.

Женщины считают, что для разрешения кризиса требуется кардинальное улучшение системы именно обычных бесплатных государственных родов: некоторым нашим информанткам, рожавшим в последнее время, пришлось отказаться от идеи платных родов ввиду отсутствия необходимых средств, так что появление хороших дорогих государственных или частных роддомов не может решить проблему окончательно.

Остается надеяться, что в том случае, если либеральные тенденции в нашем обществе будут развиваться, женщины смогут рассчитывать на улучшение положения дел в области родильной помощи.

Примечания:

¹ Леви М. История родовспоможения в СССР. М., 1950. С.128.

² См., напр.: Оден М. Возрожденные роды / Пер. с фр. М., 1994.

³ См. напр.: Pregnancy book: a guide to becoming pregnant, being pregnant and caring for your newborn baby. London, 1992.

⁴ Акушерство // Малая Советская Энциклопедия: Изд. 2. Т.1. М., 1937. С.228.

⁵ Бодяжина В., Жмакин К. Акушерство: Изд. 2. М., 1979. С.8.

⁶ Леви М. Указ. соч. С.89.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов. 3

Архивные исследования. Публикации

- Марина Саламатова (Новосибирск). Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. 9*
- Надежда Игнатова (Сыктывкар). Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1940 гг.: заселение и условия жизни 23*
- Оксана Репухова (Петрозаводск). Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. 35*
- Ольга Колобенина (Ярославль). «Контрреволюционная право-троцкистская молодежная организация» в ярославском комсомоле. (По материалам архива Управления ФСБ по Ярославской области) 45*
- Елена Паповян, Александр Паповян (Москва). Участие Верховного суда СССР в выработке репрессивной политики. 1957–1958 гг. 54*
- Елена Паповян (Москва). Применение статьи 58-10 УК РСФСР в 1957–1958 гг. (По материалам Верховного суда СССР и Прокуратуры СССР в ГАРФ) 73*
- Геннадий Кузовкин (Москва). Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней «оттепели» 88*
- Николай Костенко, Геннадий Кузовкин, Сергей Лукашевский, (Москва). «Вред, нанесенный вами, надо исправить, стереть, изгладить!» (К публикации «Заявления» группы архиереев Русской Православной Церкви) 126*

Статьи. Сообщения

- Елена Коробова (Саратов). Ю.Г.Оксман в Саратове. 1947–1957 гг. 145*
- Денис Букалов (Донецк, Украина). Остарбайтеры Донбасса 155*
- Гюльнара Бекирова (Москва). Проблема эмиграций крымских татар в российской исторической литературе XIX – 30-х гг. XX в. 160*
- Е.Ю.Садовская, Э.А.Толоконников (Воронеж). Метод групповой идентификации останков жертв массовых расстрелов 176*

Устная история

- Наталья Герасимова (Саратов). Собирая устные свидетельства... Профессора и студенты 1960-х 187*
- Татьяна Косинова (Санкт-Петербург). События 1956 г. в Польше глазами советских диссидентов 193*
- Екатерина Белоусова (Санкт-Петербург). Наши современницы о родовспоможении в России 216*

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort der Redaktion	5
-----------------------------	---

Veröffentlichungen archivarischer Forschungen

<i>Marina Salamatova</i> , Wahlrechtsentzug in Novosibirsk. 1927-1936	9
<i>Ignatova, Nadezda</i> , Zwangsumgesiedelte in der Republik Komi, 1930-1940. Zwangsansiedlung und Lebensbedingungen	23
<i>Oksana Repuchova</i> , Die Vorgänge um die "konterrevolutionäre Verschwörung" in Karelien in den Jahren 1932 und 1933	35
<i>Olga Koloberina</i> , Die "konterrevolutionäre rechts-trotzkistische Jugendorgan- isation" im Jaroslawer Komsomol'	45
<i>Jelena Papovjan, Aleksandr Papovjan</i> , Die Rolle des Obersten Gericht- shofes der UdSSR bei der Ausarbeitung der Repressionspolitik in den Jahren 1957-1958	54
<i>Jelena Papovjan</i> , Die Anwendung des 58-10 des Strafgesetzbuches der RSFSR in den Jahren 1957-1958	73
<i>Gennadij Kuzovkin</i> , Politische Verfolgungen durch Partei und Komsomol' während der frühen "Tauwetter"-Periode	88
<i>Nikolaj Kostenko, Gennadij Kuzovkin, Sergej Lukasevskij</i> , Zur Veröffentlichung der "Erklärung" einer Gruppe Erzpriester der russisch- orthodoxen Kirche	126

Aufsätze und Mitteilungen

<i>Jelena Korobova</i> , Ju.G.Oksman in Saratov, 1947-1957	
<i>Denis Bukalov</i> , Ostarbeiter aus dem Donbass	155
<i>Gjulnara Bekirova</i> , Das Problem der Emigration der Krimtataren in der russis- chen historischen Literatur des 19. Jh. bis in die 30er Jahre des 20. Jh.	160
<i>Je.Ju.Sadovskaja, E.A.Tolokonnikov</i> , Eine Methode zur Gruppen Identifi- kation der Opfer von Massenerschießungen anhand von Überresten	176

Oral History

<i>Natalja Gerasimova</i> , Beim Sammeln von Augenzeugenberichten... Studenten und Professoren in den 1960er Jahren	187
<i>Tat'jana Kosinova</i> , Die Ereignisse des Jahres 1956 in Polen aus der Sicht sowjetischer Dissidenten	193
<i>Jekaterina Belousova</i> , Geburtshilfe in Rußland heute aus der Sicht betroffener Frauen	216

КОРНИ ТРАВЫ

Сборник статей молодых историков

Редакционная коллегия
издательской программы «Мемориала»:
А.Ю.Даниэль, А.С.Еремина, Т.И.Касаткина, М.М.Кораллов,
Н.Г.Охотин, Я.З.Рачинский, А.Б.Рогинский (отв.ред.)

Зав.редакцией А.С.Еремина

Художник М.Коренева

Корректор А.Петрова

Подписано в печать 10.10.1996. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1000.

Отпечатано ООО Информполиграф. Заказ 498

Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12.

